

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

СПЕЦВЫПУСК

Материалы научно-практического студенческого семинара, посвященного юбилею декана историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Ю.А. Курдина

Является приложением к научному журналу «Молодой ученый» № 11 (115)

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

...священники и народознание
...Исторической губернии середины XIX века

Образованием и развитием провинциальной историографии XIX столетия важную роль сыграли деятельность историков и архивистов в архивах и библиотеках Императорского Русского Археологического Общества, Императорского Общества истории и древностей Российских, Нижегородского Русского Географического Общества, Общества любителей отечественной истории и др. В 1847 году ИИО было преобразовано в Императорское Русское Археологическое Общество, в состав которого вошел и Нижегородский филиал. В 1847 году ИИО было преобразовано в Императорское Русское Археологическое Общество, в состав которого вошел и Нижегородский филиал.

...ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
...В ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОМ

11.2
2016

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 11.2 (115.2) / 2016

Спецвыпуск

Материалы научно-практического студенческого семинара, посвященного юбилею декана историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Ю.А. Курдина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

На обложке изображен Курдин Юрий Александрович — декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России, Почетный работник высшего образования.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Основной тираж номера: 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 60 экз.

Дата выхода в свет: 1.07.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

Лебедева Т. А.

Душевные порывы и вехи судьбы
(Научно-педагогическая биография
Ю. А. Курдина)..... 1

1. ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Дывак Р. Ю.

Казанский поход 1552 года в исторической
судьбе России 6

Ермакова С. Н.

А. В. Карпов — исследователь кустарных
промыслов Арзамасского уезда..... 9

Коротина Л. Д.

Историко-культурное наследие А. В. Карпова ... 12

Косоногова В. И.

Нижегородские кустарные промыслы второй
половины 19 века в описании А. В. Карпова 14

Кузьмина А. И.

Фольклор Арзамасского края и историческая
действительность..... 17

Мифтяхов А. Х.

Арзамас — страж города и оплот
православия..... 19

Неупокоева В. Ю.

Путь Ивана IV Васильевича на Казань
в 1552 году: версии и оценки..... 21

Проняева Е. Л.

Личность и эпоха Ивана IV Васильевича
в литературно-краеведческом исследовании
Ю. А. Курдина «Под стягом Всемиловейшего
Спаса» 24

Разживина С. Б.

П. И. Мельников-Печерский — выдающийся
народовед второй половины XIX века 27

Рьянова В. Е.

Крепостничество Нижегородского Поволжья
в сборнике «Ярем барщины старинной...» 30

2. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Артемова М. В.

Исторические песни Арзамасского края 33

Васяева К. О.

Издательский проект «Народная поэзия
Арзамасского края»: идея и воплощение..... 35

Домахин А. А.

Мемораты как источник по истории Арзамасского
края 39

Карева Н. С.

Устная несказочная проза Арзамасского края ... 41

Колпакова И. В.

Муза рабочего человека..... 43

Кончина Д. П.

Собрание народных песен Арзамасского уезда
А. В. Карпова в контексте народознания
XIX века 45

Копыткина О. О.

Мифологические рассказы и суеверия
арзамасской стороны 49

Корчагина Ю. В.

Сказочная традиция земли Арзамасской:
прошлое и настоящее 51

Кудряшова Д. Б.

Предания Арзамасского края: традиции
и современное состояние..... 54

Маслобойникова Н. А.

«Вспыхнувший яркой звездой» (Размышления
над поэтической строкой В. Васильева) 56

Охлопкова Е. А.

Личность и творчество П. И. Мельникова-
Печерского в оценке И. В. Кудряшова
и Ю. А. Курдина 58

Сидорова О. Б.

«Очерки народного самоуправления»
А. В. Карпова в народнической литературе
1870-х гг. 60

Суздальцев И. А.

Христианские легенды и народное православие южных районов Нижегородской области 62

**3. ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ**

Бутанина Е. С.

Мотив сна в поэзии Ю. А. Курдина 66

Волкова А. А.

Тема начала и конца в поэзии Юрия Александровича Курдина 68

Гузнова Е. А.

Образ дома и малой родины в поэтическом творчестве Ю. Курдина 70

Иванова Т. Н.

Храм в пространстве лирики Ю. А. Курдина.....71

Лобова О. Л.

«Акси светлая струя...» (символический образ русской реки в поэтическом дискурсе) 74

Пантурова Е. В.

Образ дороги в лирике Ю. А. Курдина 77

Сергеев В. А.

Образ простора в творчестве Юрия Александровича Курдина 79

Шувалова Е. С.

Лестница духовного благоденствия в лирике Курдина Ю. А.....81

Душевные порывы и вехи судьбы (Научно-педагогическая биография Ю. А. Курдина)

Лебедева Татьяна Александровна, студент;
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала «Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского» в августе отметит юбилей. В свои шестьдесят Юрий Курдин продолжает творческую и научную работу, а его вклад в жизнь арзамасской молодежи неоценим. Активности Юрия Александровича можно позавидовать: не замыкаясь только на научной и педагогической деятельности, он принимает сам участие в работе местных отделений Всемирного Русского Народного Собора, Международного фонда славянской письменности и культуры, областной писательской организации. Ни одно институтское или городское мероприятие не обходится без его участия.

Юрий Александрович Курдин родился в 1956 году в деревне Сальниково Арзамасского района Арзамасской области в большой крестьянской семье. После окончания средней школы он служил в пограничных войсках, затем трудился на комсомольской ударной стройке в Западной Сибири — строительстве газопровода Уренгой-Сургут-Челябинск. В пединститут Юрий Курдин поступил уже осознанно, в двадцать два года. Ни армия, ни доармейская работа на приборостроительном заводе, ни два года на лесозаготовках не остановили его в желании стать учи-

телем. Сам Юрий Александрович говорил: «Считаю, что как раз в двадцать два года человек может почувствовать, чем именно он должен заниматься в жизни, и сделать свой выбор. И тогда главное — чтобы рядом оказались мудрые наставники. Это и Г. Борисов, декан факультета, на который я поступил, и Л. Климова, у которой писал дипломную работу, а так же Б. Кондратьев, А. Атрощенко, Н. Рыбаков...» [6, с. 4]

В двадцать пять лет Юрий Александрович уже активно занимался самостоятельной собирательской и исследовательской деятельностью. Особый интерес у него вызвал живой местный фольклор. В дальнейшем эта работа легла в основу проекта «Народная поэзия арзамасского края». [6, с. 4] В 1982 году Юрий Александрович с отличием окончил факультет русского языка и литературы Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара и начал свою педагогическую деятельность на кафедре литературы. В 1984–1987 годах он обучался в дневной аспирантуре при кафедре русской литературы МГПИ им. В. И. Ленина (научный руководитель д. ф. н. проф. Б. П. Кирдан). А в 1989 году Юрий Александрович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фольклор в диалогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». В 1992 году Юрий Курдин был

избран деканом факультета русского языка и литературы в своей альма-матер — Арзамасском государственном педагогическом институте. В 1996 году он получил ученое звание — доцент. В 2005 г. Юрий Александрович повышает квалификацию в МГУ им. М. В. Ломоносова на кафедре устного народного творчества под руководством д.ф.н. проф. В.П. Аникина. В 2007 году, оставив должность декана филологического факультета, Юрий Александрович становится заведующим вновь образованной кафедры теологии и истории культуры, на историческом факультете и 8 лет занимается подготовкой бакалавров-теологов. С 2011 года назначается деканом историко-филологического факультета. В этом году Юрий Александрович отмечает не только шестидесятилетний юбилей, но и двадцатилетие педагогической деятельности в Арзамасском государственном педагогическом институте в должности декана.

Юбиляр ведет большую общественную работу. Он принимал участие в работе Всемирного Русского Народного Собора. Юрий Александрович неоднократно говорил о том, что озабочен судьбой родной страны: «Мы, православные, готовы уважать мировоззренческий выбор других людей. Но мы не можем молча наблюдать, как на месте тысячелетней отечественной духовной традиции пытаются насадить исторически чуждые народу стандарты поведения, нормы жизни. Нравится европейцам и американцам жить, как они живут — пожалуйста. Да только не навязывайте нам ваши «свободы». Мы не хотим, чтобы Россию постигла участь Римской империи, которая рухнула только оттого, что над непобедимым Римом одержали верх человеческие грехи» [4, с.69]. Ю.А. Курдин является членом Союза писателей России, возглавляет арзамасское отделение нижегородской писательской организации.

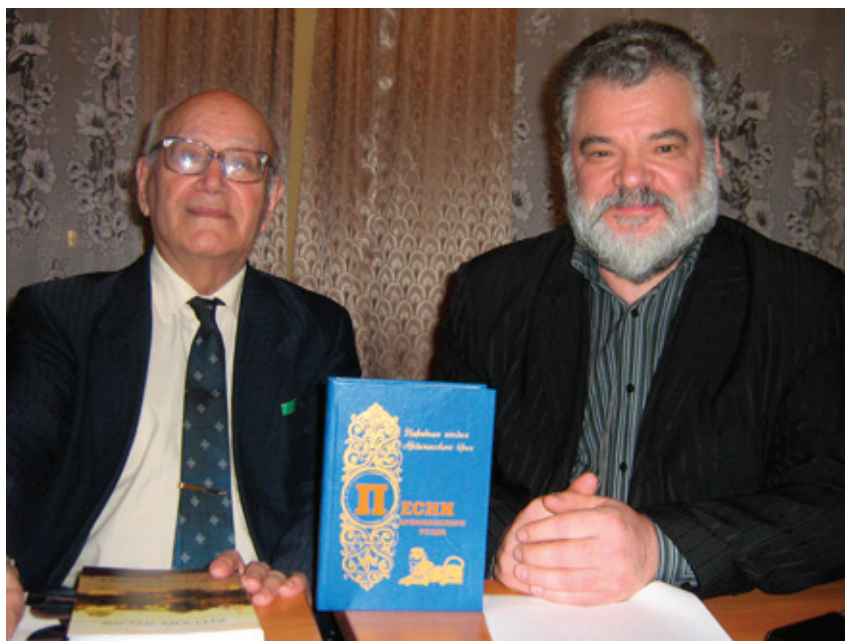
Председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев и Ю. А. Курдин

Наш декан активно привлекает студентов к научной работе, сам принимает участие в их жизни, является членом редколлегии просветительского журнала «Арзамасская сторона» и приложений к нему — газет и книг. Именно таких людей называют просветителями. «В плане развития творческих способностей у нынешних студентов широчайшие возможности, — считает Ю. Курдин. — В институте работают студенческие театры, выходят периодические издания, где молодые пробуют перо, есть даже свой просветительский журнал «Арзамасская сторона». А побывав в МГУ, я понял, что в нашем вузе у студентов простор для самореализации шире». [3, с. 16] Студенты АГПИ более тридцати лет проводят ежегодные фольклорные экспедиции, собирая творения русской народной поэзии Правобережья Нижегородской области. Но участие в создании всех этих научных работ о местном фольклоре принимали не только студенты, также к работе подключились преподаватели вуза и учителя сельских школ.

Своей главной задачей юбиляр считает издание того фольклорного материала, которым богат арзамасский край. Юрий Александрович является автором ряда издательских, а также видеопроектов по истории и фольклору родного края. Его основные работы связаны с краеведением и региональной фольклористикой. Нужно отметить, что интересные слова, меткие выражения и песни Юрий Александрович начал записывать еще школьником. Все это он перенял от своей мамы. «Она всегда была запевалой на деревенских праздниках, а уж пословицы знала такие, что не в бровь, а в глаз! — рассказывал Курдин. — Тогда я почувствовал, как это важно и интересно, хоть и не знал, что такое фольклор и что это станет основой моей научной работы». [6, с. 4]

Собирательством и изданием фольклора Юрий Александрович занимается уже тридцать пять лет. Под его руководством реализовался грандиозный издательский проект пединститута «Народная поэзия арзамасского края» в десяти томах, в том числе «Сказки», «Предания»,

В. П. Аникин и Ю. А. Курдин на II Конгрессе фольклористов

«Исторические песни». Эти книги получили высокую оценку столичных ученых. Сборник сказок даже был отмечен премией Союза писателей России им. Б. Шергина, членом которого Ю. А. Курдин является с 2003 года. Нельзя, чтобы «бесценный материал лежал мертвым грузом — он рожден народом и должен принадлежать народу». «Поэтому и решено было издать весь этот материал, — утверждает Курдин. — По тем отзывам, которые мы получили, считаю, что выбрали верный путь. Высокую оценку проект получил у ученых-фольклористов, Союза писателей России. Не многие даже столичные вузы могут похвалиться подобной работой. К сожалению, из-за отсутствия средств мы не укладываемся в намеченный график выпуска книг, но то, что запланировали, будет обязательно издано». [4, с.69]

Еще одним из направлений в научной деятельности юбиляра являются литературно-краеведческие исследования. В своей книге «Под стягом Всемиловейшего Спаса» автор обобщил многие разрозненные сведения некоторых исследователей о походе через Аразамасский край. Там представлен уникальный фольклорный материал о грандиозном событии, в котором отражены народные воспоминания. Некоторые из них записаны еще в 80–90-е годы XX века. [5, с.10] «В Арзамасском районе сохранилось немало преданий, рассказывающих о пребывании здесь Ивана IV — утверждает наш декан. — А предания, как известно, на пустом месте не появляются. Вот и возникает вопрос: почему же мы стыдимся признать, что город-крепость Арзамас в 1552 году заложил Иван Грозный? И ведь дело даже не в том, что Арзамас «омолодили» на четверть века. Важна историческая справедливость». [4, с.69]

Юрий Александрович открыто вступает в полемику с видными историками, которые показывают Ивана Гроз-

ного садистом, деспотом, палачом: «А Петр I, кем он был? Еще неизвестно, на ком больше крови. Но почему-то Петр считается великим преобразователем, а Иван IV — деспотом. Я вообще не пойму, почему мы до сих пор придерживаемся однобокого подхода к роли российских императоров. Одного называем миротворцем, другого — освободителем, третьего — душителем свобод. Особенно от наших либералов достается Александру III. А между тем, это была интересная личность». Курдин отмечает, что свой поход царь Иван IV спланировал и осуществил как миссионерский, который должен был положить конец противостоянию Москвы и Казани. [4, с.69] Без сомнений, эта книга интересна всем, кто желает больше узнать об истории своего родного края, она дает ответ на многие актуальные вопросы, связанные с развитием государства Российского, позволяет под другим углом взглянуть на сложные процессы, происходившее в царствование Ивана Грозного.

Еще одна известная работа нашего декана — многолетние исследования творчества П.И. Мельникова-Печерского, которые Юрий Александрович обобщил в монографии «Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П.И. Мельникова-Печерского». [2, с. 302] Юрий Александрович всегда принимает активное участие в межвузовских конференциях, чтениях, семинарах, проводимых в институте и других вузах нашей страны, он неоднократно выступал с докладами на Всероссийском конгрессе фольклористов. «Забота о русском языке, рост влияния российской культуры — это важнейший политический вопрос Настоящее искусство несет в себе серьезный воспитательный заряд, формирует начало патриотизма, развивает моральные и семейные ценности, уважение к труду, к старшим поколениям — уверен Ю. А. Курдин». [1, с. 10]

Пушкинский праздник в Арзамасе, 2015 год

Юбиляр не только занимается научной деятельностью, но и руководит научно-исследовательской работой студентов филологического и исторического отделений, участвует в организации и проведении учебно-воспитательных и просветительских мероприятий, проводимых институтом, является координатором фольклорно-поисковой работы вуза, руководителем творческой лаборатории по изучению народной поэзии и этнографии региона.

Юрия Александровича на работе ценят как высококвалифицированного ученого и педагога высшей школы. За время работы в Арзамаском педагогическом институте он разработал для студентов филологического и исторического факультетов несколько лекционно-практических курсов, в том числе «Устное народное творчество», «Фольклор Нижегородского края», «Литературное

и лингвистическое краеведение», «История русской литературы XI–XVII веков», «Традиционная культура Арзамасского края и православие».

Интерес к творческой деятельности у Юрия Александровича появился еще в школе. В седьмом классе он послал в «Арзамасскую правду» два своих стихотворения, после чего в Новый Усад, его родное село пришел отпечатанный на машинке ответ от А. Плотникова, руководителя литературного объединения при редакции: «Уважаемый товарищ Курдин! Внимательно прочитал ваши стихотворения. В них есть блестящие поэзии, но мало еще глубины и своеобразия...». [6, с.4]

Совет известного мастера слова predetermined более строгое отношение начинающего поэта к своему творчеству. Со временем стихи Юрия Александровича стали

более зрелыми и мастерски отточенными. Часть из них вошли в сборник: «Лирические отступления» (стихи разных лет, Арзамас, 2001), а также опубликованы в журнале и альманахе (Арзамасская сторона).

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность Юрий Александрович отмечен знаками «Отличник народного образования», «Почетный работник высшего профессионального образования», «За развитие НИРС», неоднократно награждался Почетными грамотами Министерства образования РФ, министерства образования и науки Нижегородской области, губернатора и Законо-

дательного собрания Нижегородской области. Наш декан стал лауреатом премии Имперская культура имени Эдуарда Володина за подготовку к изданию книги «Ярем барщины старинной». В 2013 году юбиляр был удостоен Всероссийской православной литературной премии имени Св. Благ. Вел. Кн. Александра Невского в номинации «за научное издание (Народоведение)» особая премия «За вклад в народоведение родного края». Все студенты факультета желают Юрию Александровичу Курдину дальнейших творческих успехов и плодотворной деятельности на ниве просвещения.

Литература:

1. Извеков, М. Не разучиться бы говорить по-русски! // Арзамасская газета. — 25 мая 2007 года. — с.10.
2. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского: Монография. — Арзамас: АГПИ, 2004. — 302 с.
3. Курдин, Ю. А. Федор Достоевский против Владимира Сорокина // Практический журнал для учителя и администрации школы. — 2004. — № 4. — С.16–22.
4. Панкратов, В. М. К возрождению России через возрождение традиций // Арзамасская сторона. — № 8–9. — с.69.
5. Панкратов, В. М. На перекрестке истории // Арзамасская правда. — № 113. — с. 10.
6. Хохалева, С. Все только начинается // Арзамасские новости. — № 93. — с.4.

1. ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Казанский поход 1552 года в исторической судьбе России

Дывак Роза Юрьевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

В исторической судьбе России насчитывается множество завоеваний, осад и оборон городов, походов. Одним из таких является Казанский поход 1552 года, сыгравший важную роль в истории России, поскольку он ознаменовал полный разгром воинства хана Едигера и сменил расстановку сил на огромной территории бывшей империи Чингисхана [1, С.73]. При размышлении о данном событии возникают соответствующие вопросы. Каковы были причины столь решительного и поворотного поступка первого русского царя Ивана IV? Что поспособствовало победе над Казанью, ведь совершались походы на нее и в предшествующие годы? Они также венчались успехом, но ни одному русскому государю не удавалось долго удержать город под своим контролем. И каковы же были последствия взятия Казани?

Данные вопросы отразились во многих работах по истории и литературе. Книжники, описывавшие те времена, по-разному относились к личности самого царя, Ивана Грозного, однако все без исключения придавали Казанскому походу огромное значение, давшему поворотный толчок для Руси.

Что же побудило царя пойти на Казань? Думаю, на это не так сложно ответить. Еще в середине XV века из остатков распадавшейся Золотой Орды сформировалось Казанское ханство. Оно быстро приобрело военную мощь и стало опасным соседом для граничащих с ним государств. Основой его политики были нападения, разграбление жи-

телей и захват пленных для продажи на восточных рынках. Неудивительно, что оно представляло угрозу и для русского населения. Казанские феодалы неоднократно пытались захватить Москву. А к середине XVI века опасность со стороны татар усилилась в связи с ростом могущества Турции. Через посредничество Крымского ханства Казань вошла в соглашение по борьбе с Русью с Турцией [4].

Русское государство начало вести борьбу с Казанью еще со времен правления Василия Темного, позже ее с успехом продолжил его сын Иван III. Затем с переменным успехом Василий III [4]. И вот, наконец, покорение последней угрозы со стороны татар на Востоке стало важнейшей задачей молодого Ивана Грозного.

Таковы были причины походов на Казань с политической и военной точки зрения. Однако у нас есть и другая немаловажная сторона. Рассмотрим покорение ханства с духовного аспекта. Здесь особую роль сыграл псковский старец Филофей. Его мессианские идеи повлияли как на самого царя, так и на его окружение. Величественная концепция данных идей заключалась в следующем «Москва — III Рим», а впоследствии «Новый Иерусалим» — главный «идеал-образ» идеи богоизбранности. Это значило, что Москва — истинный центр христианства в его православной форме, а народ — ее представители, которые должны продвигать верную, спасительную силу всему белу свету, сокрушая супостатов, в особенности мусульман [1, с. 81]. Однако эта идея имела западные корни и влияла в значительной силе

практически только в северо-западных русских землях. Отсюда следовало, что идея «Нового Иерусалима» имела более обширный и общий характер, была явная связь Московской Руси с наследием Православного Востока [1, с. 87]. Следует сказать, что впервые начали уподоблять Москву с «Новым Иерусалимом» еще в конце XV века. Это видно из «Изложений пасхалий» митрополита Зосимы, где «Новому Иерусалиму» уподобляется Константинополь, а Москва — это «Новый град Константина». Откуда следует, что и Москва опосредованно уподобляется «Новому Иерусалиму». Однако, после гибели Константинополя в 1453 году, Москва берет на себя его роль, становясь главным городом истинного христианства. Ее основная задача — распространение православия и борьба с «басурманами» [1, с. 87]. Теперь становится очевидным, что Казанское ханство — есть центр схизматиков, то есть людей, внесших раскол в истинную христианскую веру, принесших ей вред, и есть явная угроза, которую необходимо ликвидировать.

В XVI веке появляются некие символы превращения Русского государства в Святую Русь. И одним из значительных стала икона «Благословенно воинство Небесного Царя», известная также под названием «Церковь воинствующая». Она была создана в середине века, во время борьбы с Казанью, и находилась в Успенском соборе близ Царского места [1, с. 87–88].

Эта икона представляет собой весь религиозно-мистический и всемирно-исторический смысл бытия России на земле. Она показывает панораму всемирной истории — от битвы византийского императора Константина со своим врагом Максенцием до взятия Казани. Следовательно, покорение Казани приравнивается к великим битвам христиан во имя Христово, во имя защиты святой веры. А сам Иван IV уподобляется императору Константину, почитаемому как равноапостольный святой, поскольку первый признал христианство за государственную религию в 304 году [1, с. 88].

На иконе православное воинство идет от горящей крепости, возможно покоренной Казани в 1552 году, к Небесному Иерусалиму. Данное содержание значило, что Русь, наконец, поняла духовный смысл своего существования на земле и осознала цель своего исторического развития. Это не что иное, как стремление в Царствие Небесное, спасение и вечная жизнь в Небесном Иерусалиме. Именно поэтому Русь стала ассоциироваться не столько с «Третьим Римом», сколько с «Новым Иерусалимом» [1, с. 88].

Вот в чем видится значение, духовный смысл Казанского похода. Всем известно, что Иван Грозный венчался на царство, пройдя обряд миропомазания. И был первым царем на Руси, ибо ни один из московских великих князей до него этого не делали. Что же это значило? А то, что Иван IV принял на себя задачу осуществления мессианских идей. И главная его задача состояла в том, чтобы нанести удар по наиболее близкому, опасному центру другого мира — мира ислама. Отсюда и Казанские походы.

Первые 1548 и 1550 годов не привели к падению враждебного государства. И только осенний поход 1552 года

принес свои победные плоды. Еще при втором походе царскому войску удалось совершить закладку крепости Свияжска в 25 км от Казани. Он стал опорной базой в победном походе [5].

Его подготовка началась весной 1552 года. По Оке и Волге была отправлена «судовая рать» с запасом продовольствия и артиллерией для войска. Переправы через Волгу между Васильсурском и устьем Камы были заняты сильными отрядами, а в Свияжске уже находились три полка. В Муроме, Кашире и Коломне также располагалась часть войск, которая должна была отразить крымских татар, если бы те пришли на помощь Казани. Численность русского воинства насчитывала примерно 90 тысяч человек, 30 тысяч из которых — конница. У царя было 150 осадных орудий и немало легких пушек [5].

16 июня 1552 года главное войско во главе с царем выступило из Москвы. По дороге великий князь отправил полки на помощь Туле, которую крымские татары попытались штурмовать. Однако это закончилось тяжелым поражением для них, ибо русские полки настигли татар на реке Шиворонь. Здесь была совершена ошибка крымского хана, поскольку он не дождался, пока Иван IV удалится с армией так далеко, что не успел бы отразить угрозу Туле [5].

1 июля, собравшись в Коломне, было принято решение двигаться двумя колоннами: правая должна идти через Рязань и Мещеру, левая, где находился царский полк, — через Владимир и Муром. Соединившись у Борончеева городища на реке Суре, московская рать прибыла в Свияжск. Оттуда началась переправа через Волгу, продолжавшаяся три дня [5].

19 августа началась осада Казани. Татарский хан Едигер отказался сдаваться. Гарнизон Казани насчитывал около 30 тысяч человек. Кроме того, близ Казани в Арском лесу, татары построили укрепление, где находился отряд князя Епанчи в несколько тысяч всадников, угрожавший московской рати с тыла [5].

Иван Грозный был непреклонен в стремлении взять Казань любой ценой. Его даже не смутила неожиданная буря, уничтожившая часть судов с запасами и осложнившая их положение. 30 августа половина русского войска двинулась против отряда Епанчи. Битва в Арском лесу принесла большие потери татарам. Они отступили в свое укрепление. Однако московские воеводы штурмовали Арскую крепость, и Епанча с остатком своего войска бежал, не представляя больше какой-либо угрозы своими набегами [5].

В то время, когда русская рать двинулась на штурм Казани, Иван IV предложил татарам капитулировать, на что снова получил отказ. Тогда армия не стала медлить и пошла на приступ. Ратникам удалось ворваться в город, завязался рукопашный бой. Татары отчаянно защищали его, они смогли оттеснить противника обратно к стенам. Но Иван ввел в бой половину царского полка, отбросившего татар к ханскому дворцу. Практически все осажденные были перебиты или пленены. И только отряду, буквально в 6 тысяч человек, удалось уйти в лес через реку Казанку [5].

Надо сказать, что стратегический план Ивана Грозного, а именно провести войско на подступ к Казани практически без потерь, был выполнен. Кроме того, ему удалось это сделать в кратчайшие сроки, если сравнить скорость передвижения его армии с нормами, принятыми уже в более современной России. Его сухопутная рать проходила в день примерно до 30 км.

Таким образом, благодаря походу было нанесено поражение центру мусульманства и приобретена новая территория. Однако Иван Грозный не ограничился только захватом Казани. Русские казаки сумели освоить несколько миллионов квадратных верст территории по Волге, Яику (Уралу), Тереку [1, с.81]. А вскоре, в 1556 году печальный пример Казани побудил сдать без боя на милость царя Астраханское ханство. Позднее было осуществлено победоносное завоевание Сибири.

В результате начались миграционные движения населения. Следует заметить, что миграция людей происходила еще в XV–XVI вв., но имело в основном северный вектор и северо-восточный. Рассматривая эти земли с экономической стороны, можно смело заявлять, что они малоперспективны. Даже, несмотря на трудолюбие и неприхотливость русских поселенцев, эта местность не могла сполна удовлетворить их потребности. На севере Восточноевропейской равнины не было возможности вырастить достаточное количество хлебных злаков, даже таких, как ячмень и рожь. На этой местности могли жить в лучшем случае сотни тысяч людей, не более [1, с. 81].

Но в корне меняется дело после взятия Казани, после ликвидации ее политической мощи. Ведь теперь на территории Поволжья, Предуралья и Зауралья можно было заселить миллионы людей. Иван Грозный открыл дорогу для колонизации русского крестьянства, ремесленников, купцов к теплым пажитям на огромные плодородные, богатые сырьевыми ресурсами земли [1, с. 82].

Обратим внимание на то, что начиная с этого момента, поволжские земли становятся основным экономическим регионом России. Поволжье набирает все большее и большее значение, в то время как Великий Новгород его теряет. Здесь разводят крупный рогатый скот, коней, выращивают хлеб, тут огромные рыбные запасы. Российское государство приобрело такие земли, которые позволили в несколько раз увеличить экономический потенциал [1, с. 82].

В следующем XVII веке начинаются иноземные интервенции. Что может быть хуже захвата центров государства: Москвы, Новгорода, Смоленска, Пскова, Коломны? Однако Россия выстояла и, более того, победила сильных врагов. Благодаря чему? Потому что в ее распоряжении оставались огромные ресурсы Поволжья [1, с. 82].

Завоевание Казани отвечало политическим и экономическим интересам, как Москвы, так и большого количества народных масс. Рассуждая о социальных последствиях, надо сказать, что Иван IV стал наделять землей служилых людей, в особенности дворянство. А те начали организовывать свои хозяйства, приглашая на землю московских крестьян. Однако возникает вопрос, почему же их? Объясняется тем, что

степень эксплуатации и интенсивности труда могли выдерживать только те люди, которые уже привыкли к феодальному земледелию. А население Приволжья просто не справилось бы, ибо они привыкли к легкому труду. Обратим внимание на то, что ни одно татарское селение не было дано в вотчину дворянина. Их повинности были невелики по отношению к собственникам земли. Поэтому и трудовой потенциал был невысок. Примечательно, что и в XIX веке местные монастыри не опирались на здешние трудовые ресурсы, а старались привозить крестьян из какой-нибудь Нижегородской, Ярославской губерний. Однако, другая ситуация была на мордовских землях, где вотчины были уже не в новинку, а основаны пришедшими туда татарскими мурзами. Их приучили работать до «седьмого пота» [1, с. 82–83].

После того, как Иван Грозный занял приволжские земли, татарское население попало в льготные условия. Оно освобождалось от барщины и обременительных феодальных оброков, переводясь на казачье положение. Это было сделано с той целью, что Московскому государству не хватало легкой конницы, а татары без проблем ее восполняли. Они обязаны были приходить на службу на коне и с каким-либо оружием (лук, стрелы, копье и даже сабля). Это имело военное значение для Руси. Татарская конница долго служила государству, начав себя изживать лишь во времена Северной войны. Вследствие чего Петр I ее расформировал. 150 лет, находясь в положении русского казачества, татары служили Руси. Многие из них становились дворянами, но лишь приняв христианство по доброй воле. Об этом свидетельствуют обильные, знатные дворянские семьи, которые происходят от ордынских, казанских и крымских корней. Достаточно сказать о таких знаменитых полководцах, как Кутузов и Суворов [1, с. 83].

Таким образом, происходила русская дворянская колонизация, но она проходила только там, где возможно было заняться интенсивным земледелием. Коренное же население либо оставалось свободными земледельцами, платившими привычный ясаk (пушнина, мед и прочее), либо включалось в низшее служилое сословие — казацкое [1, с. 83].

Рассмотрим также культурное значение взятия Казани. Свидетельством всенародного признания данного события явилось строительство многочисленных храмов — памятников в честь Покрова Пресвятой Богородицы, ибо в день Покрова пала Казань. И главным архитектурным памятником стал Покровский собор на Красной площади, известный как собор Василия Блаженного (1555–1561 гг.) [1, с. 73]. Также небывалый доселе подъем был вызван в литературе, зодчестве и средневековой культуре. Ярким примером стало введение на Руси книгопечатания. Составлялся «Лицевой свод» при активном участии самого царя. Это иллюстрированная летопись, демонстрирующая историю Руси вплоть до царствования Ивана Грозного [1, с. 73]. События Казанского похода отразились во многих литературных произведениях и фольклоре. О победе Ивана Грозного рассказывают «Повесть о взятии Казани», написанная в Троице-Сергиевом монастыре (1553 г.), «История о великом князе Мо-

сковском» князя А. М. Курбского (1573 г.). Выдающимся литературным памятником явилась «Казанская история» (1564–1565 гг.) [1, с. 73–74].

Завершая, хочется подчеркнуть судьбоносность для Арзамасского края победы царя. Арзамасская сторона стала важной составной частью государства, процветающим регионом России (она была включена в состав державы). Вознеслись над привольными равнинами Тешинского края дозорные башни крепости. Сотни ратников и десятки пушечных стволов Арзамасской твердыни подчеркивали могущество московского царя на сотни верст [1, с. 84].

Литература:

1. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного: Учебное пособие / АГПИ им. А.П. Гайдара; по ред. Ю.А. Курдина; авт. — сост.: Е. В. Кузнецов, А. С. Кудряшова, Ю. А. Курдин, С. В. Перевезенцев. — Арзамас: АГПИ, 2005. — 275 с.: ил.
2. Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост. Ю.А. Курдин, Т. В. Михайлова, Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов, А. В. Харлов, М. П. Шустов; науч. ред. Ю. А. Курдин; АГПИ им. А. П. Гайдара, — Арзамас: АГПИ, 2006. — 247с., ил.
3. Курдин, Ю. А. Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 11 (41) 2014, часть 1, с. 125–127.
4. http://pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/09_tom/Moiseeva/Moiseeva.pdf (дата обращения 20.03.2016 г.)
5. <http://federacia.ru/encyclopaedia/city/kazan/> (дата обращения 20.03.2016 г.)

А. В. Карпов — исследователь кустарных промыслов Арзамасского уезда

Ермакова Светлана Николаевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Андрей Васильевич Карпов — автор книги «Кустарные промыслы Арзамасского уезда», которая была издана в 2010 году в издательстве АГПИ. В данной книге Андрей Карпов показал все стороны крестьянской жизни пореформенной России на примере сел и деревень Арзамасского уезда. Начинается книга с введения, которое было написано Ю. А. Курдиным. Здесь Ю. А. Курдин описывает все обстоятельства развития событий по сбору материалов, личные отношения А. В. Карпова с А. С. Гациским, приводит краткие сведения из биографии А. В. Карпова [2, С.293]. В первой части книги «Кустарные промысла Арзамасского уезда Нижегородской губернии» изложен самый значительный по объему и материалу блок информации. В этом разделе тщательно и подробно описаны кустарные промыслы Арзамасского уезда. Здесь рассматриваются экономические отношения, конкретные занятия кустарей, оценки финансовых и рыночных отношений, бытовые и санитарные условия жизни кустарей и многое другое. Этот раздел занимает больше половины книги — 278 страниц. Второй блок — «Очерки народного самоуправления» — выдержан в духе блистательной народнической литературы второй половины XIX века. Третий блок представляет собой эпистолярное наследие

Казанский поход сыграл неоспоримо важную роль для истории России. Молодой царь, Иван Грозный, одержал победу над Казанским ханством. Однако она принесла освобождение и соседним государствам, ибо от врага страдали все. Российское государство встало на путь развития, оно смогло в несколько раз увеличить свой экономический, политический, социальный, культурный потенциал. Не случайно в честь этого события строились многочисленные памятники культуры, церкви. Казанский поход 1552 года полностью изменил политическую карту Евразии.

Карпова — его 16 писем, адресованных Гацискому. Завершает книгу небольшая статья Орешникова о Карпове, которая представляет собой биографию покойного.

Чтобы понять истоки исследовательской деятельности в области кустарных промыслов А. В. Карпова обратимся к его биографии. Родился Андрей Васильевич в 1857 году в селе Кирилловка Арзамасского уезда, в семье небогатого крестьянина Василия Герасимовича Карпова и его жены Мавры Степановны. В 16 лет Андрей закончил Арзамасское уездное училище. В 1873 году поступил стипендиатом от земства в четвертый класс Нижегородской классической гимназии. Здесь А. В. Карпов хорошо обучился иностранным языкам. После окончания четвертого класса (в летние каникулы, 1874 г.) знакомится с Гациским, который принял горячее участие в судьбе гимназиста и определил род его занятий. Именно благодаря Гацискому Карпов занял достойное место в ряду известных информаторов статистического комитета. В 1875 году Андрей отправился в родные края с программой, данной Гациским. В начале своего творческого пути А. В. Карпов сталкивался с рядом трудностей. За помощью он обращался к своему наставнику Александру Серафимовичу. Так, например, А. Карпов писал Гацискому письмо, в котором

просил прислать официальную бумагу, чтобы Андрея беспрепятственно пускали в волостные архивы и показывали волостные книги, которые давали точные данные. Так и не дождавшись ответа, спустя две недели Андрей отправился за Тёшу, где посетил Кожино, Странниково, Чуварлейку, Пешелань, Бебяево, Новоселки, Собакино, Нечаевку, Шатки, Вадское и Своробоярское. Здесь он опрашивал жителей по программе Гациского. Молодой исследователь на некоторые вопросы не получал должного ответа. Одно из обстоятельств трудного сбора информации — психология деревенских жителей. Селяне не доверяли молодому человеку, поэтому он записывал ответы тайком.

Андрей с удовольствием ходил из одного селения в другое. Записывал народные песни, беседовал с крестьянами и собирал необходимые сведения. Ему часто приходилось совершать длительные пешие переходы, порой до 15 вёрст за день. Он уставал до того, что «никакие данные в голову не найдут» (из первого письма Гацискому), но, не смотря на это, его энтузиазм не погас. А в письме от 9 августа 1876 года Карпов выразил большую благодарность Гацискому за удовольствие и пользу, которые тот доставил Андрею. По ряду косвенных признаков можно обнаружить то, что у А. Карпова энергично поднимался настрой и заметно вырос внутренний объем на заинтересовавшее его дело. Это можно проследить по тому, как Андрей обращался к Гацискому в письмах. В первом письме он обращался возвышенно и высокопарно: «Многоуважаемый Александр Серафимович». В следующих письмах обращение стало приобретать формальность: «милостивый государь», «уважаемый Александр Серафимович» и «Александр Серафимович». Скорее всего, эта смена обращений обусловлена уверенностью делового тона Андрея по сравнению с первыми письмами, в которых чувствуется растерянность.

«В августе 1876 года Андрей Васильевич поступил в Казанский ветеринарный институт, где и закончил образование в 1879 году» [2, С.301–302]. Но даже учеба в ветеринарном институте не помешала его делу, которое уже имело положительное начало. Андрей проявлял активность и желание работать по заданию нижегородского статистического комитета. В 1878 году при министерстве финансов была учреждена комиссия для изучения кустарных промыслов в России, и Гациский, принимавший в этом деле живое участие, доставил Карпову много работы, поручив описание промыслов Нижегородской губернии (из некролога Орешникова.).

Обучаясь в институте, Андрей описал многие промыслы Арзамасского, Семёновского и других уездов. В 1877–1879 гг. он написал много статей, опубликованных в периодике: «Симбирской Земской газете», «Волжском вестнике», «Волгаре», «Оренбургском листке» [2, С.303]

Андрей обучался в гимназии и в ветеринарном институте в Казани за счет государства. Он рано начал печататься и получал за это немалые деньги (часто фигурировала цифра в 50 рублей за некоторые его публикации). Должность ветеринара на скотопроегонном пункте оплачивалась ежегодным жалованьем в 713 рублей. Вся его го-

довая обязанность состояла в освидетельствовании 15–20 гуртов скота и в писании разных» исходящих бумаг», которых в год «исходит» около 100 (из письма А. В. Карпова из Орска Гацискому.). Приведем сравнительный анализ доходов Андрея с доходами за год в отдельных хозяйствах Арзамасского уезда, рассчитанными самим Андреем. В селе Мотовилове и в деревне Михайловке занимались столярным промыслом. Большинство крестьян здесь за счет земледелия были обеспечены хлебом на весь год. Годовой расход одной семьи из двух мужчин, двух женщин и трёх детей составлял 64 рубля на подати, 40 рублей на праздники и 15 рублей на покупку продовольственных продуктов. Всего, таким образом, эта семья тратила 134 рубля. Доход же этой семьи состоял из 20 рублей от продажи излишков хлеба, 30-ти рублей от продажи льна и 92-х рублей от столярного промысла. В чистом виде годовой доход составлял 142 рубля [2, С.309]. Разница между доходами небольшая, но при этом здесь семья из семи человек.

Будучи учащимся Нижегородской гимназии, Андрей уже приступил к исследованию Арзамасского уезда. Эту работу он продолжал и в последующие годы, в том числе обучаясь в Казанском ветеринарном институте (1876–1879 гг.). У Карпова не было плана, по которому он проходил свой путь по селениям. Скорее всего, он в свободном порядке переходил из одного села в другое. Всего было обследовано не менее двух десятков населенных пунктов: Абрамовская слобода, Кичанзино, Охлопково, Мотовилово, Мияйловка, Шадрино, Вонячка (Лякояново), Козловка, Поляна, Кирманы, Коржемка, Быков Майдан, Вад, Казаково, Забелино, Бритово.

Андреем Карповым описано немало кустарных промыслов Арзамасского уезда. Он описал производство топоров, производство саней, прядение веревок, вязание, производство берд, кузнечный, сапожный, скорняжный, валенный, щепной, столярный, бондарный, горшечный промыслы. В разделении промыслов усматривается географический принцип [2, С.312]. Например, горшечный промысел был зафиксирован Карповым в селе Казакове, деревне Забелине, в селе Бритове. Причем этот промысел в селе Казакове рассматривается самостоятельно от других населенных пунктов. Это можно объяснить тем, что у забелинских горшечников не было своей глины и они её покупали у своих соседей, крестьян села Абрамова, за полведра или же за четверть ведра водки в год [1, С.287].

Из четырнадцати видов промыслов, которые были описаны Карповым, большинство развивалось на сырьевой базе собственных природных богатств. Только два из изучаемых промыслов существовали за счёт полностью покупаемого сырья. Один из них гвоздарный промысел в северо-восточной части Арзамасского уезда. Дляковки гвоздей железо покупали в Нижнем во время ярмарки или зимой. В Арзамасе же оно стоило значительно дороже. Также на покупном сырье работали изготовители топоров в деревне Поляны Яблонской волости. Здесь работали 5 кузниц с десятью кузнецами. Пять мастеров и пять молотобойцев изготавливали 2000 топоров и 1000 рублей с ноября до пасхи [1, с. 315].

Нужно отметить, что А. Карпов с удивительной точностью описывал все чисто технические детали всех без исключения видов промыслов. В первую очередь поражает глубина знаний юноши в многооперационных технологиях кустарных промыслов. Удивляет, что молодой человек сумел вместить в багаже своей памяти и практического осмысления пласт всей технической номенклатуры [2, с. 328—329]. Для нас будет безуспешной попытка запомнить все эти специальные термины, которыми владел юноша.

Необходимо пройти по обозначенным Карповым разделам «История», чтобы уяснить, откуда произошел тот или иной промысел в разных селениях уезда. Эти короткие по объему сюжеты говорят о желании автора начать дело с начала и о его интересе к истории. Время, причины и конкретные обстоятельства возникновения промыслов были самыми разнообразными. Многие промыслы появились в результате заимствования из других частей России. Так, например, кузнечный кустарный промысел в северо-восточной части Арзамасского уезда зародился почти одновременно в двух пунктах: в Елховке и Рахманове. В Елховку он был занесён из-за Оки, из Балахнинского уезда, двумя крестьянами-бобылями, которые в поисках заработка случайно оказались в деревнях Березовке и Малиновке, где жители уже давно занимались кованием гвоздей. Здесь выходцы из Елховки за пять лет научились несложному гвоздарно-кузнечному ремеслу. Один из этих «пионеров», Егор Максимович Строкин, вернувшись, открыл в Елховке первую кузницу в 1833 году. Сначала он ковал один, за тем обучил родственников, а затем и односельчан. Андрей Васильевич Карпов общался с ним, тот в свои 75 лет по состоянию здоровья ковать уже не мог. Кстати, односельчане выказывали «пионеру» этого промысла особые знаки признательности и уважения [2, с. 322].

Некоторые кустарные промыслы возникали по экономическим причинам. Так, например, валенный промысел появился в шести населённых пунктах в центральной и западной частях уезда, по левому берегу Тешы. Этот промысел существовал в селах: Красное, Васильев Враг, Хохлово, Ямищи, Шатовка, Должниково. Валенный промысел начался с валяния кошем, стелек и шляп. Влияние помещика на начало промысла Карпов не исключает.

Андрей Карпов отмечал, что в истории появления в Арзамасском уезде тех или иных промыслов немалую роль сыграли сами крестьяне, инициативные люди, которые со стороны приносили секреты того или иного занятия и передавали тайны мастерства. Так в селе Охлопкове появился промысел по изготовлению берд, а в селе Мотовилове столярный промысел. В начале XIX века какой-то дедушка Леонтий, крестьянин Хлопкова, где-то научился делать берда. В село Мотовилово же столярный промысел занес некий мотовиловский солдат, научившийся этому производству в Кронштадте. Выражая свойственное русскому человеку чувство доброго юмора, в поисках виновников трудной работы мотовиловцы часто ругали этого солдата за то, что он принес им такое неприятное и невыгодное занятие [1, с. 237].

Скорняжный промысел определял особый мир деревень Арзамасского уезда. Этот промысел располагался

в пяти селениях и вносил в трудовой процесс и в повседневную жизнь и быт свои нюансы. По мнению Карпова, эти селения отличались от других селений Арзамасского уезда не только в экономической жизни, но и по некоторым чертам нравственного порядка [1, с. 93]. На его взгляд, жители скорняжных селений «глядят богаче земледельческих». Крестьянин скорняжных селений смотрит с некоторым презрением на крестьянина-землепашца, называя его деревней-матушкой. Даже браки для них были предпочтительнее между мужчинами и женщинами из селений, занимавшихся скорнячеством [2, с. 337].

В книге подробно описаны процессы и отличия скорняжного промысла в технологии при обработке шкурок кошки, которые закупались тысячами, и приведены размеры заработка мастеров. На скорняжных селениях Андрей Васильевич видел «печать» специфического кустарного промысла. «Проезжая по ним, путник встретит запылённого мелом скорняка, увидит расставленные у ворот на солнце для сушки меха, услышит звонкий стук от выбивания мехов, увидит женщин, сидящих летом у ворот за шитьём скорняжного товара, и легко догадается, что он среди скорняков» [1, с. 93].

Обратим внимание еще на один аспект наблюдений Карпова. В своих очерках о кустарях Арзамасского уезда Андрей обращается к диалектологии. Это мы находим в разделе о валенном промысле, которым занимались жители Красного, Абрамова, Мерлина, Водоватова, Кичанзина и Забелина. Карпов отмечал говор этого населения. Красносельцы и другие жители выговаривали сильно на «а», букву «ч» выговаривали за «ц». Например, слово «цаво» вместо «чего», «бацонок» вместо «бочонок». Над эти «цавоканьем» арзамасские и пригородные жители посмеивались [1, с. 195]. Карпов обнаружил в Красном употреблений мотройского языка, а сами себя мастера называли мотроями. «Мотройский язык принадлежит к числу многочисленных ветвей офеньского, из которых главных три: собственно офеньский, употребляющийся преимущественно во Владимирской губернии, галивонский — в Костромской и мотройский в Нижегородской и Владимирской губерниях» [1, с. 168].

Андрей Васильевич Карпов — истинно русский человек, который внес большой вклад в культуру Арзамасского края. Он проявил много талантов, но полностью так и не успел реализовать себя. Андрей Васильевич очень разносторонний человек. Он проявил себя как экономист, статистик, землевед, географ, фольклорист, бытописатель, тонкий знаток кустарных ремесел, любитель русский народных песен, филолог, психолог-моралист, историк, патриот. В день смерти А. Карпову не было полных двадцати восьми лет. За короткое время он сделал необычайно много для русской культуры. Все, что писал Карпов в своей книге о кустарях Арзамасского уезда, является своеобразным гимном труду.

Слишком мала была временная амплитуда, в которой молодой человек с гармоникой на плече, шагавший по просёлкам родного Арзамасского уезда, полный больших и дерзких надежд, вырастал в серьезного аналитика и многообещающего русского интеллигента [5, с. 377].

Литература:

1. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / А. В. Карпов; ред. — сост. е. П. Титков, Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2010. — 387 с., ил.
2. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии / А. В. Карпов; ред. — сост. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — 379 с., ил.
3. Курдин, Ю. А. Подвижники народоведения // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 7–1. — с. 90–93.
4. Курдин, Ю. А. Фольклорная сокровищница России // Личность. Культура. Общество. — 2007. — № 2. — с. 410.
5. Меженин, В. М. Думы Андрея Карпова // Кустарные промыслы Нижегородской губернии / А. В. Карпов; ред. — сост. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — С. 292–378.

Историко-культурное наследие А. В. Карпова

Коротина Любовь Дмитриевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Андрей Васильевич Карпов — крупнейший исследователь кустарных промыслов Нижегородской губернии и выдающийся собиратель песенного фольклора Среднего Поволжья. Жизнь и деятельность А. В. Карпова заслуживает специального научного исследования.

Андрей Васильевич родился в 1857 г. в небогатой крестьянской семье в с. Кирилловке Арзамасского уезда. После успешного окончания курса в Арзамасском уездном училище в 1873 г. он поступает стипендиатом от земства в 4-й класс нижегородской классической гимназии. Получая весьма ограниченную сумму и часто нуждаясь в необходимом, А. В. Карпов, изыскивая возможность добыть денег, обращается к секретарю статистического комитета А. С. Гацисскому, который всегда готов был помочь каждому. Принимая в судьбе Андрея Васильевича участие, он указывает ему на настоящую дорогу в его деятельности. Александр Серафимович предложил ему собирать и записывать народные песни, обычаи на родине А. В. Карпова. Это было летом 1874 года. С этих пор до самой смерти (1885 г.) Андрей Васильевич занимался неустанно литературным трудом, давшим ему возможность удовлетворять необходимые нужды и помогать своей бедной семье, всегда находившей в нем опору. В летние каникулы 1874–1875 гг. с гармонью и записной книжкой в кармане он записывает народные песни Арзамасского уезда. В августе 1876 г. Андрей Васильевич поступил в Казанский ветеринарный институт, где и окончил образование в 1879 году.

В 1878 г. при Министерстве финансов была учреждена комиссия для исследования кустарных промыслов в России, и А. С. Гацисский, принимавший в ней участие, поручил Карпову описание промыслов Нижегородской губернии. Несколько лет он занимался этим делом, и результатом трудов было описание кошемно-валяльного, скорняжного и др. промыслов Арзамасского, Семеновского и др. уездов. В 1877–1879 гг. несколько статей было помещено им в «Сибирской Земской Газете» и «Волжском Вест-

нике», издававшемся тогда в г. Чернигове. Из г. Сергача в 1880 г. Карпов переезжает в Оренбургский край: правительством назначено его ветеринарным врачом в г. Орск. Здесь он работал для «Оренбургского Листка», «Недели» и др., описывал местные промыслы и собирал киргизские песни. Но жизнь в захолустье, без живого обмена, без кипучей деятельности, какой он жил в Нижнем и Казани, наложила на него свою руку: Андрей Васильевич стал прибегать к «ракии» все чаще и чаще, организм не выдержал, и на 28 году жизни скоротечная чахотка свела его в могилу. [1]

Карпов А. В. был фольклористом-собирателем. В неполные 20 лет он показал себя талантливым исследователем народной поэзии. Благодаря ему уровень региональной фольклористики во второй половине XIX столетия значительно вырос. Являясь активным собирателем песенного фольклора, к делу он подходил очень грамотно и ответственно, а также был знаком со многими инструкциями по собиранию народных песен. Записывая все варианты песен, обязательно указывал фамилию и имя певца, отмечал место исполнения и иногда даже описание данного исполнения.

Народные песни стали записываться в России со второй половины XVIII столетия, и большинство собраний до конца XIX века выглядело почти так же, как собрание А. В. Карпова, представляя собой только запись словесных текстов. Песенный сборник А. В. Карпова насчитывает около 500 народных песен. Он содержит протяжные, скороморшные, игрищные, святочные, детские песни, а также песни-заплачки, казачьи песни и некоторые баллады. Сборник записанных Карповым песен представляет для фольклористов-исследователей особую ценность, так как является собой не тенденциозно подобранную антологию, а выполненный с предельной точностью срез песенной культуры арзамасцев в пореформенные десятилетия. Многие явления, высвеченные Карповым в песенном творчестве народа 70-х годов XIX века, позднее станут предметом теоретического осмысления. [7]

А. В. Карпов записал много протяжных (иногда их обозначают как долгие или проголосные) песен, которые являются неотъемлемой частью русского песенного фольклора. Проголосные песни — это черта именно русского народа, не повторяющаяся ни в одной другой стране. Именно в них отображается душевное состояние, внутренний мир и менталитет русского человека. В протяжных песнях ведущим выразителем и формообразующим средством служит именно музыка. Они трудны для фиксации: на один слог текста может приходиться 5–10 звуков мелодии, это невозможно передать в записи словесного текста. Специфическая трудность при работе с этнофорами: просьба повторить текст отдельно от мелодии (для большей его ясности) вызывает затруднения, певцы сбиваются или изменяют слова. Это связано с изначальным единством вербального и невербального текста, отделение одного от другого певцами воспринимается как нечто новое, неестественное.

Приведем пример записи протяжной песни (сборник А. В. Карпова, песня № 11 из голосовых)

*Ах, вы горы, мои горы, Жегулёвские,
Ничего-то вы, горы, не спородили*

При пении (вариант записан С. В. Смоленским в конце XIX века):

Ой-да, уж вы горы, ай-но.

А-ах.

Ой-да, почему же, ой-да, вы горы,

Ничего не спородили.

Ой, не спородили.

Понятно, что записывать текст подобным образом было очень сложно, к такому методу Карпов А. В. не прибегает. [6]

Хороводных и игрищных песен выделено в сборнике Карпова А. В. всего 25. Чаще всего это песни, исполняемые на посиделках. Большинство из них составляют традиционный репертуар. Особенностью свадебных песен, записанных Андреем Васильевичем в XIX веке, является хоровое исполнение и эмоциональная напряженность.

Песенный сборник, собранный Андреем Васильевичем, пролежал в Областном архиве долгое время и увидел свет в 1960 году Василием Михайловичем Потявиным, который опубликовал из него несколько исторических песен в своей книге «Народная поэзия Горьковской области» [2, С.202–203; 206–208; 219; 221–223; 247–248]

До недавнего времени из огромного наследия А. В. Карпова были опубликованы лишь некоторые песни и отдельные очерки, касающиеся кустарных промыслов. Андрей Васильевич Карпов проявил себя не только как талантливый фольклорист-собирающий песенного творчества, но и как автор целого цикла статей, посвященного кустарным промыслам. Особенно подробно им были исследованы вяленый, сапожный, кузнечный, скорняжный промыслы.

На основе статей, написанных Карповым А. В., кустарные промыслы изучались современными исследователями. Так, например, Маринин А. В. в своей статье «Промыслы и ремесла Вадского района Нижегородской области: прошлое и настоящее», проследив судьбу ку-

старных промыслов Вадского района, делает вывод, что «со второй половины XX столетия кустарное производство в Вадском районе приходит в упадок и в большинстве своём вытесняется промышленным, приобретая единственный характер» [4, с. 148]

Изучение традиций кустарных промыслов тесно переплеталось с традициями фольклора нашего края. Например, для описания кузнечного промысла Карпов А. В. использовал различные пословицы и поговорки, а при анализе сапожного промысла часто прибегал к помощи топонимического предания, объясняющего происхождение этого промысла. Статьи Карпова А. В. о кустарных промыслах были опубликованы в различных изданиях периодической печати того времени: в «Симбирской земской газете», «Волжском вестнике», «Волгаре», а с переездом в город Орск — в «Оренбургском листке». [8, с. 23]

Несколько особняком в творчестве А. В. Карпова стоят «Очерки народного самоуправления», знаменующие собой новый этап его литературной деятельности. От статистического обзора местностей он перешел к художественному осмыслению действительности. Выведенные в очерках образы деревенского мира пореформенной России органично вписываются в галерею образов и типов, созданных народнической литературой 1870-х годов. Сочетание художественных картин и страстной публицистики, исследовательский подход к деревенской действительности, умение, по выражению Глеба Успенского, «опуститься в самую глубь мелочей народной жизни», ставит А. В. Карпова в один ряд с виднейшими представителями народнической прозы: Н. Н. Златовратским, Н. Е. Карониным-Петропавловским, С. М. Степняком-Кравчинским, которых Г. В. Плеханов охарактеризовал как «художников-социологов». Кто знает, не уйдя Карпов А. В. из жизни в неполные 28 лет, в нём мог бы в полной мере раскрыться незаурядный талант писателя, близкого по своему духу В. И. Далю и П. И. Мельникову-Печерскому. Сам автор «В лесах» и «На горах» решился по настоянию В. И. Даля опубликовать рассказ «Красильниковы» в 1852 году, имея за спиной богатый жизненный опыт и 34 года от роду. [8, С.23–24]

Долгое время культурное наследие нашего земляка-фольклориста не было востребованным. Но благодаря упорному труду и многочисленным стараниям коллектива Арзамасского филиала ННГУ ежегодными стали научно-практические конференции «Карповские чтения», посвященные наследию А. В. Карпова, организатором и идейным вдохновителем которых является декан историко-филологического факультета Курдин Ю. А.

В докладе «Песни Арзамасского уезда П. И. Пискарева и А. В. Карпова» Ю. А. Курдин даёт обстоятельную характеристику сборнику песен А. В. Карпова, говорит о близости творческих судеб А. В. Карпова и П. И. Пискарева. Исследователь подмечает, что Карпов не просто записывал народные песни, он дополнял свои записи пространными комментариями, давая характеристику приемов исполнения протяжных, частых и святочных песен.

При этом собиратель сохранял фонетические и лексические особенности говора исполнителей песен. [5, с. 15]

Вклад Андрея Васильевича Карпова в культуру и историю Арзамасского края можно считать действительно огромным. Необходимо более тщательно и подробно изучать культурное наследие нашего фольклориста-земляка. Исследования Карпова А. В. в области кустарных про-

мыслов можно использовать и по сей день, развивая кооперативное движение в современной России. Труд и старания А. В. Карпова не должны быть забыты, фольклорное песенное творчество как нельзя лучше отображает быт и нравы наших предков. Собрание песен должно заинтересовать, на наш взгляд, не только профессиональных музыкантов и певцов, но и исследователей родного края.

Литература:

1. Потявин, В. М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый / Сост. В. Потявин. — Горький, 1960. — С.377.
2. Народная Поэзия Горьковской области / Сост. и редактор В.М Потявин. Горький: Изд-во ГГУ, 1960. 448 с.
3. Песни Арзамасского уезда. Арзамас: АГПИ, 2010. 639 с.
4. Курдин, Ю. А. Карповские чтения: Сборник статей / под ред. Е. П. Титков. Арзамас-Саров: СГТ, 2009. — 405 с.
5. Курдин, Ю. А. Карповские чтения: Сборник статей. Вып. 4.7 / Отв. Ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: АГПИ, 2012. — 539 с.
6. Петри, Э. К. Собрание А. В. Карпова и проблемы музыкальной фольклористики XIX века. // Карповские чтения: сборник статей. Выпуск 2. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русское народное слово в языке и речи». 22–24 октября 2009 года / отв. Ред. Е. П. Титков; АГПИ им. Гайдара. — Саров: СГТ, 2009. — 405 с.
7. Шишкин, В. Несколько слов по поводу нового направления народных песен // Нижегородские губернские ведомости, 1890 г., № 16, 21.
8. Титков, Е. П. Первые Карповские чтения // Арзамасская сторона № 12–13 / Отв. Редактор С. Г. Кондаков. — Арзамас, 2007. — с. 160.

Нижегородские кустарные промыслы второй половины 19 века в описании А. В. Карпова

Косоногова Виктория Игоревна, студент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Арзамасский край всегда был очень плодотворной землей. На его чернозёме выросло не одно поколение талантливых и неординарных личностей. Одним из таких является Андрей Васильевич Карпов. С самого юного возраста он сильно отличался от своих сверстников. Был человеком трудолюбивым, целеустремленным, — одним словом, энтузиаст своего дела.

Родился Андрей Васильевич в октябре 1857 года в семье крестьянина в селе Кирилловка Арзамасской губернии. Его семья была небогатая, поэтому с самых малых лет Карпов стремился пробить себе дорогу к успешной жизни. Он с успехом окончил сельскую начальную школу и Арзамасское уездное училище. После этого он поступает в Нижегородскую классическую гимназию, где познакомился с А. С. Гациским — нижегородским писателем и видным общественным деятелем. Александр Серафимович очень повлиял на судьбу Карпова, именно он посоветовал Андрею Васильевичу собирать фольклорные материалы в Нижегородской области. Воспользовавшись его советом, Карпов в летние каникулы 1875 года обошёл

пешком весь Арзамасский уезд и исписал не одну тетрадь фольклорным материалом.

В 1876 году ему приходится оставить гимназию и поступить в Казанский ветеринарный институт. Это решение было принято из-за непростой ситуации в семье. Нехватка денег, вечная кабала — все это заставляло Карпова как можно быстрее избавиться своих родных от бедности. Но даже семейные трудности не заставили Андрея Васильевича отказаться от своей мечты.

Во время учёбы Карпов принимает участие в работе при министерстве финансов комиссии по исследованию кустарной промышленности. На основе этих исследований он написал ряд статей по кустарным промыслам Нижегородской губернии. Северо-западные уезды и отдельные поселения, расположенные на берегу Оки вызвали у него большой интерес. Он посещает Балахинский уезд, Чернорецкую волость, Горбатовский уезд, Семёновский уезд и село Богородское. Он лично отправляется исследовать кустарные промыслы в эти районы: записывает их, приводит расчеты по экономическим условиям,

изучает историю возникновения промыслов, анализирует данные по сбыту товара, а также делает записи народные приметы и поверья.

Черноречская волость Балахинского уезда

Черноречская волость до революции входила в Балахинский уезд. У неё было одно из самых выгодных местоположений. Она располагалась по левому берегу Оки и включала в себя 9 поселений (Бабушкино, Жолнино, Решетиха, Черное, Юрьевец, Бабино, Игумново, Колоткино, Растяпино). Также не стоит забывать о близости железной дороги и паровой пристани в селе Дуденеве Горбатовского уезда, которые были основными путями доставки древесины. Через Дуденовскую пристань ежегодно проплывало 15000 бревен. Удачное географическое местоположение способствовало большому развитию промышленной жизни в этой волости. Поэтому основой кустарных промыслов жителей этого района является судостроение. [1, с. 5]

Большая часть мужского населения занималась рыболовством и судоходством, а также был распространён судостроительный промысел. В Черноречской волости строились морские шхуны, мелкие волжские и морские суда, использовавшиеся для сплава рыбы, но больше всего преимущество пало на мелкие морские суда. Судостроение было одним из самых выгодных промыслов в этом районе. На постройке мелкого судна рабочий мог заработать от 50 до 1000р. за одно судно, а на крупные суда цена поднималась до 5000р.

Судостроительным промыслом занимались почти круглый год, если не считать 65 праздничных дней. Производство судов можно разделить на 2 основных этапа. Первый, как правило, это заготовки и само производство судна. Им занимаются с начала сентября до конца апреля, то есть до спуска выстроенного судна в воду. Весь процесс производства идет 7 месяцев, но встречались исключения, когда судно начинали строить в мае. Этому служило, как правило, срочный заказ с дополнительной платой.

На втором этапе судостроители занимались сплавом и сбытом построенных судов. Этот процесс происходил с середины весны и заканчивался в начале сентября. Для большего заработка черноречские судна использовали в судоходстве. На них до самой Астрахани сплавляли различные товары, использовали их для перевозки людей и транспортировки рыбы. Продажа судна зависела от случая, было время года, когда судно продавали дешевле, чем оно стоило [1, с. 7–18].

Кроме судостроительного и рыбного промысла, черноречские крестьяне занимались и другими видами ремесла. Одним из них являлось занятие земледелием. Вся Черноречская волость располагалась на чернозёме, но мало кто из крестьян занимался этим кустарным промыслом, так как это занятие приносило мало дохода. Так же в Балахинском уезде развивалось фабрично-заводская деятельность, на ее территории насчитывалось 9 алебастровых за-

водов. Но, не смотря на широкое распространение других промыслов, главным из них оставался судостроение.

Горбатовский уезд

Горбатовский уезд являлся административно-территориальной единицей Нижегородской губернии и просуществовал до 1918 г. В его состав вошло 23 волости, центром был г. Горбатов.

Горбатовский уезд является одним из самых промышленно-развитых уездов губернии. Он славился своим прядильным промыслом. Центром прядильного производства является г. Горбатов именно здесь живут основные хозяева, на которых работают большинство крестьян Горбатовского уезда. Близкое расположение р. Оки и Волги и сильное развитие на них судоходства требовало большого количества снастей, в особенности канатов. Это повлияло на развитие канатного производства, что стало очень выгодным ремеслом во всем уезде.

Кустарное производство делилось на два типа: домашнюю промышленность, где кустарь самостоятельно занимается изготовлением продукции и домашнюю систему производства или, как ее называют, «кустарную промышленность», где кустарь выполняет заказ крупного предпринимателя, получая от него материал для производства. Первая форма труда была выгоднее второй, но многие крестьяне Горбатовского уезда использовали второй тип производства. Мелкий кустарь не имел торговых связей с отдалёнными оптовыми покупателями, поэтому многие крестьяне шли в кабалу к крупному предпринимателю своей местности, который служил посредником между производителем и потребителем.

При прядении участвуют мужчины, женщины и дети, начиная с 9–11 лет. В некоторых селениях Горбатовского уезда плетением занимаются почти поголовно, в остальных, как правило, 2/3 населения. Средний рабочий день прядильщика равняется 17 часам, 2 часа которых уходят на завтрак и обед. Вредного влияния на здоровье жителей промысел не оказывает. Несмотря на то, что плетение канатов — ремесло трудное и выматывающее, жители цветут здоровьем и хорошо выглядят. Возможно, на это влияет близкое расположение к городу, что влияет на характер их жизни, приближая их к городскому мещанскому образу жизни. [1, с. 33–37]

Основным материалом для производства канатов становится пенька. Её использовали в двух видах: трепаной и нетрепаной. В первом случае все фазы производства выполняются в Горбатовском уезде, во втором начало производства — трепанье пеньки — исполняется в тех местах, откуда была привезена пенька. Производством пеньки занимались во многих селах Нижегородской губернии, но основными поставщиками стали: с. Гуляево Лукояновского уезда Нижегородской губернии, Сасово Елатомского уезда Тамбовской губернии, с. Тенькуши Муромского уезда Владимирской губернии, а также Починковская пенька, Вадская пенька, Сурская и Ардагов-

ская пенька. Горбатов — главный пункт, куда свозится пенька и где хозяева покупают ее для кустарного производства. Базарной цена за пеньку колебалась от 1 руб. 70 коп. до 2 р. 30 коп. За год в г. Горбатове покупали до 200000 пудов производимой пеньки, это примерно на сумму свыше 400000 р. [1, с. 54]

В последние годы горбатовский прядильный промысел начинает уменьшаться. Главная причина уменьшения производства — это развитие паромоводства. С появлением и развитием паромоводного дела использование канатов и снастей для мореходства уходит на второй план. Ещё одной значимой причиной уменьшения прядильного промысла является конкуренция. В разных местах России стали появляться фабрики по производству канатов, тем самым вытесняя горбатовские изделия

Также, на территории Горбатовского уезда распространились такие промыслы, как гончарный, кожевенное производство, плетение ивовых корзин, шитьё хомутов и рукавиц, склеивание подбор из стружки и т.д. Все перечисленные промыслы широко распространились в селе **Богородское**. Это поселение находилось в 28 км к юго-западу от Нижнего Новгорода. Тем самым, у него было хорошее местоположение, позволяющее сбывать всю продукцию в Нижний Новгород.

Самым выгодным видом деятельности считалось занятие гончарным делом. Им крестьяне могли заниматься круглый год, не смотря на другие промыслы. Богородские гончарные производства отличались своим размером. Фабрика размещалась в отдельном здании, имела свою лошадь для перевозки глины, а также 2—3 горна для быстрого производства продукции. Посуда отличалась качеством и прочностью, в отличие от конкурентов в других губерниях.

Семёновский и Балахинский уезд Нижегородской губернии

Семёновский и Балахинский уезд не отличался плодотворной землей, в отличие от других уездов Нижегородской губернии. Здесь была, как правило, бесплодная почва с тысячами непроходимых болот. Поверхность Заволжья ровная, за исключением нескольких возвышенностей по берегам Линды и Керженца — главных рек этой об-

ласти. Такие географические условия повлияли на развитие особых кустарных промыслов. Например, в восточной Приволжской части Семёновского уезда и части Балахинского, находящейся по берегам р. Оки, занимались кузнечным промыслом, а в северной части Семёновского уезда и части Балахинского, истари сложился промысел горянщина, т. е. выделывание деревянной посуды. Основными кустарными промыслами стали щепной, валенный и кузнечный промысел. [5]

Валенным промыслом занималось население южной и западной части Семёновского уезда и восточной части Балахинского уезда. Изначально предметами валенного промысла были шляпы и валенки, но с течением времени стали производить сапоги с голенищами. Позже появился новый предмет валенного промысла — стелька. Необходимость валенного производства распространилась и в соседние губернии, что привело к большой конкуренции в этом производстве. [1, С.147—149; 5]

Щепным промыслом занимались в северной части Семёновского и Балахинского уездов. Отличительной чертой этой местности стало преобладание хвойных деревьев, что послужило широкому развитию этого ремесла. Появляются различные виды щепного промысла: точение и крашение посуды, вырезание ложек, производство кадок, коробов, колёс, саней и пр. Развитие щепного производства, как и занятие, валенным промыслом, распространилось по всей Нижегородской губернии, что привело к значительной конкуренции среди крестьян.

Андрей Васильевич Карпов внес огромный вклад в изучение кустарных промыслов Нижегородской губернии. Он сам лично посещал деревни, села, города, изучал промысел, давал ему краткую характеристику. Одним из самых значительных достижений Карпова стало детальное описание производственного этапа, так как многие и не знали, как производятся данные изделия. Карпов описывает историю появления промыслов, с точностью указывая к какому времени, относится данный вид промысла. Приводит подсчеты по производству, указывает точные цены на товары и говорит про вырученные деньги крестьян. Все эти ценные сведения, записанные Андреем Васильевичем Карповым, являются важными для истории Нижегородской губернии.

Литература:

1. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / А. В. Карпов; ред. — сост. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — 379 с., ил. — (Наследие).
2. Карповские чтения: сборник статей / отв. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2010. Вып. 3. 457 с.
3. Курдин, Ю. А. «Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11—1 (41). — с. 125—128.
4. Курдин, Ю. А. Фольклорная сокровищница России // Личность. Культура. Общество. М., 2007. Спец. вып. 2 (38). с. 410—413.
5. Народная поэзия Арзамасского края. Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года / авт. проекта Ю. А. Курдин; сост. Ю. А. Курдин, Э. К. Петри, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2010. 639 с.

Фольклор Арзамасского края и историческая действительность

Кузьмина Ангелина Игоревна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Город Арзамас, по одной из версий, основан был в 1552 году Иваном Грозным. По мнению местных краеведов, закладка города была осуществлена царем во время его Казанского похода, о чем свидетельствуют многие рассказы и предания, бытующие на территории Арзамасского края. Некоторые из них были записаны в сборнике «Предания» из проекта «Народная поэзия Арзамасского края» [1]. В первой части сборника мы можем найти записанный текст об основании города. В нем говорится что царь, проезжавший по территории нашего края летом 1552 года, *«идя с воинством на Казань»* повстречал здесь двух братьев Арзая и Масая, которые *«встретили царя с дарами и просили, чтобы занятая ими местность оставлена была им и их потомкам, чтобы среди них было поселено несколько русских торговых людей и чтобы татары ... были прогнаны»*. На следующий день царь объявил свою волю. *«Построить в этой местности крепость, а мордве принять христианство. Название города предание объясняет так, Иван Васильевич сказал, «что, кто первый окрестится, именем того и будет назван город», Арзай и Масай вызвались первыми принять православную веру и город назвали их языческими именами [1, С.37].*

До основания города на этой территории проживали многочисленные финно-угорские племена, после которых, также остался фольклорный материал. В результате исторического развития города формировался местный фольклор, который является для историка своего рода сокровищница, ведь все эти песни, сказания, мемуары — есть ничто иное, как великолепные исторические источники, работа с которыми может принести позитивные результаты [2]. Принято считать, что чем старше найденный краеведом материал, тем меньше шанс на его правдоподобность. Сохраняясь в памяти народа, проходя из уст в уста, возрастает вероятность искажения реальных исторических фактов, создается своего рода «глухой телефон», в котором у каждого своя правда, своя история. Но у исторической науки правда одна. И задача историка, вычленять крупинцы истины из того огромного количества фольклорного материала накопленного и записанного веками. Поэтому, говоря о исторических событиях которые нашли свое отражение в народном творчестве арзамасцев, мы берем уже хорошо отобранный материал, который был систематизирован Курдиным Ю. А.

Так, в сборнике «Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края» приведены ярчайшие и правдивые источники по истории города за несколько столетий [3]. В книге собраны исторические песни разных веков развития нашей страны, начиная с древнейших времен за-

канчивая песнями начала XX века. Сюжеты песен совершенно различны, некоторые повествуют нам о широко известных событиях, таких как Первая мировая война или поход на Азов, другие показывают нам быт людей или отношение солдата к смерти Кутузова. Но все они несомненно являются историческими памятниками нашего края.

Говоря о исторических песнях, собранных в этой книге, хочется более подробно остановиться на тех записях которые повествуют нам о Первой мировой войне. Анализируя исторические источники, мы можем сказать, что эта война для русской истории малоизвестная. О ней не так много написано, не так много сказано. Она является незаслуженно «забытой». Возможно, это связано с тем, что воспоминания об этой «потаенной» войне были оттеснены на периферию народной памяти событиями Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны [5, с. 126]. Но для народа эта война была далеко не простой. Она была кровопролитной, трудной и такой же жестокой, как и все войны. Свое отражение переживания народа нашли в песнях и частушках, их за период 1914—1922 гг. было написано множество. Начиналась война как великая идея, за русский народ, за царя. Заканчивалась же она совершенно иначе, в армии царили идеи о том, что русские и германские цари заодно, что они хотят погубить как можно больше народу, говорилось, что война была начала, чтобы отвлечь народ от революций. Солдаты не хотели воевать под предводительством такого царя, начались дезертирства. [5 с. 128] Такое поведение отразилось в песнях, которые были записаны уже во второй половине XX века, некоторые из них приведены в данном сборнике.

Чтобы понять реальную историческую действительность мы воспользуемся двумя фольклорными отрывками из сборника «Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края» [3]. Первый из них был сочинен на момент начала войны, второй после длительных военных действий. Оба этих отрывка отражают действительную картину мира на тот момент.

Начало войны характеризует отрывок из исторической песни, в которой описывается ситуация на момент 1914 года:

Пишет, пишет царь германский, пишет русскому царю:

*«Да заберу я всю Россию, во Россию жить пойду!»
Не журишь-ка, царь наш белый, мы Россию не дадим,
Соберем мы войска много, пойдём с немцем воевать.
Царь заехал с права фланга, поздоровался, сказал:
«Стройся, армия, в колонны, кавалерия — вперед,
Ну, стройся, армия, в колонны, кавалерия — вперед.
Я приехал к вам простится, на войну вас проводить,*

Да я приехал к вам проститься, на войну вас проводить.

Я желал вам воротиться д еще сколь-нибудь пожить» [3, С.150].

Здесь, очевидно прослеживается отношение и народа, и царя к завязавшейся войне. В словах «Не журись-ка, царь наш белый, мы Россию не дадим» мы можем заметить доброжелательное отношение солдат к царю, и отсутствие негативного настроения к предстоящим им столкновениям с «немцем». Привлекая статистические данные, в начале войны в армии, хоть и присутствовал некий процент дезертирства, но он был крайне мал, ведь уходя на войну солдат знал, что идет защищать свое Отечество. В этом отрывке так же можно увидеть и каково настроение Николая II по отношению к надвигающимся столкновениям. Для него было очевидно, что техническое отставание от стран Европы велико, и рассчитывать приходится, в основном, на героизм солдат, которых на войну царь отправлял самолично. Во фразе «Я желал вам воротиться д еще сколь-нибудь пожить» можно прочувствовать отношение солдат ко власти на тот момент. К началу 1914 года, большая часть страны воспринимала царскую власть как что-то традиционное, непоколебимое. Среди народа бытовала «вера в доброго царя», который, несмотря на все проводимые реформы и прочие изменения, был для них родным «батюшкой». И все тяготы, на которые власть обличала население, было не чем иным как «неправильной трактовкой» царских указов чиновниками. Поэтому, с первыми неудачами, солдаты в своих поражениях начали обвинять сначала руководствующих генералов, и лишь потом царя. Это видно по солдатским песням, так в одном из первых произведений, написанных после начавшихся поражений на войне, «изменщиком» кличат военного министра, генерала от кавалерии Владимира Александровича Сухомлинова.

Мы дралися до поледку,

Много войска было ведь у нас,

Не представил нам снарядов,

Сухомлинов генерал.

Иль у нас в сенате дано,

Все от роскоши узнал.

Он изменщик был России,

Вновь Карпаты немцам сдал. [5, с. 270–271]

Уже после сдачи Карпат, падает вера в выше поставленное руководство, а вместе с тем и падает авторитет царской власти. Постепенно, масштабы набирает такое явление как дезертирство. Так, зимой 1914–1915 гг. власти уже были озабочены дезертирством с фронта. Например, варшавским жандармско-полицейским управлением было задержано за декабрь 1914 года 1904 человек, за январь

1915 года-1659, за февраль-1070. Виленским жандармско-полицейским управлением было задержано за это же время 3563 человек [6]. Дальше настроение в действующей армии и в народе ухудшались. Солдаты отказывались идти на фронт, крестьяне служить такому царю.

Недовольство крестьянства политикой самодержавия проявлялось в укрывательстве дезертиров. Об этом свидетельствуют данные хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области. Так, в сводках губернатора в МВД постоянно шла информация об уклонении призывников от воинской обязанности. В апреле 1915 г. в селах Нижегородской области началось движение против мобилизации и укрывательство отпускников от новых призывов на фронт. Со всей территории области на протяжении двух лет (1916–1917 гг.) поступали сигналы о стихийных митингах и выступлениях населения, не желавшего отдавать на воинскую службу отпускников поранению и новобранцев [7].

Именно в этот период появляются наиболее яркие и мобильные народные произведения — частушки. Они стали отражением души народа, простым для понимания каждому.

Хоть сдадут, служить не стану

Николашке-дураку:

Сапоги, шинель закину

Через быстрою реку.

Эх, яблочко,

Укатилось в воду!

Надоело воевать

Нашему народу! [5, с. 277–299]

Из этих отрывков, нам четко видно постепенное изменение отношения народа к войне и царствующему Николаю II. В начале военных действий, солдаты относились к царю как к «батюшке», и верили в «славную» войну. С течением времени, армия стала все хуже воспринимать этот конфликт. Все сильнее росло возмущение народа, все больше накалялась обстановка накануне Великой Революции.

Многие исторические события, нашли отклик в народном поэтическом творчестве Арзамасского края. Не пропала из памяти народа и эта тяжелая, опустошающая Первая мировая война. Много песен написано на эту тему, много стихов сложено. Все эти песни и частушки нужны для более подробного осознания исторической действительности, для глубокого и душевного восприятия настроений той эпохи, для понимания быта наших предков. Основные факты об истории нам дают многие другие источники, но объективную картину исторических реалий нам дает именно фольклор.

Литература:

1. Курдин, Ю. А. Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В двух книгах: /Сост., авторы вступительных статей и комментариев: Л. А. Климова, Ю. А. Курдин; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2005—373 с.
2. Курдин, Ю. А. Рассказы-воспоминания Арзамасского края как исторический источник// Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов XI Региональной научно-практической кон-

- ференции. Выпуск X/ под. общ. ред. В.И. Грубова: Арзамасский филиал ННГУ, ГАНУ. г. Арзамас. — АФ ННГУ, 2014. — с. 13–18.
3. Курдин, Ю.А., Пряников А.В. Рассказы-воспоминания в устной эпической традиции Арзамасского края// Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 10 (14). с. 51.
  4. Курдин, Ю.А. Исторические песни, Народная поэзия Арзамасского края/ Авт. проекта ЮА. Курдин: сост. Ю.А. Курдин, Т.В. Михайлова, Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов, А.В. Харлов, М.П. Шустров: науч. ред. Ю.А. Курдин; АГПИ им. А.П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2006. — 247 с.
  5. Курдин, Ю.А. Первая мировая война в фольклоре Нижегородского края// Историческое образование, 3/2014. с. 125–132.
  6. Асташов, А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 г.: военный опыт и современность — Москва.: Новый хронограф, 2014. — 740 с.
  7. Ефимов, О.В. Антивоенные настроения Нижегородского крестьянства в период Первой Мировой войны// Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции. Выпуск XI/ под. общ. ред. В.И. Грубова: Арзамасский филиал ННГУ, ГАНУ. г. Арзамас. — АФ ННГУ, 2015. с. 21–26.

Арзамас — страж города и оплот православия

Мифтяхов Айрат Халитович, студент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Арзамас — старинный город, с интересной историей и богатыми культурными и экономическими традициями. Он является своего рода ядром Нижегородского Правобережья. История города неразрывно связана с историей нашей страны. Именно Арзамас был в центре событий в смутное время, во времена восстания Степана Разина. Находясь на пересечении многих крупных дорог, Арзамас играл и играет важную роль в экономической жизни страны. И, конечно, он остается крупным духовным центром, центром распространения православной культуры. В этом городе жили выдающиеся поэты и писатели, творили величайшие художники, работали известные ученые.

История Арзамаса теряется в глубине веков. Нижегородский писатель П.И. Мельников (Андрей Печерский) в середине девятнадцатого века писал: «Арзамас, ныне уездный город, считается столицей племени эрзя, и по всей вероятности, есть тот самый город Арса, о котором упоминает в IX веке Ибн-Фоцлан» [3, С.7]. Ещё писатель говорит о том, что эрзянское поселение писалось «мордовским арзамасовым городищем». Точных данных о времени появления Арзамаса среди русских городов не имеется, но, по всей вероятности, это произошло в середине XVI века, до того он именовался «Мордовским Арзамасским городищем». В справочном издании «Городские поселения в Российской империи» указывается, что в 1552 году Иван Грозный во время третьего, последнего, похода на Казань среди дремучих лесов на месте мордовского сельбища основал город, назвав его Арзамасом. Здесь он, по преданию, расположил свой «третий стан от Муром» по пути на Казань. Арзамасский летописец Н.М. Щегольков писал по этому поводу: «Предание

о том, что царский стан расположен был на месте, где ныне стоит село Ивановское (теперь мкр. Ивановский) можно считать вероятным и даже несомненным... По преданию, во время переправы через Тешу царь «свиделся» с мордвой. Царь спросил, чего хочет мордва. Эрзяне попросили, чтобы эту местность закрепить за ними и их потомством, чтобы в их поселении жили русские торговцы. И, наконец, чтобы татары, осевшие по Теше, покинули мордовские пределы. Грозный дал слово, что исполнит просьбу, и объявил эрзянам свою волю о постройке крепости. В присутствии царя тут же начали расчистку леса, копанье рва и основание острога» [4, с. 7]. Далее царь крестил мордву и выбрал меж ними старшин (по преданию это были Арзай и Масай).

Первые документальные известия об Арзамасе относятся к 1572 году, когда он упоминается в Духовной грамоте Ивана Грозного. Первыми арзамасскими воеводами были Григорий Щетнев (1576 г.) и Иван Хохлов (1578 г.). С этого времени история Арзамаса прослеживается по многим документам. 1578 год решено считать годом основания города. Первые переписи горожан 1621–1626 год говорили, что из числа жителей оружие в Арзамасе могли носить 650 человек. «Арзамас во всех отношениях пользовался тогда счастливыми условиями. Во-первых, он расположен был на перепутье, присоединение нескольких важных дорог. Большой московский почтовый тракт, шедший через Владимир и Муром, в Арзамасе разделялся на двое: одна дорога шла прямо на юг, через Саранск на Пензу и Саратов и была известна под именем Большого Саратовского тракта; другая, под именем Симбирской, — шла на юго-восток, на города Симбирск, Оренбург и Уральск» [4, С.8]

Согласно легенде, название города Арзамас образовано из имён двух мордовских братьев Арзая и Масая, которые встретили Ивана Грозного дарями, когда тот со своею ратью шел на Казань. Иван Грозный повелел мордве принять христианство (они были язычниками) и основал в новом граде первый православный мужской монастырь, на который и возложил великую миссию крещения мордвы.

С XVII века Арзамас приобрел значение важного транзитного пункта на пути из Москвы в юго-восточные районы страны. Безусловно, это дало толчок развитию промышленности, мастерства и купечества. Город славился торговлей, особенно луком и знаменитыми арзамасскими гусями, а также выделкой кож и кожевенных изделий. Знаменитая арзамасская юфть высоко ценилась в Европе. Вокруг Арзамаса вырубались леса, расширяются пашни, растет сельское население, а в самом городе развиваются ремесла и, прежде всего, кожевенное и скорняжное, которые были занесены сюда ссыльными новгородцами.

Наряду с этим, расположенный в районе мордовских поселений, Арзамас становится церковно-миссионерским центром. Эта роль, как свидетельствуют царские отказные грамоты, подкреплялись широкой раздачей духовенству лучших земель в окружении города.

К концу XVIII началу XIX веков Арзамас превращается в крупный транспортный узел и важный торговый центр. Наступал «Золотой век» Арзамаса. Через него проходят большие тракты (Саратовский, Симбирский, Тамбовский, дорога на Макарьевскую ярмарку и др.), связывающие Москву и Нижний Новгород с южными и юго-восточными губерниями. Зимой и летом тянулись через город обозы, более сотни постоянных дворов обслуживали этот гужевой поток. Большое место в торговых оборотах Арзамаса занимали сало, хлеб, холст, а льняного семени и масла свозилось в таком количестве, что от цен на них здесь зависели цены по всей России. Развивается Арзамас и как центр ремесленного производства, превратившись в одно из главнейших в России мест по обработке животных продуктов (скорняжное производство, кожевенное, войлочное, салотопенное и другие). В середине XIX века здесь их обрабатывалось на сумму более одного миллиона рублей в год и большая часть приходилась на скорняжное и кожевенное производство. Сырье поступало из приволжских губерний, а готовая продукция сбывалась во многих областях России, в особенности в южных ее районах, шла за границу. Достигшее большого развития ремесленное производство сосредоточилось не только в самом Арзамасе, но и распространилось в окружении, все более выявляя черты мануфактуры. Арзамасские купцы «золотого века», были истинно благочестивыми людьми, отличаясь предприимчивостью, простотой и мудростью. Их не ослепляло временное благополучие. Наживая капиталы, они заботились о процветании родного города.

«Золотой век» Арзамаса стал непрерывной цепью храмостроительства. За 75 лет в городе были возведены

25 церквей, одна прекраснее другой. Это церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, Рождества Христова, Владимирской Богородицы и др. Построенные в стиле старорусской архитектуры, барокко, классицизма, храмы Арзамаса покорила красотой и изяществом. Известный русский реставратор и архитектор Померанцев Николай Николаевич отмечал, что «в отношении церковной архитектуры Арзамас является городом, где в течение 18 века — второй половины 19 века воздвигались церкви чисто столичного масштаба».

Арзамас является значимой частью культурного наследия России. В городе много музеев, а по богатству архитектурных памятников Арзамас превосходит многие малые города России. Архитектурные ценности Арзамаса, к счастью, регулярно реставрируются, и в результате все они, такие разные, из разных эпох — и соборы, и купеческие дома, и дворянские особняки — создают неповторимый облик города.

Все пути в Арзамасе ведут на центральную площадь, которая называется Соборная. Еще в 1781 году Екатерина II утвердила такой план радиально-лучевого расположения арзамасских улиц, которые ведут на Соборную площадь. На площади находится главный архитектурный и исторический памятник города — Воскресенский собор.

Воскресенский собор — жемчужина Арзамаса.

Как храм Спасителя в Москве,

Торжественный, велик, прекрасен

Возник в уездной стороне

Храм Воскресенский в Арзамасе.

Он — доминанта. Он — монарх.

К нему ведут людские тропы.

Собор Святейший Патриарх

Назвал «Жемчужиной Европы».

Собор сам по себе велик и грандиозен, он имеет 48 колонн, внутри богато украшен фресками и росписью. Не зря Воскресенский собор строился в течение 28 лет (1814—1842), он действительно поражает! «Воскресенский собор имеет форму греческого креста, его длина и ширина равняются 64 м, а высота — почти 47 м. На фронтонах храма размещены большие фрески с библейскими сюжетами: «Явление святой Троицы Аврааму», «Воскресение Христа», «Собор всех святых» и «Покров Пресвятой Богородицы». При виде этого храма невольно становишься более возвышенном и приземленном в своем духовном миропонимании. Это осознание приходит не сразу, и войдя в этот храм, тут же становишься частью его, растворяешься и ищешь некую моральную и духовную основу, которая могла затеряться в современных реалиях. «На Руси, да и позднее в России, считалось за честь принять личное участие в строительстве Божьего храма или дать на него денежную лепту и другие добрые приношения» [1, С.8]. Храмы в Арзамасе — это оплот и стражи города. В них горожане видят свою силу, свою значимость как символа того, что бы ни случилось, что бы в мире ни произошло, всегда будет мощь не только человеческая, но и божественная, она сбережет и сохранит.

Без преувеличения можно сказать, что в XVIII — XIX веках г. Арзамас был центром церковной резьбы в Нижегородском Поволжье. Развивались высокохудожественные чеканное и иконописное искусство, позолота, иконостасная резьба. Иконостасы, выполненные арзамасскими резчиками, и поныне украшают многие храмы. Блестящей страницей в истории Арзамаса явилась золотая вышивка. Лавры первенства в золотошвейном искусстве держали монахини и послушницы Алексеевского и Николаевского монастырей. Отсюда вывозилась по всей России и за границу золотые вышивки, доведенные до возможного совершенства. Арзамас — город с богатой историей, город с высокой духовностью и с еще большим почитанием к вере. Говоря, что Арзамас — это город духовной, не стоит забывать количество храмов, их красоту и возвеличивание. Это не просто сооружения для того, чтобы любоваться и гордиться. Это потребность людей в духовности, приверженности к тем основам, что держат нашу родину как самую сильную и могущественную державу.

Говоря о золотом веке Арзамаса, нужно сказать, что это время являло собой веку как некий символ самого благостного состояния. Было все: и промысел, и торговля, все, что нужно для развития. В то время строились храмы, их расписывали большие художники, довольны известные, им помогали их ученики, это было время внутреннего подъема, такое явление встречается тогда, когда каждый горожанин чувствует, что нужно что-то сделать для процветания города, а не для наживы. В Арзамасе работали не только люди творческие, какими были художники, но и люди передового труда. Это были люди, не просто занимающиеся каким-то промыслом, а с изделиями из кожи и меха, которые расходились по многим городам. «Арзамасские кожевенные заводы, получившие своё начало чуть не одновременно с основанием города от новгородских выходцев и получившие известность ещё в 16 столетии, в это время сделались знаменитейшими в России; арзамасская красная юфть, так на-

зываемая болгара, шла через Оренбург в Среднюю Азию, а через Москву, так же как и белая юфть, — за границу, что заставило даже тогдашних малограмотных арзамасских торговцев ставить на свои изделия клейма, вместе с русскими, и на немецком языке. Но главный сбыт был на Дон, куда шли чёрная юфть и мостовые. В период процветания, в начале 19 столетия, в Арзамасе насчитывалось до 100 кожевенных заводов, вся нижняя часть города сплошь была застроена кожевенными заводами, особенно много их было на улице, называемой за — Теша или Затешная, но были заводы и на горе».

Это факт есть доказательство того, что горожане упорно трудились не покладая рук, их работа доставляла наверняка немало удовольствия, так как вряд ли произошло было такое бурное развитие промышленности, если бы людям не нравилось то, чем они занимались. Любая человеческая деятельность идет на пользу городу, возвращает в сердце человека плоды целомудрия и мудрости.

Город действительно являл и являет нечто возвышенное, он не столь знаменит, и все же чувствуется, что есть в городе такое, что нельзя описать словом. У города Арзамаса есть миссия, предрасположенность. При въезде в каждый город мы видим тот или иной символ. В Арзамасе такой символ, как и в других городах, также присутствует. Но стоит заметить, что при въезде нет ничего особо замечательного или же интересного, а вот когда уже ты находишься внутри города, в самом его сердце, то тут ты действительно проникаешься в самые сокровенные уголки света. Купола веют светом, проникновенно сквозя через чертоги самых закрытых дверей, человеческого бесчувствия. Они могут захватить сердце и заставить трепетать самого черствого и жестокого, это некий оплот того, что может по причине временного сгустка растеряться в нас, и совсем уже куда-то улетучиться. Все этот сплошные метафоры, но по-другому описать эти чувства попросту нельзя. Арзамас — святость и оплот православия.

Литература:

1. Еремеев, П. В. Арзамас-городок. Рассказы о былом. — Арзамас, 1998.
2. Карпушов, В. И., Курдин. Ю. А. Сказание о Святой Дивеевской Земле. — Арзамас: АГПИ, 2008.
3. Мельников, П. И. (Андрей Печерский) Бабушкины рассказы. Повести и рассказы. — М.: Правда, 1989.
4. Щегольков, Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. — Арзамас, 1911.

Путь Ивана IV Васильевича на Казань в 1552 году: версии и оценки

Неупокоева Валентина Юрьевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

П оход Ивана Васильевича на Казань описан в Летописце его царствования — Царственной книге. В ней, помимо прочего, обозначены остановки на отдых —

станы царского войска. На территории современной Нижегородской области, судя по этому тексту, русское войско сделало десять остановок. Приведем фрагмент

перечисления станов из летописного текста: «Государь поиде за реку Оку на Саконский лес и того дни (июля 20) ночевал Государь на лесу на реке Велетьме, от города пол 30 верст; а другой стан на реке Шилокше; а третий стан под Саконским городищем; а четвертый стан на поле на Ирже; а пятый стан на Авшечь реке; а шестой на Кевсе; а седьмой на озере на Икше; а осьмой на озере, не дошел Пианы реки; а девятый стан на Дубровке на озере; а десятой на речке на Медянке...» [9].

Точно локализовать станы в настоящее время крайне проблематично, ведь летописец, как видно, не слишком распространялся на этот счет. Иногда даже не указано конкретное место остановки, но оно, возможно и являлось безымянным, будучи незаселенным. Но и конкретно указанные места сложно соотнести с современной топографией. Это связано с тем, что и переписчики, и исследователи, допускали ошибки в написании местных названий. Неизбежный человеческий фактор.

И тем не менее, многие краеведы уже с середины XIX века не оставляют попыток описать путь Ивана Грозного. Среди них П. И. Мельников-Печерский, Н. М. Миролюбов (Макарий), Н. М. Щегольков, А. М. Орлов. Но мы в основном основываемся на работе Ю. А. Курдина и Я. Ю. Курдина «Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского уезда». Здесь авторы приводят карту-схему расположения станов, основываясь в том числе и на изыскания Мельникова [5, с. 121].

Павел Иванович Мельников, русский этнограф, который более известен под псевдонимом Андрей Печерский. Он интересовался темой похода Ивана Грозного, поскольку сам был родом из Нижнего Новгорода. В 1845 году он стал редактором неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости». Тогда и началась работа Мельникова по сбору материала о походе [1]. Мельников-Печерский долгое время готовил статью по вопросу похода Ивана IV в пределах Нижегородской губернии, но, к сожалению, не окончил ее. Тем не мене, большая часть накопленного им материала хранится в архиве писателя и к нему возможно обратиться.

Павел Иванович выдвигал несколько вариантов расположения станов царского войска, но по крайней мере два из них были подвергнуты сомнению со стороны Юрия Александровича Курдина. В обоих вариантах расположения станов по Мельникову есть слабое место — слишком длинная для войска с обозами и переправа. Тем более не стоит забывать и о бездорожье [5, с. 128]. Согласитесь, 45–50 верст между остановками — многовато. Учитывая, что верста — мера длины, равная 500 сажням, то есть 1,0668 км, до XVIII века существовала еще и межевая верста — 1000 сажней и 2,1336 км [7, с. 211].

Но ошибки Мельникова объяснимы. Дело в том, что при работе над статьей, он пользовался картой Нижегородской губернии, составленной Ф. Ф. Шубертом. В ней были допущены неточности и ошибки, которые обнаружили в 1857 году, когда Мельников был назначен начальником статистической экспедиции. Тогда Мельников

сам поехал в Арзамас и провел там около полутора лет [1]. Но здесь роль сыграл еще и метод работы исследователя. Дело в том, что он не всегда точно фиксировал материал, в чем сами и признавался.

Курдин приходит к выводу, что Мельников, как и обделенный нашим вниманием Миролюбов (который тоже занимался подобным вопросом), не сумели точно установить путь следования Ивана Грозного с войском еще и в силу того, что преувеличивали степень достоверности фольклорного материала. Что, к слову сказать, было свойственно исследователям XIX века. И даже в XX веке представители исторической школы изучения фольклора не перестали совершать подобные ошибки [5, с. 128].

Но в начале XX века И. А. Милотворским была выдвинута новая гипотеза, изложенная в очерке «Путь Иоана Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 году». В этой работе автор постарался учесть возможные версии, выдвинутые до него. Но М. Н. Клопова и В. А. Шокуров обращают внимание, что по версии Милотворского войска шли как две независимые друг от друга колонны. Войска самого Грозного шло через Саконь на Арзамас, а через Кавалей, Кужендеево, Надежино, Сырсоево, Ичалово и далее на Сергач шло войска касимского князя Як Сеит Черевсева [2, с. 16]. Отметим, колонны названы независимыми. Мы считаем, что данное определение необоснованно, потому как проход войска затруднялся бездорожьем и идти параллельными курсами, не сообщаясь было просто невозможно. Как и в принципе единая армия (ведь все это в любом случае — царское войска), в одном походе, не может выступать двумя совершенно независимыми частями. Тем более отмечается, что прослеживалась четкая синхронность и согласованность действий колонн. Также действовали небольшие отряды с мордовскими проводниками [5, с. 136–137].

Уже в начале XXI века, А. М. Орловым написана книга «Нижегородские татары», в которой он, в целом, соглашается с Милотворским. Но пятый стан, по его мнению, располагался не на реке Авшечь, а в районе села Абрамово [6, с. 134].

Обзор основных версий маршрута Ивана Грозного говорит о том, что самым сложным и запутанным участком является часть пути между третьим и шестым станами. Доверяя приданиям местного населения, более ранние историки не обратили внимания, что путь Ивана IV пролегал вдоль древней Московско-Муромской дороги — «Царской сакмы». Эта торная дорога, проходила по мнению Н. Ф. Филатова именно через Арзамас [8, с. 52]. Можно предположить с большой долей вероятности, что маршрут «Царской сакмы» пролегал той же дорогой, что ведет из Кулебак через Саконь, Личадеево, Туманово, Абрамово, Красное и в Арзамас [5, с. 137].

Одна из причин движения главного войска именно по этой дороге — необходимость в продовольствии, так как царское войска не было обременено провизией. А вдоль этой дороги расселялось автохтонное население —

мордва, чуваша, черемисы и татары. Продукты частично были подношением местного населения царю, частично — закупались. Дополнительная провизия — дичь. Поэтому важным аспектом снабжения царского войска была охота в богатых мордовских лесах.

Если мы придерживаемся позиции, что путь основного войска Ивана Васильевича пролегал по «Царской сакме», то больше всего вопросов вызывает местоположение четвертого и пятого станов.

Как уже упоминалось выше, четвертый стан предполагался «на поле, на Ирже». Как верно заметил Ю. А. Курдин, при локализации четвертого стана просто необходима филологическая экспертиза. В XVI веке слово «поле» употреблялось в том числе и в значении «степь». А в мордовских лесах степью могла быть названа только полоса чернозема вдоль левобережья Иржи [5, с. 140]. Но выходит, что войско свернуло с «Царской сакмы». Это можно объяснить немного изменившимся с момента проторения сакмы рельефом местности.

Местоположение пятого стана также вызывает вопросы. Начнем с того, что необходимо локализовать загадочную «Авшечь реку». Ю. А. Курдин приводит другие варианты названия реки: «Древнемордовское «Авша», татарское «Аксу», привычное, но ничего не говорившее русскому человеку слово «Акша» — все эти названия по своему пытались передать ее (реки) удивительную красоту. «Чистая», «белая», «светлая», «белая вода» — только эти эпитеты невольно срываются с языка при виде чудом сохранившегося уголка древней реки при впадении ее в Тешу» [5, с. 141–142]. Вот так, объясняя название реки можно прийти и к ее локализации. Выходит, что Авшечь — это Акша, впадающая в Тешу примерно в 3 километрах к югу от современного Арзамаса. А установить более точное место стана помогают материалы Арзамасских поместных актов, на которые указывает опять же Ю. А. Курдин, ссылаясь еще и на Н. Ф. Филатова. Они говорят о существовании капитального моста через Акшу, который являлся частью «сакмы».

А учитывая, что в бывшей Мельничной слободе расположена церковь, знаменующая место переправы Ивана IV через Тешу (ниже устья Акши), мы можем утверждать, что царский шатер располагался на левом берегу «светлой» реки. А после этой двухдневной, между прочим, остановки, отдохнувшее войско переправилось через Тешу.

Говоря о пятом стане, невозможно умолчать об основании города на месте «Орзамасова городища». Как уже упоминалось выше, одной из целей царя в походе было крещение местного населения. Постройка города, который бы стал и православным центром, и крепостью — логичное решение в таком случае. Мордовское поселение занимало довольно выгодную позицию и царь, видимо, решил не строить новый город на Ивановских буграх, а заново отстроить «Орзамасово городище», сохранив прежнее название, ныне звучащее более привычно — Арзамас. Эта версия не подтверждена доку-

ментально, поэтому остается пусть и довольно вероятной, но все же версией. А годом основания Арзамаса остается год его первого упоминания в письменных источниках — 1578. Хотя в книге «История Арзамаса» приведены более новые сведения: «Последние и более точные данные свидетельствуют о том, что Арзамас как город был заложен несколько раньше. Так, согласно кормленной грамоте царя Ивана IV от 16 марта 1562 года, Евтихий Дорофеевич Бахметьев был жалован «въ Орзамамасе волостью Собакиною по реке Теше». Эта грамота не подлинная, она дошла до нашего времени в копии XVII века и поэтому подвергается сомнению, возможно, и необоснованному. Также известно, что в 1565 году в «Арзамасе воеводы: князь Андрей Сонцов-Засекин да для вестей послан Григорей Мещенинов Морозов». Воеводское назначение в Арзамас последовало и в 1576» [3, с. 22].

Вернемся к царскому пути. Переправа через Тешу состоялась по все видимости там, где расположен ближайший наиболее пологий берег. Для этого войско немало сворачивало с проторенной «сакмы» на несколько верст и вернулось на нее в районе современной Кирилловки.

От старожилов Арзамаса и окрестных сел можно слышать полулегендарные рассказы о пребывании и переходе царя и его войска через их родные места. Вроде рассказа о кирилловских дубах, которые были срублены и увезены в столицу для изготовления мебели в царский дворец. Эти рассказы передаются из уст в уста и, конечно, им нельзя слепо доверять. Но есть и более достоверные доказательства-памятники походу.

Например, Спасский монастырь, основанный в 1556 году по указу Ивана Грозного. Во владения этому монастырю он отдал как раз земли, прилегающие к пятому стану.

Гарнизон казаков, оставленный царем в Выездной слободе, на плодородных пойменных полях, построил две церкви: Сергиевскую и Рождественскую. От Рождественской церкви сохранилась лишь колокольня. Но Сергиевская сохранилась, как сохранились в ней и фрески с изображениями князей. Местное название этой церкви — «Напольная», от слова «поле», как воспоминание о переходе к Акше «чистым полем» совсем рядом с местом, где стоит церковь [5, с. 146].

Основание Воскресенского собора с одной стороны может показаться не связанным с походом Ивана Васильевича. Но Ю. А. Курдин приводит довольно убедительные аргументы в пользу этого факта. «Напомним, что одна из походных церквей, проследовавших в обозе мимо Арзамаса и поставленных в виду осажденной Казани, была во имя Архистрига Михаила. Может показаться «натяжкой» соотнесение нынешнего Воскресенского собора с походом Ивана IV, но не будем забывать, что царь прибыл под Арзамас в воскресенье, 24 июля» [2, с. 150].

Итак, казанский поход 1552 года является одним из крупнейших событий русской истории. Взятие Казани воспринимается как закономерный итог борьбы русского

народа с золотоордынскими ханами и их приемниками. Ю. А. Курдин указывает на то, что «свидетельством всенародного признания взятия Казани как выдающейся победы русского оружия является строительство по всей Руси многочисленных храмов — памятников в честь По-

кровы Пресвятой Богородицы (именно в день Покрова пала Казань). Главным архитектурным памятником этому событию стал Покровский собор на Красной площади, более известный как собор Василия Блаженного» [4, с. 45].

Литература:

1. Венгеров, С., Биография Мельникова П. И.. URL: <http://www.melnikovpecherskiy.org.ru/lib/ar/author/456>
2. Клопова, М. Н., Шекуров. Православное Гремячево XVII—XXI столетия. — Арзамасская типография, Арзамас. 2011, 120 с.
3. Кудряшова, А. С. Основание Азамаса /История Арзамаса/ отв. ред. О. В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. — Саранск, 2015, 515 с.
4. Курдин, Ю. А. Казанский поход и эпоха Ивана Грозного в зеркале истории /Под стягом Всемиловейшего Спаса. Литературно-краеведческое исследование — Арзамас: Издательство АГПИ, 2003, с. 67—74
5. Курдин, Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края //Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного: учебное пособие. — Арзамас: Издательство АГПИ, 2005, с. 121—149
6. Орлов, А. М. Нижегородские татары. Этнические корни и исторические судьбы (очерки). — Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2001, 242 с.
7. Советский энциклопедический словарь. — М., 1982, 1600 с.
8. Филатов, Н. Ф. Арзамас в XVII веке. Очерк истории. Документы. — Арзамас: Издательство АГПИ, 2000, 208 с.
9. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича. — М.: Книга по Требованию, 2011. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/89/886956.pdf>

Личность и эпоха Ивана IV Васильевича в литературно-краеведческом исследовании Ю. А. Курдина «Под стягом Всемиловейшего Спаса»

Проняева Елена Леонтьевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Ю. А. Курдин — кандидат филологических наук, писатель, член Союза писателей России, декан историко-филологического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал). Его перу принадлежат многочисленные исследования, связанные с краеведением и региональной фольклористикой. Юрий Александрович посвятил несколько своих исследований одному из самых загадочных периодов в истории нашего государства и самой неоднозначной личности — личности Ивана IV Васильевича и его вклада в развитие культуры, литературы и всего государства в целом.

XVI век в русской истории — сложнейшее время со сложнейшей личностью — личностью Ивана IV. На протяжении нескольких веков историки пытаются разобраться в одном лишь вопросе — «Кто же он такой?». Споры по этому вопросу ведутся и в настоящее время. Как же оценивают эпоху Ивана Грозного?

Отрицательные черты политики и личности Ивана Васильевича начинают проследиваться от знаменитого историографа Н. М. Карамзина, который изображает эпоху как сплошное «кровавое безумие». Сам Иван Грозный предстает перед ним настоящим «исчадием

ада» [3, с. 69—70], хотя еще до этого, описывая начальный период его царствования, он не воздерживался от восхитительных и восторженных описаний данного периода. С чем связано столь противоречивое отношение историка к личности Ивана IV до сих пор остается загадкой.

В. О. Ключевский, ссылаясь на труды Карамзина, также не обделяет вниманием политического деятеля XVI века, говоря о нем как о «тиране, пребывающим во власти низменных страстей» [3, с. 70]. Объясняет он это тем, что Иван Васильевич слишком много совершил поступков, которые «сделали его примером ужаса и отвращения». Причем историк указывает на конкретные примеры таких поступков — казни, убийство сына и митрополита Филиппа, опричнина.

Д. И. Иловайский также приводит подобные оценки деятельности Ивана Грозного. Деяния царя он сравнивает с «ярким отражением татарщины» [4, с. 76].

С. М. Соловьев более объективно оценивает эпоху Грозного. Причины «печальных явлений царствования Иоанна» он видит в «противогосударственных стремлениях потомков прежних князей, которые питали вражду к новому порядку» [3, с. 70—71]. Доказывает Соловьев

свое мнение Земскими Соборами, которые созывались по инициативе Ивана Васильевича. В конце он приходит к выводу, что все свои реформы и мероприятия, в том числе и злосчастная опричнина, проводились «в согласии с мнением народным» [4, с. 76].

К концу XX века в русской историографии начинается период «замалчивания» эпохи Ивана Грозного. Эта тенденция берет свое начало с советского времени, где был полностью вычеркнут XVI век. Ю. А. Курдин имеет свое мнение по этому поводу, говоря о том, что «советские историки изнемогали под организующей и направляющей дланью партии» [3, с. 69].

Резкое недовольство прослеживается у Ю. А. Курдина по отношению к той эпохе, когда XVI век полностью исчезает в русской истории, будто и не было в нем ничего знаменательного. На этот счет приводится пример знакомства исследователя в Новгородском кремле с памятником М. О. Микешина «Тысячелетие России». Какое же было разочарование, что в истории персонифицируют все образы вождей и правителей от Рюрика до Петра I, кроме одного — Ивана IV Васильевича. Причину отсутствия Грозного Ю. А. Курдин указывает. Это связано с Александром II, который «постеснялся отвести Ивану IV подобающее место в истории» [3, с. 68–69].

Более всего Ю. А. Курдина удивляет тот факт, почему в современное время так мало уделяется внимание эпохе и самой «выдающейся» личности Ивана Грозного. Сложно не согласиться с данным мнением, ведь весь XVI век слышит славу противоречивости и в тоже время загадочности. Множество вопросов остается не раскрытыми, к примеру, что же послужило действительной причиной столь «жесткой» политики Ивана IV? И была ли она на самом деле «тиранической»? Ведь народ любил своего царя и боготворил. Об этом свидетельствуют нам историко-топонимические легенды и предания, песни, сказки, которые предлагает нашему вниманию в своих исследованиях Юрий Александрович. Но о них чуть позже...

Стоит отметить вклад в изучение эпохи Ивана Грозного Р. Г. Скрынникова. Он посвятил этому несколько десятилетий, прежде чем сделал свой вывод. Основой его исследования является изучение массового террора на основе статистических данных. Опять же Иван Васильевич предстает перед ним как тиран. Даже одна из его книг имеет название «Царство террора».

В. Б. Кобрин соглашается со Скрынниковым, утверждая, что эпоха Грозного — эпоха «невероятных масштабов репрессий, кажущихся избыточными» [3, с. 71–72].

С. Г. Пушкирев не отстает от своих единомышленников и объявляет эпоху Ивана IV «вахханалией убийств и грабежей», причем строит он свое повествование о Грозном именно как о «трусливом деспоте» [4, с. 77].

Ю. А. Курдин в своем исследовании приводит неоднозначное, по его мнению, сочинение под названием «Великие государственные деятели России», выпущенное в 1996 г. и предназначенное для широкой публики,

а именно для студентов, учеников и просто любителей отечественной истории. Юрий Александрович высказывает мнение о вопросе достоверности и объективности учебника, ведь книга «являет из себя такую же историю в лицах, каковой оказалась история в скульптуре на памятнике Микешина «Тысячелетняя Россия», описанной выше. И снова нам говорит это лишь об одном — Иван Грозный не является великим государственным деятелем России. Зато героями в пособии предстают Адашев и Сильвестр...

Но как бы трагично не описывалась судьба страны в эпоху Ивана Грозного, как ни старались лично его вычеркнуть из истории нашего государства, есть произведения, которые указывают на «особую» роль царя в жизни всего русского общества. Ю. А. Курдин приводит два таких произведения. Первое — касается митрополита Иоанна, второе — литературоведа В. В. Кожина. Рассмотрим каждого по отдельности.

Митрополит Иоанн рассуждает с церковно-православной точки зрения и при этом его выводы отличаются «абсолютной» аргументацией. Во-первых, митрополит скептически относится к исследователям, которые делают вывод об эпохе Ивана Грозного по данным жертв его «террора». Здесь он приводит убедительный аргумент о том, что во время пожара в Москве в 1571 году погибло «около осьмисот человек» да «более ста тысяч пленников были уведены ханом Дивлет-Гиреем. Также митрополит доказывает «нелепость деления царской биографии» на два периода — добродетельный (до 30 лет) и «кровожадный». Иоанн делает абсолютно иной вывод об Иване Грозном и его эпохе, говоря о том, что «не было никаких периодов, как и не было «тирана на троне». Был лишь русский царь, строивший Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой» [3, с. 72–73].

Далее поговорим об исследованиях В. В. Кожина. В своей книге «История Руси и русского Слова. Современный взгляд» не традиционно освещает русскую историю и расставляет совершенно иные акценты в деятельности Ивана Грозного. Опирается он на статистику, соглашается со Скрынниковым в цифрах казненных («три-четыре тысячи человек») и проводит аналогию со знаменитыми западноевропейскими современниками Ивана IV (Филипп II, Карл V, Генрих VIII и т. д.), которые сгубили сотни тысяч людей. Никто даже не задумался называть их «тиранами века»! Причем Кожин утверждает, что церковь не только не была шокирована политикой королей, но и всячески поощряла и богославляла казни!

Кожин приводит довольно-таки любопытную фразу И. В. Сталина, который говорит о том, что Грозному стоило покончить с феодалами, а тот «ликвидирует одно семейство и целый год кается и замаливает «грех» [3, с. 74]. И где же здесь проявляется жестокость царя? Где его «чрезмерная» тиранья?»

Ю. А. Курдин, завершая одно из своих исследований, приводит гениальную фразу академика С. Б. Веселов-

ского, с которой трудно не согласится. Он утверждает, что при изучении эпохи Ивана Грозного историкам необходимо больше времени уделять исследованию, убрав все «домыслы и ошибки» своих предшественников [3, с. 74]. С этим высказыванием трудно не согласиться, ведь зачастую историки лишь переписывали ранее известные труды, посвященные данной эпохе, и за редким исключением добавляли что-то новое, никому неизведанное.

Ю. А. Курдин посвятил Ивану Грозному несколько исследований под названием «Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края», «Казанский поход и эпоха Ивана Грозного в зеркале истории». Все работы включены в сборник литературно-краеведческого исследования «Под стягом Всемиловейшего Спаса», посвященному 450-летию Казанского похода Ивана Грозного. Юрий Александрович, опираясь на исследования предшественников и на исторический фольклор, дает свою оценку деятельности царя Ивана Васильевича.

Уже по названию одной из своих работ не сложно догадаться, что Ю. А. Курдин отдельной строкой выделяет событие 1552 года — Казанский поход Ивана Грозного, который завершился полным разгромом хана Едигера. Это событие является крупнейшим в русской истории и по праву занимает место, наряду с объединением русских земель при Иване III, преобразованиями Петра I и др. Современниками событие взятия Казани воспринималось как «закономерный итог многовековой борьбы русского народа с золотоордынскими ханами» [3, с. 67].

Свидетельством всенародного призвания, по мнению Ю. А. Курдина, является строительство по всей Руси многочисленных храмов-памятников.

Положительной оценкой эпохи Ивана Грозного Ю. А. Курдин называет и небывалый подъем в развитии русской культуры и литературы. Одним из этих проявлений по праву считается книжное дело, причем сам Грозный являлся инициатором книгопечатания, который сам в свою очередь являлся крупным писателем. К примеру, при его активном участии составлялся «Лицевой свод» — иллюстрированная летопись истории человечества.

Отдельным особняком доказательства любви народа к деятельности царя можно считать произведения фольклора. В работе Ю. А. Курдина «Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края» говорится о значимости и первостепенной роли царя в жизни народа. Ему посвящали песни, сказки, легенды, предания. Исследователь использует в своей работе произведения мордовского, арзамасского и ардатовского фольклора. Все они «хранят живые черты эпохи», в них зафиксированы свидетельства людей, помнящих или слышавших о недавних событиях [1, с. 33–35].

Ю. А. Курдин не первый, кто занимался собиранием и изучением фольклора. Этому делу посвятили себя В. И. Даль, А. А. Реймерс, П. И. Мельников-Печерский, епископ Нижегородский и Арзамасский Макарий. Все материалы отражали состояние фольклора и основные события той эпохи.

Юрий Александрович выделяет значимость эпохи Ивана Васильевича для населения Среднего Поволжья в его Казанском походе. П. И. Мельников-Печерский и А. С. Кацисский описывают многочисленные акты казанский набегов, которые заканчивались разгромом и захватом пленных. В них описываются и наши, арзамасские земли, которые славились своим плодородием [2, с. 656].

В исследовании Ю. А. Курдина на этот счет приводится прямое доказательство в виде фольклора Арзамасского края. В одном из преданий под названием «Камни растут» рассказывается про разорительный и кровопролитный ханский набег [2, с. 657].

В фольклоре южных районов сохранились многочисленные исторические песни и предания о «татарском полоне». Распространенным сюжетом являлся рассказ о встрече в казанской земле захваченной в плен матери-рабыни и плененной ранее дочери, взятой в жены богатым татаринном. Это предание называется «Мать и дочь». Ю. А. Курдин определяет причину похода Ивана Грозного — освобождение населения региона от изнурительных набегов татар. Исследователь отмечает доброжелательное отношение Ивана IV к местному населению, о чем повествуется в других устно-поэтических рассказах, например, «Меланьюшкин колодец» [2, с. 658–660].

Ю. А. Курдин отмечает войско Ивана Грозного во время похода, которое выступило без провианта, добывая пропитание охотой и подношениями жителей поселений. Отмечается и активное участие царя в добыче еды. К примеру, существует предание, как стрелки из лука помогали царю охотиться.

Отдельной строкой исследователь выделяет такую группу фольклорных произведений, как историко-топонимические предания. Они повествуют нам о названиях ряда современных сел и деревень, которые в свою очередь даны непосредственно царем. Ю. А. Курдин называет некоторые названия населенных пунктов — Поздняково, Теплово, Ломовка, Теплый Стан и т. д. В этом автор и видит положительную оценку населением Арзамасского края похода Ивана Грозного. Приводится и конкретный пример, раскрывающий смысл названия одного из сел — рассказ «Теплый Стан» [2, с. 661].

В других преданиях Ю. А. Курдин отмечает и доброжелательность по отношению к населению со стороны помощников царя. В их честь были названы такие населенные пункты, как село Кужендеево, п. Ардатов и др.

Во время похода против царя случается заговор, о чем гласит еще одно предание «Сказание о Девичьих Горах», где рассказывается о молодой девушке, спасшей жизнь царя, ценою своей [2, с. 662].

Известны предания и легенды, говорившие о многочисленных церковных постройках, о приобщении к православной вере населения Низовской земли. Рассказывается о христианизации мордвы, которое зачастую происходило против их воли («Легенда о крещении

мордвы в Арзамасе», «Как мордву крестили», «Мурзицы» и др.) [2, с. 664–665].

Отмечает Ю. А. Курдин еще один немаловажный факт политики Ивана IV — переселение людей из разных мест Руси на земли, «дарованные участникам Казанского похода». Но данная политика царя не одобрялась народом. Об этом событии говорит нам песня «Соловей кукушку уговаривал» [4, с. 162].

Отдельным особняком стоит песня об Иване Грозном, который в порыве гнева отправляет на казнь своего сына. Об этом событии пишет П. И. Мельников-Печерский, указывая на то, что спасает царевича Пожарский.

Ю. А. Курдин утверждает, что «образ Грозного-тирана не соотносится в народном творчестве с образом Царя-освободителя». Отмечается главная заслуга царя перед Отчеством — взятие Казани. Это событие «распахнуло двери на восток, дав мощный импульс наступательному движению россиян на Тихий океан». Завоевание Казани, по мнению исследователя, обеспечило мирную жизнь и процветание татарскому народу, который в свою очередь активно выступал на стороне царя, о чем говорится в предании «Мурза Бахметко». Многие из татар были награждены, а в честь некоторых названы населенные пункты, к примеру,

село Дивеево было названо и пожаловано в честь мурзы Дивея [2, с. 671].

Таким образом, в Арзамасском и Ардатовском уездах сохранились лишь положительные отзывы об Иване Васильевиче. Помнился он ими исключительно как царь-освободитель.

Ю. А. Курдин отмечает, что Казанский поход не может рассматриваться как война русского и татарского народов. Он достойно оценивает поход первого русского царя на Казань и по достоинству оценивает его заслуги перед Отечеством.

«Иван Грозный спас русский и сопредельные народы от еще более гнусного рабства, чем золотоордынское» [4, с. 169].

Таким образом, эпоха и личность царя Ивана Грозного занимает особое место в исследованиях Ю. А. Курдина. Он отмечает его достоинство перед Отчеством посредством изучения народного фольклора. В целом Юрий Александрович дает положительную оценку эпохе Ивана IV. Об этом говорит и С. В. Перевезенцев, отзываясь о современном исследователе, утверждая, что Ю. А. Курдин пришел к выводу о том, что Иван Грозный помнился в народной памяти как «царь-освободитель», а не как «царь-тиран» [5, с. 104].

Литература:

1. Н. Коняев. Царская сакма. // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 7 / Арзамасский филиал ННГУ, Арз. отд. нижег. обл. орг. СП России. — Арзамас: АГПИ, 2013. — с. 9–42
2. Курдин, Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Царь Иван IV Васильевич Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... изд. подг. С. В. Перевезенцев. — М.: Русский миръ, 2005. — с. 655–673
3. Курдин, Ю. А. Под стягом Всемиловейшего Спаса: (к 450-летию Казанского похода Ивана Грозного). Литературно-краеведческое исследование / Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара. — 2-е изд., перераб. и доп. — Арзамас: АГПИ; 2003. — 211 с.
4. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного: Учебное пособие / АГПИ им. А. П. Гайдара; под ред. Ю. А. Курдина; авт. — сост.: Е. В. Кузнецов, А. С. Кудряшова, Ю. А. Курдин, С. В. Перевезенцев. — Арзамас: АГПИ, 2005. — 275 с.
5. С. Перевезенцев. Грозный царь: известный и неведомый. // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 7 / Арзамасский филиал ННГУ, Арз. отд. нижег. обл. орг. СП России. — Арзамас: АГПИ, 2013. — с. 54–105

П. И. Мельников-Печерский — выдающийся народовед второй половины XIX века

Разживина Светлана Борисовна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Народ — это все люди, которые живут в данной стране и имеют свой особый быт, свою историю, составляющую основу этнографии или народоведения.

Долгие столетия жизнь простого населения была вне интересов общества, поэтому многое из народного творчества было утеряно, так как не закреплялось письменно,

да и кто тогда мог подумать, что настанет время и все песни, предания и другие виды творчества станут неотъемлемой частью истории страны.

Активно изучать жизнь народа начали только в XIX веке, когда народоведение стало обширным общественным движением в России по изучению жизни

и быта населения. Многие писатели пробовали внести свою лепту в изучение русского народа, одним из них был П. И. Мельников-Печерский.

Мельников Павел Иванович — выдающийся беллетрист-этнограф, известный под псевдонимом Андрей Печерский. Родился в Нижнем Новгороде в 1818 году. В 1834 поступил на словесный факультет Казанского университета. Одно из первых крупнейших произведений, роман «Торин», Мельников-Печерский начал писать в 1840 году, но его восприняли, как неудавшееся и считали подражанием Н. В. Гоголю. После этого автор 12 лет ничего не писал. В 1841 году Мельников получил звание члена-корреспондента Археологической комиссии. В 1845–1850 был редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», где публиковал многочисленные исторические и этнографические материалы, собранные им самим. В своих произведениях автор показывал не только бытовые, но и поэтические черты русской жизни. Мельникова-Печерского интересует исключительно богатый этнографический и фольклорный материал, он преобразует мотивы славянской языческой мифологии [4].

После долгого перерыва на свет появляется диалогия «В лесах» (1871–1874 гг.) и «На горах» (1875–1881), которая приносит П. И. Мельникову большую известность. Как пишет Д. А. Марков: «Его цитировали как великого знатока народного быта и жизни» [1]. В этих произведениях он стремился разносторонне описать народную жизнь и собрать все знания воедино. Диалогия объединила в себе богатейший фольклорно-этнографический материал, с помощью которого можно ещё лучше узнать народный быт. Одним из источников фольклорного материала, использованного автором в диалогии «В лесах» и «На горах», является, по словам В. Ф. Соколовой, то, что Мельников-Печерский имел возможность наблюдать живые формы бытования фольклора [1, с. 15]. Благодаря путешествиям по селам и деревням, общению с населением, творчество людей для писателя стало не чем-то далеким, как для нас сейчас, а близким и понятным.

Среди жанров народнопоэтического творчества, вставленных в диалогия, центральное место занимают исторические предания. Они, наряду с пословицами и поговорками, отражают психологию и нравы «нагорного народа», которые уже испытали влияние европейской культуры и новых экономических порядков, что привело к разложению общины. С помощью этих преданий автор оценивает последствия и сравнивает старое общество, не искаженное влиянием города, и новое. Например, первая часть диалогии, «В лесах», начинается с преданий о «невидимом граде Китеже на озере Светлом Яре» и «Батыевом разорении», которые позволяют П. И. Мельникову проанализировать изменения и дать оценку. Вторая часть — «На горах» — начинается преданиями о «русском заселении по Волге» и «основании Нижнего Новгорода», что так же дает возможность проследить перемены в жизни народа. [1, с. 199].

В период 60–70-х годов, когда изучению фольклора и этнографии в России придавалось большое значение, М. Е. Салтыков-Щедрин называл «настойной» книгой для всех исследователей русского народа собрание сочинений П. И. Мельникова — Печерского. По словам Салтыкова-Щедрина он был «близко знаком с народом, его материальною и духовною обстановкою» [1, с. 7].

В 1881 году Мельников переехал на постоянное жительство в Нижний Новгород, где дописывал вторую часть своей диалогии «На горах». Умер писатель в 1883 году и был похоронен на Покровском кладбище в родовом склепе [4].

П. И. Мельникова-Печерского можно назвать первым нижегородским народоведом XIX века, так как до него в Нижнем Новгороде никто не занимался изучением народного быта. Вклад автора в фольклористику в качестве собирателя устного творчества народа является значимым, ведь он не просто собирал материал, а описывал, пояснял, то есть давал возможность разобраться в этом на примерах.

Началось знакомство П. И. Мельникова с бытом русского народа с Нижегородской губернии, когда он помогал В. И. Даю в составлении «Пословиц русского народа» и «Толкового словаря живого великорусского языка». Вместе с А. Гацким и В. И. Далем они составили знаменитую триаду «богатырей» нижегородского народоведения [2]. В 1852 году П. И. Мельников-Печерский был назначен начальником губернской статистической экспедиции, что позволило ему подробно изучить населенные пункты Нижегородской области и, по просьбе В. И. Даля, записать во всех деревнях и селах оканья, яканья, цоканья.

П. И. Мельников-Печерский — первый фольклорист Нижегородской области. «К нижегородской истории и археологии мне пришлось прокладывать непроторенную еще дорогу: я собирал рукописи, занимался в архивах, которых до того никто не касался», — пишет Павел Иванович Мельников [4]. Действительно, Мельникова-Печерского можно назвать «первопроходцем» Нижегородского фольклора. Конечно, и до него были писатели и поэты, собиравшие знания о нижегородской земле, например, таковым является великий русский поэт и писатель А. С. Пушкин, который делал записи различных сказок, песен и преданий в Большом Болдине. Но поэт был здесь лишь проездом и интересовался данной темой, чтобы включить её в свои произведения. П. И. Мельников же является коренным нижегородцем, прожив практически всю жизнь в Нижегородской области, он с молодости познавал свой край, странствуя по его поселкам. Писатель побывал во многих деревнях и селах, в которых собирал информацию о жителях, их быте, общался с народом, включаясь в их жизнь. Его привлекали в этой провинции её культура, слово и древние документы, к которым он обращался, как историк. П. И. Мельников стал частью большой русской литературы, поэтому вполне можно сказать, что с него начинается настоящая нижегородская литература [4, с. 5].

Первой публикацией, где им были записаны нижегородские предания и легенды, стали имеющие специ-

альные отступления путевые очерки «Записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», опубликованные Мельниковым в 1840–1841 годах. На страницах его работ обнаруживаются множество местных пословиц, примет, описаний обрядов, пересказанных быличек — пусть они и не представлены в привычной для современного читателя или исследователя форме фольклорного сборника с комментариями [4, С.19].

Многие народные сказания, незаписанные вовремя, могли бы исчезнуть навсегда, поэтому, благодаря именно П.И. Мельникову-Печерскому, мы сейчас можем прочитать «Коромыслову башню», «Ибрагимов городок», «Почайну» и другие произведения, так как именно П.И. Мельников впервые их опубликовал. Представить нижегородский фольклор без этих сказаний невозможно, ведь с ними знакомы все, кто хотя бы раз интересовался историей нижегородского народоведения.

Кроме того, П.И. Мельников считается первым отечественным финно-угроведом XIX века, его работы заложили основу этой науки в Поволжье. Он написал монографическую работу, «Очерки мордвы», в которой впервые попытался описать быт финно-угорского этноса. Эта один из фундаментальных трудов XIX века о Нижегородском Поволжье. Материалами данной работы послужили наблюдения самого автора, рукописные и опубликованные источники, песни, легенды. «Очерки мордвы» собрали в себе большое количество интересной и очень важной информации о Нижегородском Поволжье, его истории и фольклоре [4, с. 16].

Главное чертой русского народа всегда была щедрая, открытая нараспашку душа. Многие песни, сказки, частушки об этом и повествуют: о смелых, добрых и искренних людях. Говоря о финно-угорцах, Мельников-Печерский, в отличие от других писателей, называет их вполне дружелюбным народом, у которого почти нет убийств. Мне кажется, что такое отношение русского человека к другому народу говорит о его хороших качествах, его знаниях и добром сердце. А кто как не человек, обладающий всеми чертами русского народа, сможет полностью погрузить нас, читателей, в их жизнь, рассказать без прикрас всю правду? Конечно, нельзя говорить о том, что П.И. Мельников был единственным писателем, который хорошо знал народную жизнь, но он был первым, кто стал записывать народный фольклор, когда ещё не было никаких правил и форм заполнения. Он вовремя успевает записать и сохранить важный для развития народоведения материал. Например, Мельников становится публикатором уникальной мордовской былины «На горах то было на Дятловых», которая была ему специально доставлена из села Сиуха. Это предание содержит информацию о том, как представляло мир мордовское население, а также мистический ответ на вопрос о судьбах Нижегородского Поволжья [4, с. 18–19]. Решив внести это произведение в текст «На горах», автор, видимо, сразу ориентировался на прозаический рассказ о «русском расселенье по Волге». Внося поправки в текст «предания о мордве»,

Мельников стремился изменить языковую окраску произведения мордовского фольклора, чтобы оно органичнее вписалось в речь Андрея Печерского. По всей вероятности, изложение народного предания и после «правки» не удовлетворило писателя, обратившегося затем к народной былине, по его мнению, «несущей на себе несомненную печать древности». Прежде всего, Мельников попытался переиначить форму народнопоэтического произведения и переложить стихотворную былину в прозу. С этой целью он видоизменяет структуру предложений, трансформирует строфику, убирает замедляющие действие повторы, характерные для былины. Однако и в обработанном виде «предание» продолжало сохранять ритмические особенности мордовской былины [3, с. 63].

Произведения П.И. Мельникова-Печерского являются востребованными и по сей день. В 2010 году был снят сериал по мотивам дилогии «В лесах» и «На горах», в котором снялись одни из популярных актеров, что ещё раз подтверждает, что работа, сделанная Мельниковым, имеет огромное значение и является актуальной. Благодаря тому, что писатель очень точно смог описать жизнь и быт народа, верно оценить многие явления той действительности, показать проявление исторического времени в судьбах отдельных людей, стало возможным понимание для нас того времени и эпохи так глубоко, чтобы прочувствовать и сопереживать. Большая часть фольклорного материала хранилась в памяти автора, он старался сохранить особенности говора и указывал место записи [3, с. 59]. На основе этого можно судить о том, насколько трепетным было его отношение к материалу, а значит к истории народа, его душе.

Наследие Павла Ивановича, как исследователя Нижегородского Поволжья, составляет множество работ, которые для тех, кто интересуется историей этой области, станут настоящим сокровищем. Они посвящены различным населенным пунктам, людям, памятникам культуры, а также документы, проливающие свет на события отдаленных времен. Многие очерки и легенды, собранные Мельниковым-Печерским, могли бы быть потеряны для нижегородцев следующих поколений. Фольклор интересует писателя как выражение чувств и мыслей народа, как его вера в лучшее, вера в счастье и любовь. Произведения П.И. Мельникова интересны особенно тем читателям, которым знакома описываемая автором местность, ведь так хочется порой узнать, как жили в твоём родном селе или городе предки, чем они занимались, как отдыхали. Обращаясь к наследию Мельникова-Печерского, его раз хочется отметить его значительный вклад в изучение нижегородского фольклора и в историю народоведения. То, о чем писал Павел Иванович, уже давно многими забыто, но всегда приходит время, когда люди вынуждены вернуться к прошлому, чтобы вспомнить ошибки и постараться их не повторять, чтобы ещё раз окунуться в ту жизнь, которой жили другие люди. Работы П.И. Мельникова-Печерского внесли огромный вклад в изучение не только Нижегородской истории, но и всей России, так как мы один народ, и история у нас одна.

Литература:

1. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова — Печерского: Монография. — Арзамас: АГПИ, 2004. 302 с.
2. Курдин, Ю. А. Подвижники народоведения // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2009. № 7 (19) 2009, часть 1, с. 90–93.
3. Курдин, Ю. А. Фольклор Арзамасского края в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей — Н. Новгород: НГПУ, 2007. — с. 59–65.
4. Морохин, Н. В., Павлов Д. Г. Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. — Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. — 544 с., ил.

Крепостничество Нижегородского Поволжья в сборнике «Ярем барщины старинной...»

Рьянова Валерия Евгеньевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

О том, что в России существовало крепостное право, известно всем. Но мало кто догадывается, что оно представляло на самом деле. Эта тема всегда была окружена неким грифом “секретности”, продолжающимся до сих пор. В результате в исторической памяти общества формируются неверные представления эпохе, не имеющие ничего общего с действительностью.

На момент ревизии (переписи) населения 1857–1859 года, в России проживало 23 с лишним миллионов человек, что составляло примерно треть населения империи. [4, с. 21] Участь крестьян была плачевна: они ссылались в Сибирь, продавались с разлучением семей, их проигрывали в карты и даже убивали под кнутами и розгами помещичьих наказаний. Это продолжалось не только до самой даты «освобождения» 19 февраля 1861 года, но в некоторых случаях еще в течение нескольких лет после нее. А многие юридические и бытовые пережитки крепостничества оставались в силе почти до последних дней существования империи.

Крепостное право, по сути, являлось социальным произволом. Оно было выгодно большей части дворянства. Историк и писатель Б. Керженцев напрямую называет крепостничество «преступной взяткой, которой правительство покупало дворянскую поддержку и лояльность» [1, с. 248]

Такое явление, как крепостничество существенно тормозило экономическое развитие страны. Еще Александр Первый предпринимал попытки отмены крепостного права, но они не увенчались успехом, освобождены были лишь отдельные губернии. Николай Первый также понимал необходимость ослабления гнета, но официально отменить крепостничество удалось лишь его сыну Александру. Фактически же, крестьяне еще долго оставались зависимыми. Труд подневольных рабочих мало отличался от рабства.

Сформировавшийся искаженный взгляд на крепостную эпоху преодолеть трудно. Чтобы развеять накопившиеся за прошедшее время недобросовестные утверждения и домыслы, растиражированные во множестве изданий, потребуется еще немало усилий. [3, с. 3] Поэтому особо важно восстановить мнения современников и очевидцев эпохи, не просто живших при крепостном праве, но познавших его на собственном опыте — помещиков и их крепостных людей. Их свидетельствам уделено основное внимание на страницах предлагаемой вниманию читателя книги. Они, а также объективные данные других источников открывают историю с иной стороны.

Книга «Ярем барщины старинной...» представляет собой сборник архивных материалов по истории крепостного права в Нижегородском крае, подготовленных к изданию преподавателями Арзамасского государственного педагогического института под руководством кандидата филологических наук, доцента Ю. А. Курдина и под научной редакцией доктора исторических наук, профессора Е. П. Титкова.

Рассказ о крепостной системе имеет в этом сборнике некоторые, так сказать, географические рамки: в состав книги привлечены материалы, связанные с только Нижегородским Поволжьем, что вполне понятно, учитывая местоположение института. Зато авторский коллектив постарался дать читателям максимально полное представление о крепостничестве в своем историческом регионе — в сборнике опубликованы не только архивные материалы и документы, но также исследования, мемуары, произведения художественной литературы и народного фольклора. [2, с. 485]

Книга отчасти связана с именем Александра Сергеевича Пушкина. Название сборника словно отсылает нас ко второй главе «Евгения Онегина»: «Ярем он барщины старинной оброком легким заменил...» Эпиграфом к книге

является отрывок из стихотворения Пушкина «Деревня». Поэт до глубины души возмущен положением крестьян в России Его пламенное желание — увидеть «народ неугнетённый» и взошедшую над его страной «прекрасную зарю свободы просвещённой».

Структура сборника позволяет разносторонне взглянуть на явление крепостного права, в частности в Нижегородской губернии.

Первый раздел представляет собой собрание уникальных архивных материалов, опубликованных исследователем — краеведом В. И. Снежневским. Описи, заключения судебных дел и другие документы свидетельствуют о тяжелом положении крепостных крестьян в Нижегородской губернии. Нередко помещики допускали злоупотребления в отношении казенных крестьян, с землями которых соседствовали их владения. В этой связи характерно дело 1803 года за № 167—2506 «О спорном села Выездной слободы с селы Волчихою, Майданом и деревнею Вторусскую — хлеб», начатом против помещика г. Салтыкова. Помещик самовольно захватил крестьянские угодья и засеял их своим хлебом. По делу начался суд. Как видно из дела, тяжба приняла длительный характер и, как сообщается в документах, «решения по данному делу нет». Положение крепостных крестьян было отягощено не только притеснениями со стороны помещиков, но и невозможностью в большинстве случаев защитить себя в суде. В 1803 году за № 170—2540 было заведено дело. Крестьяне обратились с прошением о пресечении злоупотреблений в суд. Однако помещику удалось повернуть дело так, что виновными в итоге оказались сами крестьяне. Об этом выразительно свидетельствует итоговое решение по указанному делу» «За утрусение вышнего начальства несправедливой просьбой» крестьяне «в страхе другим» были наказаны батожем». [5, с. 13—14]. События, описанные в первом разделе книги, наглядно иллюстрируют произвол помещиков, их злоупотребления в отношении крестьян, несправедливую позицию русского правосудия того времени.

Во втором разделе также можно найти работы Снежневского. Это его статьи по истории крестьянского быта, подкрепленные архивными материалами. Автор рассматривает такое явление, как побег крестьян от помещиков, раскрывает причины и закономерности этого действия. Жалобы крепостных на помещиков считались, по-прежнему противозаконными и преследовались правительством. Но это не могло остановить крестьян, находившихся иногда в безвыходном положении, и они доходили, несмотря на разные препятствия, с челобитными на господ до государя. Например, в «Описи делам Арзамасского уездного суда» имеются дела крестьян, бежавших от помещиков Баженовых. Во всех случаях причина побега неизменна, — крепостной гнет. Положение крестьян было удручающим, особенно тех, кто состоял на барщине. Нередко помещицы крестьяне, уходя на заработки, уже не возвращались к своим господам. Некоторым удавалось подделать паспорт. Большинство крестьян бежали в про-

мышленные селения и города. Принимая беглых, другие крестьяне не везде относились к ним дружелюбно, зачастую преследовали только свои личные и общественные интересы. Так крестьяне вятского наместничества приняли в свое общество крестьянина, бежавшего от помещика Головина, но через 5 недель сдали его в рекруты. Такая же участь постигла крестьянина Новикова, крепостного арзамасского помещика Бехметева. 17 лет он со своей семьей жил в селе Рыбном, по допущению местных жителей. Но однажды крестьяне не захотели соседствовать с семьей Новиковых, и представили их в земской суд. [5, с. 122].

Еще во втором разделе представлен материал о брачном обыске во времена крепостничества, по трудам А. Ф. Можаровского. Позволение барина было необходимым условием, для вступления в брак крестьянина. Взаимное согласие жениха и невесты, разрешение духовенства не учитывались. Помещики руководствовались исключительно своими экономическими соображениями. Здесь также наблюдается помещичий гнет, вторжение господ во все сферы жизни холопов, в том числе и личную. [5, с. 248].

В третьем разделе представлены мемуары-воспоминания современников крепостничества. Крестьянин Выездновской слободы Н. И. Шипов рассказывает историю своей непростой жизни, и призывает читателя переносить жизненные невзгоды благодушно и хладнокровно. [5, с. 253]. Семья Шиповых была из зажиточных крестьян. Глава семейства пользовался почетом и уважением. Но, несмотря на это, помещики использовали семейство лишь ради собственной выгоды. Чтобы вовремя платить постоянно повышающийся по барской прихоти оброк, Шипов вынужден уезжать из родной слободы на заработки.

М. Е. Николаев посвящает «простую незамысловатую историю своей жизни» детям. Его положение было сравнительно проще, крестьян не отягощали ни оброками, ни барщиной. Господа предложили Николаевым купить у них «лесу по очень дешевой цене, чтобы построить себе хорошие дома». Это было весьма выгодно для крестьян. [5, с. 311].

Б. А. Ребиндер представляет нашему вниманию воспоминания про имение Карамзиных. За основу материала положены мемуары родной сестры бабушки автора, Н. В. Оболенской, которая приходилась женой А. Н. Карамзину. Сын известного историографа — Александр Николаевич Карамзин принял во владение несколько сел в Ардатовском и Арзамасском уездах Нижегородчины. Его деятельность была весьма продуктивна: он построил большую школу для всех детей школьного возраста; больницы появились при каждом селе; несколько крестьянок были направлены в Нижний Новгород для обучения акушерскому делу.

Также в третьем разделе представлен фрагмент из работы В. Е. Раева «Воспоминания из моей жизни». Здесь описывается трагедия, произошедшая в арзамасской школе живописи, сюжет которой прослеживается в сле-

дующем разделе книги. Мемуары — воспоминания данного раздела — яркие свидетельства крестьянского быта 18–19 веков.

Четвертый раздел сборника носит название «Нравы и обычаи нижегородского барства». В него вошли работы П.И. Мельникова-Печерского («Старые годы») и П.В. Еремеева («Крик свободы»). Первое произведение написано в середине 19 века. Эта повесть основана на подлинных событиях и имеет действительных прототипов. Прообразом князей Заборовских послужили князья Грузинские.

Повесть Еремеева окунает в события времен арзамасской художественной школы и позволяет реконструировать живые образы из прошлого. Помещики отдавали талантливых крепостных в ступинскую школу, для обучения живописи. В повести «Крик свободы» описывается трагичная история крепостного Мясникова. Он был талантливым художником, и Общество поощрения художеств обещало выкупить его на волю. Барин обещал дать свободу, но неожиданно отказал. Мясников не смирился со своей участью и застрелился.

Увлекательным для чтения является пятый раздел книги — «Из кладовой народной памяти: рассказы-воспоминания старожилов». Название говорит само за себя: в разделе представлены реальные истории, хранившиеся в людской памяти. Перед глазами читателя загубленные судьбы безжалостно эксплуатируемых крестьян. Мальчик Петя не уследил за гусенком, за что барин Данилевский захлестал его до потери сознания и потом бросил в пруд. Сестра мальчика проклинала помещика, за что поплатилась она и родители семейства. Не менее трагична судьба крепостных барина Баташова. Хитрый помещик заставлял их изготавливать фальшивые деньги. Но императрица узнала о тайных делах фальшивомонетчика и послала своих людей с проверкой. Баташов загнал всех рабочих в подземный ход и замуровал их заживо. Строгая барыня села Панкратова часто устраивала своим крестьянам порки, не пускала их на обед. Александр Николаевич Карамзин, о котором уже упоминалось в книге, сыскал также дурную

славу в памяти народной. Помещик насильно переселял целые семьи крестьян в другие села. Сквозь годы пред нами встают живые примеры бесчинства дворян, угнетенные крестьяне, человеческая несправедливость.

В оформлении книги использованы оригинальные фотографии второй половины 19 века, на которых изображен крестьянский быт. В приложении представлены репродукции картин. Так же здесь представлена методическая справка ключевых понятий и терминов использованных в книге, краткая биография личностей, упомянутых в произведении.

Бесспорно, книга «Ярем барщины старинной...» — кладезь информации об общественной жизни 19 века. Сложно представить более информативный источник о крепостном праве в Нижегородском Поволжье. Написана она живым языком, который увлекает в повествование, поэтому современному читателю читать ее будет комфортно и интересно. Редко можно обнаружить книгу, столь занятно повествующую о тернистом пути русского народа к свободе.

Что известно о крепостничестве? Зачастую, мы привыкли ограничиваться лишь общими сведениями, не углубляясь в тему. В школьной программе крепостное право освещается не так подробно, чтобы продемонстрировать реальную картину той эпохи. Информацию о том, как жили крестьяне, упускают. Многие даже не догадываются, что реальное освобождение крестьян произошло гораздо позднее подписания манифеста 1861 года. Данный сборник поможет восстановить недостаток информации и позволит дать собственную оценку крепостничеству в России. Рассказы из сборника являются историческим свидетельством той эпохи. Произведения, вошедшие в книгу, позволяют узнать много нового о жизни простых крестьян, в частности в Нижегородском Поволжье.

Книга будет полезна всем людям, кто интересуется историей, позволит взглянуть на явление крепостного права с другой стороны. В любом случае, прочтение этого произведения даст повод для глубоких размышлений об истории России и ее судьбе.

Литература:

1. Керженцев, Б. Ю. Окаянное время: Россия в XVII–XVIII веках — М.: Вече, 2013 г. — 301 с.
2. Перевезенцев, С. В. О вреде и пользе (рецензия на сборник «Ярем барщины старинной» // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 6/ АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — с.483–486
3. Тарасов, Б. Ю. Россия крепостная: история народного рабства. — М.: Вече, 2011 г. — 315 с.
4. Федоров, В. А. Падение крепостного права в России: Документы и материалы. Вып. 1: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. М., 1966.
5. Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник/ Авт. проекта Ю. А. Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю. А. Курдин, О. Е. Андреев, А. А. Исаков; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2011. — 614с.

2. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Исторические песни Арзамасского края

Артемова Мария Викторовна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Арзамасский регион сыграл значительную роль в истории России, что не могло не найти отражения в фольклоре. История края отразилась во множестве песен, активно бытовавших среди населения. Фольклорный фонд района формировался под влиянием исторических, социально-экономических и национально-культурных предпосылок и связей.

Историческая песня — жанр фольклора, который не только повествует о весомых фактах прошлого, но и содержит их народную характеристику, что позволяет узнать не столько историю, сколько дух народа и его отношение к учительнице жизни. Сюжеты основаны на конкретном материале, однако нередко встречаются вымышленные и переосмысленные детали. Такие песни не стоит соотносить с действительностью буквально, так как «конкретно-исторический характер имеет проблематика этих песен, а герои их выступают как действующие лица истории независимо от того, были они таковыми или нет» [5]. Термин «историческая песня» принадлежит А. С. Пушкину и впервые встречается в наброске его статьи о песне, где поэт объединяет под ним эпические песни, «начиная с Ивана IV до Суворова». В науку же его ввёл В. П. Киреевский [6].

Историческая народная песня — это один из самых удивительных фольклорных жанров Арзамасского края. Исторические песни никогда не были простыми песнями, это хранители памяти о прошлом народа, звучащие учебники истории, рассказывающие о прошлом и раскрыва-

ющие его самые неожиданные детали, позволяющие увидеть деяния предков народными глазами, сохранившие для живущего поколения отражение прошедших восьми веков. Знать свои песни всегда значило принадлежать своему народу.

К сожалению, историческая песня и сама уже почти превратилась в историю: ежегодные фольклорные экспедиции приносят мало новых записей, да и «новинки» порой весьма невыразительны, особенно если сравнить их с уже знакомыми по старым публикациям, сборникам и хрестоматиям. Люди уходят и уносят с собой песни...

Но этому жанру непременно найдётся место и в современной жизни: учитель литературы или истории обратится к песне на уроке, она придёт на помощь студенту и краеведу. Зрители, услышав «сыгранное» или спетое лучшими исполнителями произведение на сцене, переживают тот самый катарсис, о котором говорил Аристотель в своём труде «Поэтика» [1, с. 154].

Исторические песни Арзамасского края подразделяются на: *древнейшие* (XIII–XVI века, противостояние татаро-монголам, завершившееся в эпоху Ивана Грозного); *XVII века* (ополчение Минина и Пожарского, церковный раскол, крестьянская война Степана Разина); *XVIII века* (эпоха Петра I, крестьянская война Емельяна Пугачёва, русско-турецкие войны); *XIX века* (Отечественная война 1812 года, войны на Кавказе и в Крыму); *начала XX века* (русско-японская и Первая мировая войны).

Сюжетом «Татарский полон» (сюжет № 1, 1.1.1; 1.2.2) [2, с. 26–28], записанным от русскоязычного населения, представлены самые древние песни района. Но при сравнении материала обнаруживается, что подобная песня была записана на эрзянском и мокшанском языках. Вероятны предположения либо о заимствовании песни народами друг у друга при межэтническом контакте, либо о том, что произведения создавались одновременно. В пользу второго выступает то, что при заимствовании сюжет сохранился бы более подробно, а в текстах имеются значительные различия (у мордвы — девушка узнаёт в пленнике брата; у русских — мать встречается с дочерью). Также примером параллельного развития русской и мордовской исторической песни является мордовская песня «Как начинался город Казань», укоренившаяся в русском фольклоре как «Основание Казани», и другие песни о Казанском походе Ивана Грозного. На песни XVI века повлияло поворотное событие в истории региона: завоевание Казани Иваном Грозным. К ним относятся «Гнев Ивана Грозного на сына» (сюжет № 4, 4.11.16; 4.2.17) [2, с. 38–41], «Женитьба Ивана Грозного. Бой Кострюка с русскими молодцами» (сюжет № 5, 5.1.18; 5.2.19) [2, с. 42–48] — своего рода классика жанра русского фольклора. Наследие этого времени составляет шесть сюжетов.

Арзамасский фольклор XVII века представлен песнями зарождающегося разинского цикла, в которых усилена лирическая окраска. Произведения о Степане Разине также подразделяются на три группы: *поход в Персию; взятие Астрахани и борьба на Волге; пленение и казнь*. Самая известная песня цикла — «Вниз по матушке по Волге» (сюжет № 10, 10.1.28) [2, с. 59], тесно связана с народной драмой «Лодка», и более всего распространённая в Починковском районе «О сынке Степана Разина» (сюжет № 12, 12.1.30; 12.2.31; 12.3.32; 12.4.33; 12.5.34; 12.6.35) [2, с. 63–67] — пойманном царской властью лазутчике. Этот цикл отличается от предшествующих гиперболизированным образом могущественного атамана, многократным использованием приёма психологического параллелизма между природой и человеком, и, как было сказано выше, более развитым лирическим началом. Песни о Разине внесли в фольклор новые образы: *обобщённый* сынка Разина и *собирательный* — восставших.

На развитие исторических песен XVIII века повлияли большие перемены, связанные с именем Петра I, в частности образование регулярной армии: события войны нашли отражение в песнях солдат, ведь это содержание их жизни и потому содержание их искусства. Народное творчество испытало европейское влияние: были созданы петровские канты. Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г. нашло отражение в сюжете «Полтавский бой» (сюжет № 14, 14.1.38) [2, с. 72]. Песня прославляет доблесть царя и русских солдат. Но по своей форме она немного отходит от традиций исторической песни: здесь есть рифма, что свидетельствует о том, что это виватный

кант — произведение популярного в XVIII жанра — торжественный гимн, который исполнялся ансамблем певцов, в частности во время придворных приёмов. К пугачёвскому циклу этого периода относится группа песен «Чика-Зарубин в темнице» (сюжет № 20, 20.1.46; 20.2.47; 20.3.48) [2, с. 80–83], которая существует и сейчас, но утратила героическую специфику. В основе этих сюжетов лежит история о том, как сподвижник Емельяна Пугачёва яицкий казак Чика (Иван Никифорович Зарубин) выдавал себя за генерала-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышова, который попал в плен, но до освобождения сохранял мужество. Интересным элементом этой песни является отголосок язычества — обращение к силам природы с просьбой о помощи в бегстве из тюрьмы, которое помогает герою, в ряде песен спасает его из плена. Это обращение символизирует слияние героя с природой, его неподвластность несправедливому государству.

Война против Наполеона ознаменовала собой начало XIX века, что нашло сильное отражение в исторических песнях: во многих песнях к России обращаются не как к стране, а прежде всего, как к живущему, чувствующему существу — «Как заплакала Россиюшка от француза» (сюжет № 24, 24.2.69; 24.4.71; 24.5.72; 24.6.73) [2, с. 115–119], «Ты Расея, ты, Расея, мать расейская земля» (сюжет № 25, 25.3.76) [2, с. 122–123]. Цикл о войне 1812 года считается одним из самых полных: он представлен шестью сюжетами. Самым распространённым является «Москва разорена французами» (сюжет № 23) [2, с. 108–114], которая рассказывает о действиях Наполеона в Москве: он разбивал город, ходил по лугу с ружьём и «с пушкой верстовой», «призывал силу свою». Наполеон изображён здесь достаточно нейтрально: он не вор и не злодей, а просто «неприятель», его называют «славным», «парнем молодым», подчёркивая его значительную силу. В ряде текстов имя Наполеона вообще не упоминается, остаётся только «неприятель наш — парень молодой». Также к этому периоду относится сатирическая песня «На острове шут родился...» (сюжет № 26, 26.1.79) [2, с. 125]. Песни о войне с Наполеоном — это новый виток в развитии жанра, так как отражают возникновение национального самосознания в процессе масштабной войны, они проникнуты патриотизмом и болью за своё Отечество.

Песни XIX в. отразили многие события, государственных деятелей: недовольство солдат Аракчеевым, смерть Александра I, войну с Турцией — «Двором девушка прошла...» (сюжет № 29, 29.2.84) [2, с. 130–132], «Собирался царь Ляксандра свою армию смотреть...» (сюжет № 30, 30.2.87) [2, с. 134–135] «Дунай речка невелика» (сюжет № 36, 36.1.101) [2, с. 146]. В середине XIX в. песни солдат изменяются: вместо общенародных событий они отражают важное лишь для какой-то группы войск. Таким произведением является «Вы вспомните, ребята» (сюжет № 35, 35.1.100) [2, с. 145]: сол-

датам во время преследования турок пришлось от голода есть мясо лошадей, присыпая его порохом вместо соли. Подобные песни отличаются подробными бытовыми деталями, что отсутствует в предыдущих циклах. Стоит отметить изменение характера песен: от изображения крупных событий реальности она идёт к частным моментам. Происходит трансформация жанра — создаются полуофициальные (полковые) песни.

Произведения начала XX в. отражают процесс жанрового саморазрушения. 1910-е годы — это время угасания жанра. Значительные события в истории России отразились в песнях-маршах, песнях-письмах, частушках и т.д. Это время выдвижения на передний план личностного начала в фольклоре, личностного восприятия мира и истории. Основной тематикой сюжетов XX в. является начало Первой Мировой войны («Пишет, пишет царь германский» (сюжет № 38, 38.1.103; 38.3.105) [2, с. 150], нападение Германии на Россию («На возморье мы стояли...» (сюжет № 39, 39.1.106; 39.4.109; 39.5.110) [2, с. 152–153] и военные действия в Польше («Ночки темны, тучки грозны» (сюжет № 40, 40.1.111), «Знаю, ворон, твою добычу...» (сюжет № 41, 41.1.112) [2, с. 154–155].

Остановимся подробнее на песнях периода Первой Мировой войны, большая часть которых была записана во второй половине XX века. Несмотря на то, что они не были популярны в устной прозе края, в лирике оставили глубокий след. [4, с. 126]. В первый период войны старые солдатские песни изменялись, приспосабливались к новым условиям; перепевались на новый лад песни русско-японской войны. В песнях прослеживается усиленная детализация и этнографическая точность, что не характерно для предыдущих периодов. Появляется всё больше произведений, отражающих непростой путь солдата-новобранца:

*Прощай, ты, город,
Мать родная сторона,
Прощайте, мать, отец, родные,
Прощайте сына своего.
Считайте за мною остальные
Часы гулянья моего.*

Литература:

1. Аристотель. Риторика. (Перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова.) Поэтика. (Перевод В.Г. Аппельрота под ред. Ф.А. Петровского.) Сопровождающая статья В.Н. Марова. — М., Лабиринт, 2000. — 224 с.
2. Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост. Ю.А. Курдин, Т.В. Михайлова, Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов, А.В. Харлов, М.П. Шустов; науч. ред. Ю.А. Курдин; АГПИ им. А.П. Гайдара, — Арзамас: АГПИ, 2006. — 247с., ил.
3. Курдин, Ю.А. Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 11 (41) 2014, часть 1, с. 125–127.
4. Курдин, Ю.А. Первая Мировая война в фольклоре Нижегородского края // Историческое образование. Москва, 2014. № 3/2014. с. 125–131.
5. Путилов, Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. — М. — Л.: Изд. АН СССР, 1960. — с. 8.
6. Песни, собранные писателями. Литературное наследство. Т. 79. — М.: Наука, 1968. — с. 176.

*Теперь заходит за мною служба,
Я еду в незнакомый край.
Бог даст, когда я возвращусь
Опять на Родину свою,
Счастлив тот, за кем службы нету,
Кто живёт в отцовском доме,
Солдатской службы он не знает,
Не знает, и не верит горю моему.
Солдат с походу придёт, изустанет, —
Он рад сухому сухарю. [4, с. 127–128]*

В песнях раскрылся характер позиционной, окопной войны, в которой солдата в любое мгновение могла забрать смерть. С течением войны изменилось и настроение песен: если в самом начале война затронула патристические чувства народа, люди были уверены в победе над германскими захватчиками:

*На возморье мы стояли, на германском берегу,
Да на возморье мы смотрели, как волнуется волна.
Не туман с моря поднялся, сильный дождичек
пролил —*

*Посулился враг-германец русско войско победить.
Как у русских войска много, русский любит
угостить.*

*Угощу свинцовой пулей, на закуску стальной
штык.*

*Штык стальной четыре грани, он пронзил германцу
грудь. [4, с. 128]*

то ближе к концу появились песни о том, что русский и германский правители вместе и желают погубить как можно больше людей. Появились версии о том, что военные действия начались для того, чтобы отвлечь внимание народа от революции. Первая Мировая война оставила глубокую рану в памяти народа и эта рана так и не затянулась. Она навсегда изменила уклад жизни русских людей.

Таким образом, можно сделать вывод, что исторические песни Арзамасского края весьма разнообразны по тематике, события отечественной и мировой истории отображены в них так, как понял их народ. Исторические песни имеют большое патристическое и культурно-историческое значение

Издательский проект «Народная поэзия Арзамасского края»: идея и воплощение

Васяева Кристина Олеговна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Фольклор является неотъемлемой частью традиционной культуры каждого народа, это огромный пласт духовной культуры, который складывался усилиями многих поколений на протяжении столетий. Знакомство с традиционной культурой народов способствует обогащению ценностной ориентации, воспитывает уважение к прошлому народа. Данный вопрос актуален во все времена, в том числе и в настоящее время. К 80-м годам двадцатого столетия были подготовлены и изданы фольклорные своды многих народов и народностей Советского Союза за исключением русского.

5–6 декабря 1978 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялось созданное по инициативе Сектора народно-поэтического творчества все-союзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины») [8, с. 217]. В центре внимания оказались вопросы, связанные с композицией и характером Свода русского фольклора. Издание должно было зафиксировать закономерности развития народной поэзии и отразить коллективный характер сбора материала.

Обосновывая важность и необходимость выпуска Свода русского фольклора, академик Д. С. Лихачев отмечал: «Русский фольклор по богатству, обилию материала, географическому разнообразию, сложности жанрового состава несравним ни с одним фольклором Европы и советского Востока. <...> Свод фольклора в известном отношении должен отразить достижения русской и советской фольклористики, быть итогом изучения русского фольклора. <...> Свод русского фольклора должен быть в известной мере и сводом достижений передовой русской и советской фольклористики. Принципы передовой русской и советской фольклористики не должны быть ни забыты, ни скороспело отменены». [6, с. 115–116].

С этого времени прошло более 40 лет, однако работа по подготовке к выходу в свет многотомного собрания русского фольклора так и не была организована в полном объеме. В определенной мере устранить эту несправедливость на региональном уровне пытаются провинциальные центры фольклора.

Активная работа проводится в бывшем АГПИ им. А. П. Гайдара (в настоящее время Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского). Сбор и систематизация фольклорных текстов Арзамасского края, многие из которых носят уникальный характер, их научное редактирование позволяют исследователям с опорой на нижегородские материалы скрупулезно изучать традиции регионального фольклора. Основой этой работы служат материалы и записи студентов, фольклорных экспедиций, которые регулярно проводятся с 1977 года, а также материалы из архива Русского географического общества.

Каждый год студенты-филологи проходят фольклорную практику. Раньше группы студентов выезжала в фольклорные экспедиции, а сейчас студенты собирают материал самостоятельно по месту жительства.

Проект по составлению единого Свода устного народного творчества в Арзамасе осуществляется научным коллективом ученых-филологов и историков

АГПИ им. А. П. Гайдара (в настоящее время Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского) при участии сотрудников Нижегородского государственного университета Н. И. Лобачевского. Целью данного проекта является сбор фольклорных текстов Арзамасского края и их научное издание.

По замыслу руководителей издание должно включать в себя 24 книги. Этот выпуск направлен на то, чтобы открыть читателям и общественности богатство и неисчерпаемость традиционного фольклора. Выпуск содержит в себе объемный материал: от загадок и поговорок до духовных стихов и рассказов-воспоминаний на религиозную тему, включая при этом детский фольклор, игры, легенды, частушки и другие жанры, бытующие до сих пор. Именно с этими жанрами и ассоциируется понятие народного творчества.

«Центром притяжения всех других жанров русского фольклора в этих томах являются наиболее устойчивые и едва ли не в первозданном состоянии дошедшие до нас ранние виды поэзии, которые сопровождаются соответствующими обрядовыми действиями и в которых слово надделено и продолжает отчасти сохранять свое магическое значение. Сюда следует отнести заговоры и заклинания, приметы и гадания (8-й том), календарную (4-й том) и семейно-бытовую (5-й том) обрядовую поэзию, пословицы и поговорки (6-й том), детский фольклор (7-й том)». [1, с. 131].

Благодаря вступительным и заключительным статьям, все жанры объединены в единое целое, что помогает структурировать материал и определить композицию. Историко-филологические и этнографические статьи посвящены подробному описанию становления и развития традиций фольклора.

Первая книга серии «Народная поэзия Арзамасского края» — «Сказки» — была издана в 2002 г. Неслучайно сборник «Сказки» — «первооткрыватель», ведь именно сказка рядом с каждым из нас с самого детства, одно из самых ярких воспоминаний. Сказка — жанр, который будет интересен читателю во все времена и всем поколениям. Поэтому книга адресована широкому кругу читателей, будет интересна и полезна в любом возрасте, так как в книге целостно представлено современное состояние сказочной традиции южных районов Нижегородской области.

На данный момент издано II тома «Сказок». В первый том вошло 250 сказок, причем у одной сказки может быть

несколько вариантов. Особое внимание автор уделяет внутривидовой систематизации сказок: все произведения подразделяются на сказки о животных, волшебные, легендарные и новеллистические, анекдотические и докучные. Широко и подробно предоставлен справочный материал, расположенный в конце книги: сюда входят комментарии, данные о мастерах-сказочниках (в том числе фото сказочников), указатель исполнителей сказок и мест записи. Кроме этого в книге содержатся историко-этнографические и филологические статьи.

По сравнению со вторым томом, первый том выглядит скромнее, хотя и превышает количеством единиц на 85 сказок. «Это объясняется, как пишет в заключительной статье «Алатырь — камень русской жизни» вдумчивый составитель и пытливый исследователь этих сказок Ю. А. Курдин, постепенной утратой современными носителями и исполнителями эпического мировосприятия, ослаблением традиции мастерства словесного живописания, а также тем, что в устном бытовании язык и стиль позднейших сказителей становится более сжатым, лаконичным, а то и сухим, черствым. Поэтому происходит неизбежное при таких переломах сужение и уменьшение объема рассказываемых ими сюжетов» [1, с. 133–134].

Особенность второй книги состоит в том, что она включает в себя труды

А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, В. Н. Морохина, Н. Д. Комовской и др. «В книгу вошли сказки, записанные в южных районах Нижегородской обл. в течении XIX–XX веков. Таким образом, она представляет, можно сказать, полуторавековую историю бытования и развития сказочной традиции, а так же собирания и изучения данного вида народной поэзии не только в крае, но и, в какой-то мере, во всей России» [1, с. 132].

Следует отметить, что большое влияние на собирателей оказали сказки А. С. Пушкина, с которыми авторы пытались найти сходство. В этом ракурсе стоит рассматривать сборники В. И. Чернышева, который смог сохранить, можно сказать, в первозданном состоянии мировоззрение и восприятие народа, колорит устной поэзии, особенности местного говора.

Одним из важнейших исторических источников выступают предания. В 2005 и 2006 годах появились еще два тома серии. Первый том «Предания» состоит из двух книг, авторами которых являются Ю. А. Курдин и Л. А. Климова: «Предания земли арзамасской» и «У народной памяти много слов». Основаны эти книги на материалах фольклорных и диалектологических практик, экспедиций.

Открывают сборник вступительные статьи, материал строго систематизирован, а также в сборнике содержится научный аппарат, словарь и указатели.

Особенность состоит в том, что проза изучается в фольклористическом и диалектологическом аспектах. Особо следует отметить вторую половину тома, которая насыщена топонимами, микропонимами, мотивационными текстами, в которых четко отображены особенности говора. Исследователям удалось передать колорит

народной речи во всех оттенках: фонетических, грамматических и синтаксических.

Кроме этого в сборнике можно обнаружить и тексты сборников Н. Д. Комовской и В. Н. Морохина.

В основном все произведения сборника посвящены недавнему прошлому арзамасской земли: о первопоселенцах и их быте, об освоении края, о выдающихся исторических личностях и др. Нередко в текстах сочетаются быль и небылица, реальное и ирреальное, дело человеческих рук и божественный (небесный) промысел, что соответствует представлениям народа о жизни и существовании.

Предания арзамасской старины представляет собой художественную ценность, так как именно повествования хранят память о не столь далеком прошлом края.

Исходным материалом для жанра преданий стали рассказы, получившие в международной фольклористике название меморатов. Меморат, или устный рассказ-воспоминание, отражает историю региона, которая сохранилась в памяти участников и очевидцев, причем меморат выражает субъективное отношение рассказчика, оценку определенных событий. Мемораты помещены в отдельный сборник «Были и байки».

В сборнике насчитывается 242 мемората, которые классифицируются по принципу хронологии или по персоналиям, а по типу повествования распадаются на были и байки. Всего в сборнике восемь разделов.

«Первую группу составили устные рассказы, которые можно определить и как предания о крепостном праве. <...> Во втором разделе собраны рассказы, близкие к преданиям семейного типа, что, впрочем, не препятствует сближению их с историческими и топонимическими преданиями. <...> Разделы третий и четвертый рассказывают о самых драматичных событиях русской истории XX века: коллективизации и Великой Отечественной войне. <...> В пятом разделе преобладают повествования, тяготеющие к форме байки и выполняющие функции своеобразных народных анекдотов». [2, с. 5, 7, 8]. Особенность классификации разделов так же состоит в том, что в первых пяти разделах представлены воспоминания из различных населенных пунктов, а в остальных разделах представлена традиция трех селений: Кирилловки Арзамасского района, Архангельского Шатковского района, Суворова Дивеевского района. Выбор этих сел обусловлен связью с фольклористом XIX века — Андреем Васильевичем Карповым.

Тем не менее, каждый населенный пункт Нижегородчины, представленный в сборнике, самобытен, имеет свою историю и содержит оценку событий, коснувшихся как отдельного селения, так и всей страны.

Как известно, человек на протяжении всей жизни особое место уделял песенному творчеству. Песня сопровождала человека в любом деле, была с ним и в горе, и в радости.

К середине XIX века, когда традиционная культура Арзамасского края становится объектом внимания фольклористов и народоведов, регион явил себя подлинной песенной сокровищницей России. И в этой сокровищнице крупным самородком стал сборник «Народные песни,

записанные в Арзамасском уезде в Нижегородской области» А. В. Карповым в 1870-е годы [4].

А. В. Карпов — фольклорист-собираатель, внесший огромный вклад в исследование народной поэзии. Песни А. В. Карпова многообразны. Сборник включает в себя и исторические, и обрядовые, и хоровые, и лирические, и даже шуточные песни. Сборник имеет большую значимость для исследователей, так как собираатель в записанных материалах смог сохранить и отразить экономические и социальные проблемы, которые охватили Россию, в том числе и маленькие уголки родины. «Записи Карпова помогают понять исторические судьбы фольклора, его развитие, движение границ жанров, ведь это моментальная фотография песенной жизни большого, здорового, хранящего традиции русского села в переломный момент его истории, когда многие установки носителей культуры резко менялись» [7, с. 585].

«Деятельность Карпова проходила под непосредственным руководством выдающегося ученого-статиста Гациского, требующего с научной точностью фиксировать новые явления в жизни нижегородцев после реформы 1861 года, способствовавшей бурному развитию кустарной промышленности в губернии. Живые зарисовки крестьянского быта в очерках Карпова без приукрашения воспроизводят деревенскую пореформенную действительность с разными типами хозяйства» [5].

Всего в сборнике насчитывается 500 песен, которые были записаны в селах Арзамасского уезда. «В комментариях собираателя указывается место записи текста песни, нередко называется имя и социальная принадлежность информанта, к ряду песен местного происхождения дается история их сочинения. Карпов характеризует особенности исполнения хороводных, игрищных и святочных песен; он обращает внимание на географическую приуроченность песен и на частотность их исполнения. Собираателем, по возможности, сохранены при записи фонетические и лексические особенности говора, значение многих диалектных слов уточнено» [5].

Тексты, помещенные в одном из сборников «Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом в 1875 года» представляют собой огромные богатства народной лирики нашего края, но только в 2010 году, благодаря работе Ю. А. Кур-

дина, который и является автором проекта, сборник был опубликован в полном объеме и явил собой наследие Арзамасского уезда.

Не менее важным является сборник одного из увлекательных жанров Арзамасского края «Исторические песни». Сборник представляет собой особую ценность, так как повествует не только о значительных событиях прошлого, но и содержит народную оценку событий, что позволяет узнать дух народа, отношение к происходящему.

Обычно сюжет основан на конкретном материале, но с течением времени некоторые детали утрачиваются, либо трансформируются, поэтому некоторые элементы могут быть вымышленными, переосмысленными.

В сборнике песни строго структурированы по хронологическому признаку. «В целом же исторические песни Арзамасского края с учетом региональных реалий есть смысл подразделять на древнейшие (XIII—XVI века, противостояние татаро-монголам, завершившееся в эпоху Ивана Грозного), XVII века (ополчение Минина и Пожарского, церковный раскол, крестьянская война Степана Разина), XVIII века (эпоха Петра I, крестьянская война Емельяна Пугачева, русско-турецкие войны), XIX века (Отечественная война 1812 года, войны на Кавказе и в Крыму), начала XX (русско-японская и Первая мировая войны). Наиболее архаичные песни края представлены всего одним сюжетом «Татарский полон», записанная от русского населения» [3, с. 15].

Спустя четырнадцать лет после выпуска первой книги из серии «Народная поэзия Арзамасского края» Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского продолжает выступать мощнейшим подспорьем в собирании и систематизации фольклорного материала. Следует отметить, что составление фольклорного свода с подобным охватом текстов на региональном уровне еще не производилось.

Благодаря объемной и трудоемкой работе коллектива по составлению выпуска удалось систематизировать многообразие фольклорных жанров и показать богатство и величину истории традиционной культуры Арзамасского края.

Собрания народной поэзии края дают нам возможность гордиться не только «славою своих предков» (А. С. Пушкин), но и их величайшей художественной культурой, выразившейся в песнях, сказках и словотворчестве [5].

Литература:

1. Ахметшин, Б. Г. «Рецензия на: Народная поэзия Арзамасского края. Сказки: В 2 кн. / Сост. и авт. проекта Ю. А. Курдин. — Кн. 1. — Арзамас: АГПИ, 2002. — 503 с.; Кн. 2. — Арзамас: АГПИ, 2003. — 703 с». // Традиционная культура 4 (24) / 2006. — с. 131—135.
2. Были и байки. Народная поэзия Арзамасского края / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. С. Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас: АФ ННГУ, 2014. — 462 с.
3. Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края / Авт. Проекта Ю. А. Курдин; сост. Ю. А. Курдин, Т. В. Михайлова, Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов, А. В. Харлов, М. П. Шустов; науч. ред. Ю. А. Курдин; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2006. — 247 с.
4. Курдин, Ю. А. «Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11—1 (41). — с. 125—128.

5. Курдин, Ю. А. «Фольклорная сокровищница России» // *Личность. Культура. Общество*. 2007 № 2. — с. 410.
6. Лихачев, Д. С. «Несколько замечаний о составлении свода русского фольклора» // *Русский фольклор*, Т XXI Поэтика русского фольклора, Ленинград «Наука» Ленинградское отделение, 1981 — с. 115–116.
7. Морохин, Н. В. «Арзамасское многоголосье» // *Арзамасская сторона: альманах*. Выпуск 5/ АГПИ, Арз. отд. Нижегород. обл. орган. Союза писателей России. — Арзамас: АГПИ, 2012. — с. 583–585.
8. Хомчук, Н. И. «Всесоюзное совещание по вопросам издания свода русского фольклора (серия «Былины»)» // *Русский фольклор*, Т. XIX, Ленинград «Наука» Ленинградское отделение, 1979 — с. 217–227.

Мемораты как источник по истории Арзамасского края

Домахин Александр Алексеевич, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Современный мир стал поистине временем расцвета отечественной историографии и источниковедения. Оцифровываются и публикуются архивы, которые до сегодняшних дней были недоступными для многих историков. Это приводит к тому, что в научный оборот вводятся новые источники. Но, пожалуй, наиболее интересным является изучение рассказов очевидцев событий или записей бесед с их участниками. Фольклор, несомненно, самая древняя форма передачи информации между людьми и поколениями. Именно устные источники стали первыми историческими источниками, на основе которых были созданы исследовательские работы. Сравнительно недавно даже появился термин «устная история», в XX веке определение термину дал Сигурд Шмидт. Советский историк определил его, как «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами». Именно с этого устная история превратилась в новое направление научной деятельности в рамках современных исторических знаний. Но с изучением устной истории возникает и ряд проблем, прежде всего это затруднения в оценке достоверности устных источников.

Также часто поднимается вопрос о самостоятельности устной истории как научной дисциплины: кто-то воспринимает «устную историю» как устную информацию в разных формах — от слухов и воспоминаний до былин, кто-то признает ее новым методом исторических исследований, другие видят в ней новационное направление исторических исследований или новую историческую дисциплину. Одним из фундаментальных понятий устной истории является термин «меморат». Меморат — это устный рассказ — воспоминания человека о личной судьбе, или воспоминание о людях, с которыми его связала жизнь, воспоминания о конкретных фактах, событиях, очевидцем которых он являлся. Исследователь, записывающий рассказ на пленку или бумагу, также является его создателем, ведь он выстраивает план, задает вопросы. Очень важно создать такой документ, которым впоследствии было бы удобно пользоваться.

История страны складывается из историй её больших и малых населённых пунктов, районов, областей. Одним из таких районов как раз является Арзамасский. На арзамасской земле собрано огромное количество источников так называемой «устной истории», во многом благодаря студентам и преподавателям историко-филологического факультета АФ ННГУ (бывш. АГПИ им. А. П. Гайдара), которые собирают и обрабатывают фольклор края на протяжении многих лет. Университет периодически публикует свои наработки, которые могут служить хорошим источником для изучения истории Арзамасского района местными краеведами.

Одним из таких изданий является книга Ю. А. Курдина и А. В. Пряникова «Народная поэзия Арзамасского края», в которой собрано огромное количество меморатов. В книге представлены рассказы-воспоминания старожилов, записанные в ходе фольклорных практик и экспедиций в южных районах Нижегородской области. Расположенные в хронологическом порядке мемораты отражают устную историю региона, сохранившуюся в народной памяти [1].

Мемораты в данной книге разбиты на 8 разделов (по хронологическому принципу):

1. Ярём барщины старинной...
2. Что старина, то и деянье
3. Трудные двадцатые
4. Военное лихолетье
5. По жизни с мудростью и шуткой
6. Были и байки села Кирилловки (собрал и пересказал В. А. Панков)
7. «Кобылинские рассказы» Н. И. Гирина
8. Случаи из жизни села Пуза (по рассказам С. С. Аникина)

Необходимо отметить, что в комментариях к текстам приводятся краткие сведения об исполнителях, место и время записи, а также фамилии и инициалы собирателей. Также в публикуемых текстах редакция коснулась лишь фонетической стороны диалектных записей, лексика историческая и диалектная сохранена, что является большим плюсом для краеведа-исследователя.

Наибольший массив информации собран по истории советского периода, в частности революции 1917, НЭПу, Великой Отечественной войне и т.д. Рассмотрим несколько меморатов, характеризующих жизнь простого населения Арзамасского края в XX веке.

Меморат 84 (Долой мещанство): «Я, помню, училась в техникуме. Тогда появился клич «Долой мещанство!» А девушки все ходили в серьгах да в бусах. Я любила наряжаться. А комсомольцы снимали всё «мещанское». Так мне Василий Васильевич Темпалов, учитель наш, и говорит: «Катенька, снимай бусы да серьги, ведь они у тебя дорогие, смотри, снимут». Дутые серьги у меня были и бусы дорогие, они мне от мамы достались, как память. Так вот сняла, а то б в комсомол не приняли. Я была ещё молода. Отец был председателем комбеда. Так меня в комсомол приняли, и раньше даже» [1, с. 90].

В комментариях к данному меморату записано, что он записан от Хроминой Екатерины Степановны 1920 года рождения, проживающей в селе Пильна. Даже из такого маленького рассказа-воспоминания можно извлечь довольно-таки большой объём информации. Исследователь, который занимается историей с. Пильна может выделить из данного рассказа несколько тезисов:

1. Не только больших городах, но даже в маленьких деревнях и сёлах появился лозунг: «Долой мещанство!»
2. Учителем в школе работал Василий Васильевич Темпалов
3. В Пильне находился комитет бедноты, который возглавлял отец автора мемората, следовательно Степан Хромин
4. Вёлся приём детей в комсомол.

Сопоставляя эти данные с другими источниками по истории села, краевед может наиболее полно восстановить историческую картину населения Пильны в 20–30 годы XX века.

Меморат 92 (Арзинка в годы войны): «Во время Великой отечественной войны в Арзинке было очень мало лошадей, так как их практически всех угнали на фронт. А дрова для топки завода не на чем было возить, поэтому один из руководителей села, Бабкин, предложил закупить быков и на них возить дрова. Быков купили 300 голов. После покупки быков дрова для топки завода возили постоянно, тем самым не давая заводу встать. Дрова, как правило, привозили метровые. Это были специальные дрова. Рубили, в основном, дуб. Вырубали более двух кубометров леса.

Быки в годы Великой Отечественной войны стали неотъемлемой частью жизни посёлка Арзинка. Быков использовали не только для обеспечения спиртзавода дровами, но и для распашки земли.

Быков в Арзинке начали использовать в начале Великой Отечественной войны, то есть примерно в конце 1941 года. А использовали в хозяйственных нуждах в Арзинке до пятидесятых годов» [1, с. 100].

Даже простой читатель, не говоря уже об исследователе-историке, может выделить из данного мемората огромный массив информации:

1. Из посёлка Арзинка в начале Великой Отечественной войны практически все лошади были отосланы на фронт.

2. Во время войны в посёлке работал спиртзавод.

3. Из-за нехватки лошадей было решено закупить быков, которые должны были возить дрова для завода.

4. Было закуплено 300 быков.

5. Одним из руководителей села в то время был Бабкин.

6. Быков использовали для вспашки земли и доставки дров с 1941 по 50-е гг.

Но только историк, основываясь на основные принципы исторического исследования (принцип историзма, объективности, социального подхода, всесторонности), а также сопоставляя с другими источниками по данной теме, может наиболее точно воссоздать события того времени, проследить точные причинно-следственные связи, расписать всё до мельчайших деталей.

Рассмотрим ещё один рассказ-воспоминание, посвящённый новой экономической политике СССР. Меморат 171 — НЭП:

1. «После гражданской войны скорняжные работы разладились. Крестьяне жили только землёй и, разумеется, так бедно, что больше некуда.

2. Стали искать, чем бы заняться, чтобы не умереть с голода.

3. Сергей Иванович Рачков сам приобретает товар: кошку, зайчатину и другие шкурки, выделывает со своими домочадцами и продаёт в Москву и другие города, и тем самым встал на ноги, завёл круг знакомств с состоятельными хозяевами, и у него дело пошло.

4. Афанасий Иванович Суханов имел дело с арзамасскими воротилами Павлом Ароновичем Энштейном, ма-стерская которого была в доме по улице Ленина, где теперь дом колхозника, и на Кооперативной. Филатовы торговали аккуратенько.

5. Куликовы бурную торговлю развели и имели достаточный капитал, они же первыми в 1925 году, когда стали прижимать богачей, уехали в неизвестном направлении. Их примеру последовали некоторые Филатовы, Сухановы и другие, у которых появился капитал.

6. В селе в это время появляются сапожная и скорняжная мастерские, а также артели. Жизнь хоть и с трудом, но потихоньку налаживалась» [1, с. 255].

Из данного мемората также можно выделить несколько умозаключений, которые помогут краеведу проследить распространение новой экономической политики на селе, определить зажиточных крестьян и род их деятельности, воссоздать жизни на селе в 25–30 гг.

Рассматривая только несколько примеров, сразу становится понятным, что устные источники, а именно мемораты, собранные в книге «Были и байки. Народная поэзия Арзамасского края» являются ценнейшим источников по изучению населённых пунктов Арзамасского района. Около 250 меморатов, опубликованных в книге, служат источниками «устной истории» [3]. Субъективные интерпретации прошлого в рассказах-воспоминаниях старожил и очевидцев отражают объективную историческую реальность, которая маркируется в их речи разнообраз-

ными лингвистическими формами. Именно поэтому от исследователя-историка требуются адекватные приемы анализа устных источников, в частности лингвистические методы анализа текста для получения историко-культурной информации. Также следует отметить, что краевед изучающий историю Арзамасского района должен учи-

тывать фрагментарность и неполноту устных источников (в частности мемуаров), что не позволяет воссоздать полную картину прошлого, поэтому для полноты кроме устных источников необходимо использовать и другие виды: изобразительные, вещественные, конвенционные, звуковые и т.д.

Литература:

1. Были и байки. Народная поэзия Арзамасского края/ Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. С. Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ — Арзамас: АФ ННГУ, 2014. — 462 с.
2. Курдин, Ю. А., Пряников А. В. Рассказы-воспоминания в устной эпической традиции Арзамасского края // Культура и образование. — Октябрь 2014. — № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/10/2388>
3. Курдин, Ю. А. Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (41). с. 125–128.
4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaltlib.ru/articles/Library/spetsialistu/zonalnaja_konferentsija_biblioteki_k_65-letiju_po/kopaneva_g_v/

Устная несказочная проза Арзамасского края

Карева Наталья Сергеевна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Фольклорная культура Арзамасского края представляет собой богатейший материал и отображает культурные традиции наших предков.

Как известно, одна из важнейших задач фольклористики состоит в том, чтобы сопоставить фольклор с исторической действительностью для того, чтобы найти такие причины, из-за которых в жизнь вошёл фольклор и отдельные сюжеты.

Сопоставляя фольклорные традиции Арзамасского края с исторической действительностью, становится ясно, что главным образом произведения фольклора направлены на то, чтобы отразить народный быт наших предков и особенности традиционной культуры.

Становление фольклорной культуры Арзамасского края непосредственным образом связано с образованием русского централизованного государства в 16 веке, когда на исконно мордовские малозаселенные земли стали перебираться выходцы из других областей. В последующие четыре столетия в Арзамасском регионе, как в своеобразном котле, сформировалось православное население из пришлого русского люда. Локальные особенности фольклора Арзамасского края и обусловлены, прежде всего, многовековым взаимодействием и взаимовлиянием русской и мордовской народных культур. [2]

Становление культуры Арзамасского края было запечатлено с помощью разных литературных жанров. Одним из таких жанров является несказочная проза, в которой ярко отображена историческая реальность, особенности становления и развития культуры Арзамасского края. Жанр несказочной прозы представлен преданиями, демонологическими рассказами, религиозной прозой, а так же легендами.

Произведения фольклорной несказочной прозы, с точки зрения народа, важны как источник информации, а в отдельных случаях еще и как предостережение, назидание. Следовательно, в несказочной прозе познавательная и дидактическая функции преобладают над художественной. Несказочная проза имеет иную, нежели сказки, модальность: ее произведения приурочены к реальному времени, реальной местности, реальным лицам. Также для несказочной прозы характерны невыделенность из потока быденной речи, отсутствие специальных жанровых и стилизованных канонических форм. В самом общем смысле можно сказать, что ее произведениям свойственна стилистическая форма эпического повествования о достоверном: Старик говорил...; Старичок выксунский рассказывал мне...; Видел я чудеса, представлялись мне...; Говорят, что будто...; Моя мама рассказывала...; Вот у нас в нашей деревне у одной женщины...; Вот я была сама в переделе. [8]

Жанры несказочной прозы долгое время оставались вне сферы интересов собирателей и исследователей народной поэзии 19 века. К произведениям несказочной прозы обращались выдающиеся русские писатели, связанные с Нижегородской губернией: П. И. Мельников-Печерский, В. Г. Короленко, творчески использовавшие в своих произведениях предания из жизни населения региона.

В XX столетии предания, рассказы-воспоминания в очень ограниченном количестве легенды, публиковались в сборниках Нижегородского фольклора, подготовленных Н. Д. Комовской и В. Н. Морохиным. Былички, или мифологические рассказы, вообще не были представлены в сборниках и антологиях народной поэзии нижегородцев и арзамасцев. [2]

Один из видов несказочной прозы — предания. Предание — это рассказ о прошлом, иногда очень отдаленном. Предание изображает действительность в обычных формах, хотя при этом обязательно используется вымысел, а иногда даже фантастика. Основное назначение преданий — сохранять память о национальной истории. Предания стали записываться раньше многих фольклорных жанров, так как были важным источником для летописцев. В большом количестве предания бытуют в устной традиции и в наши дни. Предания — это «устная летопись», жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность. Само слово «предание» означает `передать, сохранять`. Для преданий характерны ссылки на старых людей, предков. События преданий концентрируются вокруг исторических деятелей, которые независимо от своего социального положения (будь то царь или предводитель крестьянского восстания) предстают чаще всего в идеальном свете. [9]

Утопическую мечту народа о справедливом царе Иване IV Васильевиче явно дополняют предания о предводителях народных восстаний. Существуют предания о Степане Разине, Емельяне Пугачеве, Кузьме Рощине. Громкие имена этих народных заступников прямо или опосредованно связаны с Арзамасским краем. Степану Разину не удалось побывать в Арзамасе, но многие арзамасцы активно участвовали в разинском восстании; в городе находилась ставка князя Юрия Долгорукова, главного палача восставшего народа, здесь же и казнили более 11000 разинцев.

Рассказы о Степане Разине соединяют историческую достоверность с фольклорным типом удалого разбойника, не случайно А. С. Пушкин назвал Разина «единственным поэтическим лицом в нашей истории».

Собранный за последние годы фольклорный материал свидетельствует об активной жизнестойкости преданий, мифологических рассказов и устных рассказов — бывальщин, однако традиция устного повествования сохранилась преимущественно в семейном быту. Наблюдается активное, повсеместное проникновение в произведения устной несказочной прозы реалий современной жизни. Следует отметить развитость демонологических представлений среди населения региона. На территории Арзамасского края выявлено бытование быличек как с традиционными персонажами общерусского фольклора, так и с местноприуроченными, явно восходящими ко времени совместного проживания русских и мордвы.

Народные демонологические рассказы — это суеверные повествования, связанные с персонажами из разряда низшей мифологии. В науке демонологические рассказы впервые были названы былинками — словом, непосредственно заимствованным из речи крестьян Белозерского края Новгородской губ. В качестве термина его предложили братья Б. М. и Ю. М. Соколовы. Они писали, что в народе это слово обычно прилагают «к небольшим рассказам о леших, домовых, чертях и чертовках, полуверицах, колдунах, — одним словом, о представителях темной, нечистой силы. Впоследствии Э. В. Померан-

цева, уточняя термин «быличка», разделила демонологические рассказы на две группы: былички и бывальщины. Быличка — это меморат (воспоминание), бывальщина — фабулат (повествование, утратившее особенности воспоминания действующего лица-очевидца). Демонологические рассказы обращены к настоящему, случившееся в них — невероятно, рассказчик испытывает чувство страха. Главная цель, преследуемая быличкой или бывальщиной, — убедить слушателей в истинности сообщаемого, эмоционально воздействовать на них, внушить страх перед демоническим существом. Сюжеты быличек и бывальщин обычно небольшого размера, одномотивные. Персонажи — человек и демоническое существо. Большой популярностью пользовался черт (дьявол) — универсальный образ, обозначающий любую «нечистую силу». Разные персонажи быличек могли именоваться чертями. Например: Лешие в каждом лесу живут. Если пойдешь в лес, никогда не ауйкайся с незнакомым голосом. Это леший кричит, таким нечеловеческим голосом. Ауйкайся только со своей подругой по именам, а то леший в лес заведет (Кулебакский район, с. Велетьма).

Особого внимания заслуживает религиозная проза региона, которая в последние десятилетия встает из исследовательского «небытия». Это явление народной духовной культуры предстает как явление живое, развивающееся и многоплановое. В работу по собиранию и систематизации включились нижегородские фольклористы К. Е. Корепова и Ю. М. Шеваренкова совместно с Кембриджским университетом в рамках проекта «Серафим Саровский — живое предание». Собирается обширный материал по религиозной прозе прежде всего связанный с именем Преподобного Серафима Саровского. Наблюдение над бытованием религиозной прозы в Нижегородской области, в том числе и на территории Арзамасского края, обобщены в работе Ю. М. Шеваренковой [2].

Ещё один из видов несказочной прозы — легенды. Легенды — это прозаические произведения, в которых фантастически осмыслены события, связываемые с явлениями неживой природы, с миром растений, животных, а также людей (племена, народы, отдельные личности); со сверхъестественными существами (Бог, святые, ангелы, нечистые духи). Основные функции легенд — объяснительная и нравоучительная. Легенды связаны с христианскими представлениями, но в них ощущается и языческая основа. В легендах человек оказывается неизмеримо выше нечистой силы. В качестве примера можно привести легенду о том, как новгородский архиепископ Иоанн «закрестил» черта в медном чайнике, а потом заставил его свозить себя в Иерусалим. Источником этого устного произведения является «Сказание о великом святителе, о Иоанне, архиепископе Великого Новаграда, како был единой ноши из Новаграда в Иерусалим-граде и паки возвратися». Сказание было занесено в Четьи-Минеи и во многие старинные житийные сборники. (А чайник, в котором якобы был закрещен черт, и сейчас хранится в Новгороде, в музее) [9].

Проблема разграничения жанров несказочной прозы — сложная. Это вызвано нечеткостью самого материала, большой гибкостью произведений. Общая и характерная черта народных повествований несказочного характера — непостоянство, текучесть формы. Они легко приспосабливались к местным условиям. Размытость жанровых границ часто приводила к взаимодействиям жанров несказочной прозы, как между собой, так и со сказками. Один и тот же сюжет мог принимать разные формы, периодически выступая в виде былички, легенды, предания или сказки. Не случайно легенды, пре-

дания и особенно былички в XIX в. публиковались в сказочных сборниках попеременно со сказками.

Таким образом, устная народная несказочная проза обследуемого региона представлена всеми традиционными повествовательными жанрами. Активное бытование преданий, легенд, быличек и устных рассказов-воспоминаний, с одной стороны, наглядно иллюстрирует живительную силу общерусской фольклорной традиции, а с другой, при учете местной специфики и современной обусловленности устного слова, свидетельствует о непрерывности творческого процесса в фольклоре.

Литература:

1. Были и байки. Народная поэзия Арзамасского края / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. С. Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас: АФ ННГУ, 2014. — 462 с.
2. Курдин, Ю. А. «Устная несказочная проза Арзамасского края» // Гуманитарные науки: в поиске нового (Межвузовский сборник научных трудов). — Вып. V. — Саранск: Ковылк. тип., 2006. — с. 162–166.
3. Курдин, Ю. А. «Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (41). — с. 125–128.
4. Курдин, Ю. А. «Фольклорная сокровищница России» // Личность. Культура. Общество. 2007 № 2. — с. 410.
5. Курдин, Ю. А. Мифологические рассказы арзамасского края // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46–47). с. 383–391.
6. Курдин, Ю. А., Пряников А. В. Рассказы — воспоминания в устной эпической традиции Арзамасского края // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 10 (14). с. 51.
7. Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В двух книгах: / Сост. авторы вступительных статей и комментариев: Л. А. Климкова, Ю. А. Курдин // АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2005. — 373 с.: ил.
8. Зуева, Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 400 с.: ил.
9. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Составление, предисловие и комментарии А. Н. Мартыновой. — Издательство «Лабиринт», М., 1998. — 352 с.

Муза рабочего человека

Колпакова Ирина Владимировна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Рабочий — это источник идей, а не просто пара действующих рабочих рук.

Биант Приенский

Первые произведения рабочего фольклора относятся еще к XVIII в. Их создавали рабочие фабрик, заводов, рудников, и в них говорилось о бесправной жизни рабочего люда, о непомерно тяжелом труде, о невыносимой эксплуатации. Очагами рабочего фольклора в XVIII — начале XIX в. были места, где развивалась промышленность; особенно большую роль в формировании и развитии рабочего фольклора в XVIII в. играли горные заводы, рудничные разработки Урала и Сибири.

Из старых произведений фольклора до нас дошло немного текстов. Это преимущественно песни и стихи, сложенные рабочими о своей жизни и работе. Прозаических

произведений в записях XVIII — начала XIX в. до нас не дошло, но их можно в какой-то мере реконструировать по более поздним записям [3, с. 216].

На сегодняшний момент рабочий фольклор не утратил себя и продолжает развиваться. Ярким тому подтверждением является литературное объединение «Вдохновение», которое берет своё начало в 2008 году в стенах Арзамасского машиностроительного завода. В нем собрались люди разных возрастов, которых объединила любовь к слову.

Это люди, которые, безусловно, обладают творческими способностями, даром, подаренным им богом, которые не представляют свою жизнь без творчества. Но что же такое

творчество в жизни обывденного человека? Для кого-то творчество это смысл жизни, для кого-то неплохой заработок. Для людей из литературного объединения «Вдохновение» творчество это глоток воздуха, проявление любви к Родине и родной природе, любимому делу.

Предисловием к сборнику являются слова Ю. А. Курдина, члена союза писателей России. В своих словах Юрий Александрович коротко, но довольно ясно анализирует сборник. С его словами нельзя не согласиться: «Сборник составили произведения разных профессий и возрастов, но всех их объединяет великое чувство любви к Родине, сфокусированное на старинном городке Арзамасе с его духовной культурой и неповторимом архитектурным обликом».

Данный сборник включает в себя произведения 14-ти авторов. Среди них и Лариса Глебова. Её стихотворения пронизаны оптимизмом и жизнелюбием. Обратимся к её стихотворению «Арзамас», в котором она воспеваает свою малую родину:

*Арзамас — ну чем не Сочи!
Юг, Высокая гора,
Оптимизма просто Море,
И «Морозовка» своя! [2, с. 29]*

Это простое по своей форме стихотворение раскрывает всю любовь к своему родному, провинциальному городу. В первой строфе автор называет любимые места города, местные достопримечательности, которые заряжают силами, позволяют расслабиться, перед новым рабочим днем. Стоит отметить, что Лариса Глебова в своем стихотворении проявляет и патриотические чувства. Дважды употребляя в своем произведении название современного нам олимпийского города-курорта «Сочи» не призывает читателя проводить свой досуг именно там, а наоборот подчеркивает то, что и в нашей маленькой глубинке можно найти все необходимое для полноценного отдыха, это и физкультурно-оздоровительная база «Снежинка» и стадион «Знамя». Малая родина у каждого своя, для поэтессы этот крошечный уголок земли становится символом великой России.

Ещё одно произведение, посвященное родному городу Арзамасу, принадлежит Татьяне Конновой. Татьяна Коннова — корреспондент газеты «Новатор» уже не первый год пишет стихи и считает, что без поэтов на земле нельзя было бы обойтись. В своих произведениях автор размышляет и о существовании поэтов, и о природе, и о женщинах, но больше всего внимания хочется уделить её

произведению, которое она посвящает Родине. Стихотворение «Родине» уже из своего названия наталкивает читателя на мысль, что автор будет рассуждать о своем родном крае, воспевать его. И мы не ошибемся, ведь это действительно так.

*Заливные луга.
Речка Теша невестою льется,
В тихом небе ночном
Загорится корона-звезда.
Это Родина... [2, с. 31]*

При помощи изобразительно-выразительных средств языка поэтесса показывает красоту и величие родного края, его неоценимую роль в своей жизни и жизни всех русских людей. Данное стихотворение вызывает у читателей чувство восхищения красотой самого прекрасного, родного места. Татьяна Коннова в своем произведении говорит о том, что в родном крае суждено сбыться всем мечтам, всем начинаниям. Все задуманное обязательно осуществится:

*Сочных трав луговых
Обнимает знакомый дурман.
Это жизнь...
Значит, всё, что задумано, сбудется [2, с. 43].*

Из 14-ти, представленных в этом сборнике, авторов практически каждый из них посвятил одно или нескольких стихотворений родному краю, любимому городу и его маленьким улочкам. Родина — слово, которое понимают все люди, оно по-своему дорого каждому человеку, но у всех оно вызывает разные ассоциации. Некоторые понимают родину как что-то большое, и рассматривают в размерах страны, а кто-то воспринимает, как местечко, где родился и вырос. Каждая позиция может считаться верной, ведь слово Родина содержит в себе огромный смысл. В произведениях сборника «Вдохновение» авторы рассматривают Родину как место взросления, детства, место, с которым их связывают родные люди. Стихотворения, кажется обычных людей, пронизаны особой любовью, гордостью за свой маленький город, город в котором они проводят свою сознательную жизнь, в котором работают и процветают. Читая стихотворения наших земляков мы получаем истинное удовольствие, ощущая непрекращающуюся связь времен, которая из поколения в поколение должна стать все крепче и крепче, так как у всех нас одна природа, одна Родина, и мы несем ответственность за ее богатство, красоту, которые каждый из нас должен приумножать и беречь.

Литература:

1. Бирюков, В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. — Свердловск: Свердловское областное издательство, 1936. — 273 с.
2. Вдохновение: сборник стихов. / Составитель: Коннова Т. М., — Арзамас: Арз. Тип., 2009. — 124 с.
3. Новикова, А. М. Русское народное поэтическое творчество / Сборник статей под редакцией А. М. Новиковой, издание второе, — М.: «Высшая школа», 1978—520 с.
4. Курдин, Ю. В. Чающим вдохновения // Вдохновение: сборник стихов. / Составитель: Коннова Т. М., — Арзамас: Арз. Тип., 2009. — с. 3—4.

5. Перевезенцев, С. В., Силантьев Р. А. Что же мы такое — «русский человек»? [Электронный ресурс] / Радио «Радонеж» — 2014 — URL: <http://radonezh.ru/analytics/chto-zhe-my-takoe-russky-chelovek-russky-narod-kak-eto-sformuliroval-russky-narodny-sobor-119541.html> (дата обращения: 20.04.2016).

Собрание народных песен Арзамасского уезда А. В. Карпова в контексте народознания XIX века

Кончина Дарья Павловна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Изучение и собирание большого культурного пласта — народного творчества, фольклора — актуальные проблемы как на сегодняшний день, так и в прошлом. Данная информация несет в себе большую ценность, так как в ней заключен дух народа, его мудрость и быт. По этой причине проблема собирания и изучения фольклора встала еще в начале XIX века.

В 1830–40-е годы в России формируется широкое собирательское движение, охватившее самые разные слои русского общества и разные географические регионы страны. Инициатором этого движения стало Императорское Русское Географическое Общество (РГО). По программам РГО повсеместно собирались материалы

исторического, статистического и этнографического характера [4].

Выдающимся организатором фольклорно-поисковой работы является П. В. Киреевский — создатель первого в России собирательского центра, сумевший привлечь к делу собирания фольклора многих выдающихся современников (А. Х. Востоков, Н. М. Языков, А. С. Пушкин, А. В. Кольцов, А. Ф. Вельтман, М. Н. Погодин, С. П. Шевырев, С. А. Соболевский, Н. В. Гоголь и др.). Многотомное «Собрание русских народных песен», изданное на основе материалов, собранных П. В. Киреевским (1834–1911) — выдающееся событие русской культурной жизни, представляющее богатейший материал для изучения фольклора [8].

Большой вклад в собирательную деятельность народной культуры внесла «Песенная прокламация» П. В. Киреевского, организационное и научное значение которой велико. Она содержит не только общие замечания о значении и важности собирания народных песен и духовных стихов, но и практические рекомендации по собиранию и обработке фольклорных произведений содержит следующие положения:

— Песни следует записывать сначала со слов информанта, а затем проверять данные с голоса;

— Записывать даже самое нескладное песенное содержание, потому что в некоторых случаях информант «смешивает» несколько песен в своем сознании и т. д.

Киреевский вложил большой вклад в собирательскую деятельность: «Киреевский, обрабатывая песню, доложил всякой ее чертой и вносил мелкие изменения лишь в случае крайне необходимом, по его мнению; давая реконструированную им песню, он давал налицо и весь материал этой реконструкции: таким образом, ни одна запи-

санная из уст народа песня, ни ее отдельное выражение не пропадали» (М. Н. Сперанский) [8].

Дальнейшей выработкой научных принципов соби- рания, обработки и публикации фольклорных произ- ведений занимались следующие выдающиеся деятели в данной области:

– П. Н. Якушкин — разработчик «хождения в народ» как нового метода соби- рания, предполагающего знаком- ство с народным творчеством «изнутри». Он обозначил важность выявления вариантов, их ценности, строгое от- ношение к фольклорным текстам.

– П. Н. Рыбников — выдающийся собиратель, раз- работчик основ современной методики работы с тек- стами. Рыбников обратил внимание к реальной обста- новке, в которой «обитает» произведение фольклора, к личности конкретных носителей и информантов фоль- клора. Именно он разработал структуру научного коммен- тария к публикуемому фольклорному тексту: описание местности, условий исполнения, общая характеристика населения и отдельных исполнителей («Заметки собира- теля» 1964). Записи северных былин, сделанные Рыбни-

ковым — сенсация, изменившая представление о харак- тере бытования героического эпоса.

– Развитие и уточнение основных принципов методики Рыбникова, оформление ее в стройную систему выявлено в **трудах** А. Ф. Гильфердинга («Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» 1872). Впервые в истории мировой фольклористики он использовал метод повторной записи, позволивший внести существенные уточнения в пред- ставление о характере бытования героического эпоса.

Методики Рыбникова и Гильфердинга использова- лись в процессе соби- рания и публикации других фоль- клорных жанров: «Загадки русского народа» Д. Н. Са- довникова (1875), «Русские народные песни П. В. Шейна (1870), «Северные сказки» Н. Н. Ончукова (1909), «Ве- ликорусские сказки пермской губернии» (1914) И «Ве- ликорусские сказки Вятской губернии» (1915) Д. К. Зе- ленина и др. [8].

Нижегородский край также исследовался в данном на- правлении. По подсчетам В. М. Потявина, только в одной Нижегородской губернии активно работали более 150 корреспондентов РГО самого разного чина и звания. [7]

Традиционная культура Арзамасского края, до настоящего времени сохранившая многообразие жанровых форм, вобрала в себя фольклорные сокровища почти со всей матушки России. Неслучайно интерес к народной поэзии региона, прежде всего к песенному творчеству местного крестьянства, проявляли самые выдающиеся деятели русской литературы. Среди собирателей и знатоков народных песен края А. С. Пушкин и В. И. Даль, П. И. Мельников-Печерский и В. Г. Короленко. К 70-м годам XIX века песни Нижегородской губернии становятся известными в России благодаря сборникам П. В. Шейна и П. И. Якушкина. Однако помещенные в них немногочисленные тексты песен, в основном записанные на Нижегородской ярмарке, не позволяют представить подлинно несметные богатства народной лирики нашего края [4].

Важным фактором в развитии нижегородской фольклористики середины XIX века стала губернская периодическая печать. Уже в первом номере содержался призыв собирать памятники старины, в том числе образцы устного народного творчества. Редактором неофициальной

части являлся П. И. Мельников с 1844 года. В 1847 году Мельников привлек к сотрудничеству выдающегося арзамасского краеведа и собирателя фольклора П. И. Пискарева. Записанные Пискаревым полные тексты песен, с сохранением лексических и фонетических особенностей местного говора, ярко демонстрируют богатейшую традицию народной лирики, активно бытовавшей на территории Арзамасского уезда в первой половине XIX века [4].

Оживление во второй половине XIX века краеведческой работы в Нижегородской губернии связано с именем Александра Серафимовича Гациского. Этот выдающийся организатор превратил Нижний Новгород в подлинный центр народоведения в Поволжье. В числе его помощников находился А. В. Карпов. Это имя несправедливо забыто в кругу современных краеведов и фольклористов, хотя он является крупнейшим исследователем народного песенного наследия среднего Поволжья. А. К. Орешников, также являвшийся помощником Гациского, писал о Карпове следующим образом: «Андрей Васильевич Карпов, умерший в мае прошлого года в г. Оренбурге, принадлежит к плеяде тех малозаметных тружеников на ниве родинознания, труды

коих совершенно неизвестны массе и, сами по себе, не отличаются ни обилием новых данных, ни солидностью обработки, но они ценятся нашими известными учеными как необходимый материал при их исследованиях и, поэтому, составляют вклад в литературу, освещая непроглядный мрак «медвежьих углов» нашего отечества» [6].

Итак, Карпову принадлежит наиболее полное собрание песен, бытовавших во второй половине 19 века в Нижегородском крае. Скажем немного о биографии автора. Родился в небогатой крестьянской семье в 1857 г. Успешно окончил Арзамасское училище, в 1873 году поступил в нижегородскую классическую гимназию. Испытывая нужду в материальном обеспечении он обращается к Гацискому с просьбой о помощи, тот предлагает ему собирать песенный фольклорный материал в районе малой родины Карпова с последующей документацией такового. С этого момента вплоть до самой смерти Андрей Васильевич занимается литературной деятельностью.

Нам, прежде всего, интересна собирательская деятельность Карпова, По поручению Гациского Карпов записывает в 1875–1877 годах в Арзамасском и Семёновском уездах, а также в некоторых мордовских поселениях 646 народных песен. Всего им было обследовано около 20-ти сёл и деревень: Кириловка, Быков–Майдан, Чуварлейка, Ямская слобода, Ивановское, Пуза Берёзовка, Пешелань, Никольское, Абрамово, Пушкарка, Морозовка, Выездная слобода, Новый-Усад, Гари, Протаповка, Микотинская, Аблемаево, Вечкусово и другие. Песенный репертуар исследованных поселений разнообразен в жанровом отношении. В связи с этим Карпов занимается систематизацией собранного материала. Он выделяет следующие разделы [2]:

- голосовые (420),
- игрищные (77),
- скоморошные (59),
- детские (29),
- хороводные (24),
- исторические (13),
- святочные (или обрядовые — 12),
- свадебные песни (11),
- заплачки (плачи о покойниках — 4),
- рассказ (1).

Данная систематизация не является научной. Она опирается на ту классификацию, которую предложил сам народ.

Описание имеющегося материала Карпов осуществляет по следующим пунктам [2]:

1. Место записи текста.
2. Данные информанта.
3. Происхождение: авторское или народное.
4. История создания песни.
5. Широта распространения песни.
6. История песни: существует ли до сих пор и т.д.
7. Лексические данные некоторых слов.
8. Манера исполнения песни.

Записи Карпова ценны как для изучения нижегородской фольклористики, так и для исследования устного народного творчества всей России. Анализируя данное творчество, четко просматриваются отношения арзамасского фольклора к фольклору соседних территорий.

Ученый В. Аникин высоко оценивает значимость труда, осуществленного А. В. Карповым: «Записи Карпова чрезвычайно ценны... На записях Карпова присутствует новизна, с которой обыкновенно неправильно связывают только упадок творчества. Записи являют и еще хорошо сохранившуюся и развиваемую традицию давней лирики... «Продвинутость» в эту сторону сама по себе свидетельствует о том, что лирика в пору фиксации ее Карповым отмечена не только забвением и нарушением, но и органическими новациями...» [3, с. 4]

Песни, собранные Карповым, удивительно многообразны и показывают богатство фольклорного наследия юга Нижегородской области. Со страниц книг как будто начинаешь слышать голоса далеких-далеких предков, живших на нашей земле. Это часть культуры, родной пласт, через который можно прикоснуться к прошлому. Перед нами разворачивается панорама бытия жителей прошлых столетий, из заботы, радости, печали и душа, частица которой присутствует в каждом из нас.

Записи Карпова представляют собой большую ценность тем, что сделаны в краю с особой историко-культурной ситуацией. В XIX веке еще свежи предания о мордовской культуре, синтез с которой наблюдается и по сей день, экономические и социальные явления, охватившие всю Россию. В песнях прослеживаются те области, которые связывают древнюю сельскую традицию с литературой, с культурной средой города.

Записи Карпова песен помогают понять историческую судьбу фольклора, его развитие, динамику, поскольку они являют собой панорамную картину русского села в переломный момент его истории, когда многие установки носителей культуры, в частности фольклора, резко менялись. [1, с. 585].

Литература:

1. Морохин, Н. В. Арзамасское многоголосье // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 5 / АГПИ, Арз. отд. Нижегород. обл. орган. Союз писателей России. — Арзамас: АГПИ, 2012. — с. 583–585.
2. Бугрова, О. В. Принципы описания текста при изучении судьбы песенного репертуара за вековой период (на примере нижегородских материалов собрания А. В. Карпова и экспедиции В. М. Потявина «по следам» исследователя) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_bugrova1.htm (дата обращения: 14.04.2016).

3. Карповские чтения: сборник статей. Выпуск 3/отв. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2010. — 457 с.
4. Курдин, Ю. А. Фольклорная сокровищница России/ Личность. Культура. Общество. — 2007. № 2. с. 410.
5. Народная поэзия Арзамасского края. Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года. / авт. проекта Ю. А. Курдин; сост. Ю. А. Курдин, Э. К. Петри, А. В. Пряников; науч. Ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2010. — 639с.; ил.
6. Орешников, А. К. Несколько слов об Андрее Карпове. (Заповздавший некролог) // «Нижегородские губернские ведомости» № 40, 1 октября 1886 г., с. 2.
7. Потявин, В. М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый / Сост. В. Потявин. — Горький, 1960. — с. 377.
8. Собрание фольклора во второй половине XIX-начале XX в. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://studall.org/all3-45334.html> (дата обращения: 14.04.2016).

Мифологические рассказы и суеверия арзамасской стороны

Копыткина Ольга Олеговна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

С давних времён произведения сказочной прозы интересовали народ. К сказочной прозе относятся поверья, былички, предания и легенды (маленькие по объёму рассказы, не обладающие сюжетной завершенностью). Они служили важным источником информации и в основном несли в себе поучение и предупреждение. Установка на достоверность события — является главным жанрообразующим признаком жанров сказочной прозы. Истинность события подкрепляется с отсылкой к тому, от кого стал известен этот рассказ.

Арзамасская земля славится своей индивидуальной сказочной прозой. Поверья и былички арзамасской стороны служат главным источником информации о многочисленных демонологических персонажах арзамасского фольклора.

Поверье — убеждение человека в чём-либо, основывающееся на старинных предрассудках. Поверья бывают разные, к примеру, бытовые, о жилище:

Не к добру в доме, если при первом ударе топором в начале постройки его из рабочих кто-либо порубит себя до крови [2, с. 134].

Предвещающие гостей:

1. *Когда после обеда останется нечаянно ложка на столе* [2, с. 141].

2. *При неосторожном снятии со свечи загасится огонь к неприятному гостю* [2, с. 141].

Также, во все времена, люди верили в суеверия, которые приводили позднее к неблагоприятным последствиям, а именно к бедам и несчастьям:

1. *Поющий петух не в своё время, а гораздо ранее предвещает какие-либо чрезвычайные события* [2, с. 139].

2. *Появление в лесу большого количества зверей, особенно волков, предзнаменует войну или голод* [2, с. 138].

Об урожае и сельхозработках:

1. *Когда на осине бывает много вербы, в тот год, как замечают, будет обильный урожай гречи* [2, с. 155].

2. *Когда при речках и ручейках бывает большая наслуда; то говорят, родится хороший ячмень* [2, с. 155].

Довольно много существует поверий, связанных с животными:

1. *Если на одном порядке падеж скота, то другой порядок вдовы и девки объезжают кругом, думая, что чрез сие не может действовать падеж на их скот* [2, с. 154].

2. *Камень, имеющий естественную скважину и повешенный в курятник, почитается великим хранителем кур* [2, с. 154].

Чаще всего встречаются суеверия, в которых участвуют домашние животные, такие как лошади, коровы, собаки, кошки, но бывают, правда очень редко, пресмыкающиеся — ужи, лягушки, жабы. Есть примета, что если корова печальна и худеет, то её сосёт жаба [4, с. 243].

Большое внимание люди уделяли приметам, соотносимым с погодой, ведь большую часть времени они проводили на свежем воздухе: в огородах, на полях, в лесах:

1. *Боль в спине и ломота в руках у стариков предвещают ненастье* [2, с. 157].

2. *Лошадь своим храпением предвещает дурную погоду; так же к неприятной погоде валяется собака, визжит свинья, царапает стену кошка, стоя на задних лапах* [2, с. 157].

Поверья сообщают лишь краткие сведения, а былички повествуют о конкретных встречах человека с представителями низшей мифологии.

Быличками являются устные короткие рассказы из области суеверий о леших, домовых, водяных, русалках,

шишигах, банниках, оживших мертвецах, ведьмах, колдунах, чертях и вообще о вмешательстве всех сверхъестественных потусторонних сил в людскую жизнь. Рассказчик ведёт повествование от первого лица. В них описываются случайные встречи с магическими персонажами. Обычно действие происходит либо в доме, либо в других бытовых помещениях или же на фоне таинственной и мрачной природы: кладбище, болото, дремучий непроходимый лес. В основном все былички имеют трагичную концовку. Происхождение быличек возносится к народной демонологии.

Домовой — наиболее часто встречается в поверьях и быличках арзамасского края, по сравнению с другими представителями низшей мифологии. Домовой — является духом, который по поверью живёт в каждом доме, обитая в потаённых местах жилища (за печкой, на печи, на чердаке, под порогом или в печной трубе). Считается, что домовый предстаёт в трёх сущностях: антропоморфной, зооморфной и нулевоморфной (невидимой). В основном он принимает вид старика и маленького человечка в шерсти в соломенных штанах. Если домовой полюбит своих хозяев, то он будет всячески помогать им по хозяйству, защищать дом, также если семья держит скотину, то домовый будет ухаживать за животными, но если зверь придёт к нему не по нраву, то может и забить до смерти. Не любит, когда в доме творится беспорядок и семья находится в разладе между собой, домовый начинает сердиться и строить козни (бьёт посуду, «шумит», громко ходит по дому оставаясь невидимым). Считается, что если домовый уходит из дома, то хозяевам следует подыскивать себе другое жильё, иначе будут преследовать их одни лишь неудачи и может случиться большая беда. Об этом свидетельствует рассказ жительницы арзамасского края, которая повествует о том, что после ухода домового из дома, через месяц вымер весь скот, а затем и вся семья понарушилась, спустя небольшое количество времени и вовсе померли [3, с. 154].

Былички и поверья о лешем распространены в лесистой местности арзамасского края. Леший, также известен нам и другим наименованиям: лешак, лесовик, «дикий мужичок». Существует много описаний, касательно его внешнего вида, к примеру, такое: «Волосы зелены, борода до колен, глаза большие круглы, а ни бровей, ни ресниц нету» [3, с. 155]. Он следит за тем, чтобы никто не причинил вред его владениям. Может подшучивать над людьми, нарочно путать и водить их кругами — это происходит в том случае, если поведение человека в лесу было неправильным (особенно не жалует в гости пьяных):

«Пошел один раз наш дед в лес. Ну, поест там в сумку взял и кладет бутылку, а мать ему: «Нельзя по лесу-то пьяному ходить, леший заведет, оставь бутылку-то». А он не слушает. А потом и рассказывал. Ходит будто он в лесу, грибы берет да все поманеньку из бутылки-то прихлебывает. Уж, говорит, как следоват захмелел. Вдруг выходят двое.

— А ты, — говорят, — выпить хошь?

Отец им:

— Хочу.

— Пойдем с нами.

— А далеко?

— Да не больно далеко. Доведем мы тебя, чай.

Ну, все шли, шли, все нет и нет никого.

— Далек ли?

— Да нет, ещё маненько.

Шли, шли, отец-то и говорит:

— Господи, да что уж это! Да где же выпивка?

Да и перекрестился, а они как ветром и разлетелись в разные стороны. А он глядь — стоит у самого болота, ещё маненько и утонул бы. Завели бы лешаки» [3, с. 155–156]. Хорошим же людям, наоборот, помогает выйти из лесистых местностей и предупреждает их заранее об опасности. Может являться человеку в разных видах, но в основном представляется в антропоморфном: в виде обычного человека, старика с огромной бородой и низкого роста, человека в шерсти, также в виде любого животного. Одна из быличек гласит, что «... Они имеют свойство равняться с высокими деревьями и с самую малую былинкою, и защекочивают попадающихся им людей. Если кто в лесу будет обойдён лешим, тот долго не может выйти из лесу: оттого всякой заблудившийся в лесу верит, что он обойдён лешим. Кроме больших леших, признают ещё малых леших, называемых дикарями или щекотунами и дикинькими мужичками. До смерти леший может защекотать только людей неосторожных и тех, кои не имеют на себе креста» [2, с. 159–160]

Кроме домовых и леших в арзамасском районе встречаются былички про водяного и русалку. По народным представлениям и водяные и русалки заманивают людей, пугают и топят их. Делают они это исключительно ради веселья и развлечения. Русалками становятся утопленницы, некрещённые и проклятые девушки, которые в последствие подчиняются водяному. Они обладают сладостным чарующим голосом и длинными волосами, соблазняя и околдовывая встречных путников. Чаще всего они появляются только в позднее время сидя на берегу, или плескаясь и хохоча выныривают из водных глубин в поисках жертвы. Когда им наскучит, они начинают дразнить проходящих мимо людей:

Подошли поближе, увидели: девка в воде стоит, волосами трясёт и хохочет.

А смех-то такой, что страх наводит. Испугались они и бежать [3, с. 156].

Поверья о ведьмах и колдунах также зафиксированы на территории арзамасского края. Считается, что ведьмы и колдуны общаясь с нечистой силой могут навредить людям и скоту через наговоры. Также они могут и пускать нечистую силу по ветру:

Васёна испугалась и спрашивает Дуньку: «Что с лошадью-то?». Та успокаивает её, говорит: «Да это я нечистую силу по ветру пускаю, только ты не бойся, людей я не трогаю, только в лес иногда выхожу» [3, с. 160]

Ознакомившись с поверьями и быличками арзамасского края, мы приходим к выводу, что все они являются довольно разнообразными и интересными. Русское устное народное творчество легко находило объяснение явлениям природы и бытовым ситуациям, отражая их в народных сказаниях. И позитивные и негативные явления народ списывал на воздействие высших сил, потустороннего и необъяснимого. Каждое из поверий несло огромный смысл для русского народа. Домовой, леший, водяной, русалки — все они стали частью жизни русского народа, и арзамасского края в частности. Можно сказать, что появлению всех этих поверий способствовало язычество, разнообразие богов и сверхъестественных существ. В наше время поверья и былички существуют как отголоски прошлой жизни и ушедшей религии. Тем не менее, многие из героев поверий и быличек продолжают свою жизнь в сказках, которые переходят из уст в уста, из поколения в поколение. Но изменения быта и сознания людей

привело к тому, что большинство современников относится к народным поверьям весьма скептически. В наши дни мало кто поверит, что за газовой плитой может обитать домовый, а в пруду за окном правит водяной. Но люди старой закалки, которые ещё помнят поверья своих предков и никогда не пойдут в лес без крестика на шею, чтобы не попасться лешему и не станут устраивать дома ссоры, дабы не разозлить домового.

Современный мир находит объяснение многим вещам при помощи наук и технологий, забывая о народных мудростях. Но все же, остались люди, которые по-прежнему верят в сверхъестественных существ оберегающих природу. Да, невозможно заставить человека поверить в сверхъестественные рассказы, если он не видит в них смысла, опираясь на реальные факты и науку. Но я считаю, что даже в наше время чудесам есть место. В конце концов, каждый человек сам выбирает верить ему в это или нет.

Литература:

1. Русское устное народное творчество: Учеб. / В. П. Аникин. — М.: Высш. шк., 2001. — 726 с.
2. Курдин, Ю. А., Пряников А. В. Суеверия в домашнем быту русского народа первой половины XIX века // Карповские чтения: сборник статей. Выпуск 5 / Отв. ред. Ю. А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас: АФ ННГУ, 2014. — с. 132–161.
3. Курдин, Ю. А. Мифологические персонажи в фольклоре Арзамасского края и пушкинские бесы // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Выпуск 10 / АГПИ, 2008. — с. 150–163.
4. Карпов, А. В. Народные поверья относительно домашних животных и народная ветеринария // Кустарные промыслы Нижегородской губернии / А. В. Карпов; ред. — сост. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; научн. Ред. Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — с. 241–258.
5. Зеленин, Д. К. Описание рукописей Учёного архива ИРГО. Вып. 2. Пг., 1915. 794 с.
6. Мифологические рассказы арзамасского края. Ю. А. Курдин. Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46–47). с. 383–391.

Сказочная традиция земли Арзамасской: прошлое и настоящее

Корчагина Юлия Владимировна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Вот уже много лет студенты-филологи нашего университета занимаются собиранием фольклора под руководством доцента Юрия Александровича Курдина. Собранный материал так многообразен, велик, что вышло уже несколько сборников «Народной поэзии Арзамасского края». Первым сборником, открывший серию «народной поэзии», стал двухтомник «Сказки». И это не случайно. Ведь сказка — та нить, которая проходит сквозь детство каждого человека. Еще, будучи детьми, мы слышим от мам, бабушек истории о невероятных приключениях и мудрых героях, которых мы запоминаем на всю жизнь. Сказки отвлекают от жестокой реальности, маня своими загадочными приключениями, делают мир добрее. Поэтому трудно представить свою жизнь без любимых

сказок. Недаром данный сборник адресован широкому кругу читателей и будет интересен и полезен в любом возрасте, так как в нем целостно представлено современное состояние сказочной традиции южных районов Нижегородской области.

Двухтомник «Сказок» «Народной поэзии Арзамасского края» вышел в свет в 2002 году. «Материалом для данных сборников послужили тексты, записанные студентами-филологами во время экспедиций и полевых практик, а также неопубликованные фольклорные произведения региона, имеющиеся в архивах Н. Новгорода, Москвы, С. — Петербурга». [1, с. 3] Сборник «Сказки» состоит из 2 книг. Всего в двух книгах более четырехсот сюжетов сказок. Сказочные сюжеты отобраны из 80-ти

населенных пунктов Арзамасского края. Наибольшее количество сказок зафиксировано в Арзамасском, Вадском, Вознесенском, Дивеевском, Первомайском, Перевозском, Сергачском, и Шатковском районах. Каждая книга уникальна по своей структуре, сюжетам. Кроме 250 сказок, первая книга включает богатый научный материал: статьи докторов исторических наук Е. В. Кузнецова и Е. П. Титкова «Арзамасская сторона земли Российской» и кандидата филологических наук Ю. А. Курдина «Алатырь — камень русской жизни»; помещены комментарии, указатель исполнителей сказок, указатель мест записи сказок, и что особенно интересно, устаревшие малоупотребительные и местные слова.

Богатый материал сказок поделен на несколько разделов: сказки о животных, волшебные сказки, легендарные и новеллистические, а так же анекдотические и докучные сказки.

«Если исключить из общего числа сказок небольшую группу произведений, объединенных под рубрикой «докучные сказки», распределить сюжеты из разделов «Мастера сказочники» и «Легендарные и новеллистические сказки» про трех традиционных разновидностях, то окажется, что сказки о животных, волшебные и бытовые представлены в сборнике примерно поровну». [1, с. 481]

Первый раздел «Сказки о животных» включает 59 сказок с вариантами и сохраняет как традиционный сюжет («Лиса и волк» (№ 1, № 1а), «Мужик и медведь» № 21, «Маша и медведь» № 22) и присущую им специфику, так и нетрадиционные сюжеты сказок. («Медвежонок» (№ 24), «Пирог» (№ 52), «Кролик и заяц» (№ 54). Излюбленными персонажами данных сказок остаются плутовка-лиса, серый волк и косолапый медведь. Большой объем сказок, а так же их вариативность свидетельствует о том, что данный жанр остается неизменно популярным среди народа.

Второй, не менее значимый, раздел «Волшебные сказки» весьма небольшой — всего 33 сказки. «Современные записи волшебных сказок свидетельствует о кризисном состоянии этого разряда сказок» [1, с. 482], Традиционный сюжет порядка десяти страниц укладывается только в 2–3, что, к сожалению, констатирует об утрате народа в волшебных сказках эпического воспроизведения действительности. В данном разделе мы можем встретить знакомые для себя с самого детства сюжеты. («Василиса Прекрасная» (№ 62), «Морозко» (№ 83), «Крошечка-Хаврошечка» (№ 155)).

«Легендарные и новеллистические сказки», составляющие третий раздел, не смотря на небольшое число (№ 94-№ 122), «несут заряд назидания и дидактизма» [1, с. 491] Особые сказки в этом разделе под номерами 111–116. Записанные со слов М. С. Цыганова сказки отличаются реальностью повествования и характеризуются Э. В. Померанцевой как «авантюрные». [5, с. 70]

К последнему четвертому разряду относятся, наполненные своим оптимизмом и жизнеутверждением, анек-

дотические сказки. К ним же примыкают докучные сказки, выделяющиеся из общего строя как особые, так как они тяготеют больше к другим жанровым разновидностям фольклора. Всего четвертый раздел представлен 56-ю сказками, основными героями которых являются простой русский народ, несущий заряд здорового крестьянского юмора.

Во все времена, как говорилось выше, русский народ любил и почитал сказки. Поэтому неслучайно, во время прохождения фольклорной практики студенты встречались со знатоками сказок. Первая книга «Сказок» заканчивается повествованием творчества мастеров-сказочников Арзамасского края. Это А. А. Бурухина, Л. В. Гусева, Е. А. Жидкова, Т. Я. Матвеева, В. П. Моисеев, Т. А. Панкова, Н. И. Печнева. Всего мастерами было поведено студентам 69 сказок, каждая, из которой уникальна. Ведь наряду с традиционным сюжетом, в этих сказках проступает свое, оригинальное, творческое начало «сказочников». «Известные сказочники Арзамасского края, своего рода классики рассказывания сказок, представлены во второй книге». [1, с. 492]

«Вторая книга сказок Арзамасского края представлена почти полувековую историю собирания и изучения народной поэзии региона, поэтому сборники фольклора, включавшие в себя записи сказок края, представлены в хронологическом порядке. Здесь же помещены биографические данные о собирателях и исполнителях сказок. В примечаниях сохранены комментарии составителей сборников к сказочным сюжетам». [2, с. 3]. В эту книгу вошло 165 сказок, записанных в южных районах Нижегородской области в течение XIX–XX веков, источниками для которых послужили сборники А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, В. И. Чернышева, Н. Д. Комовской, В. Н. Морохина, Н. В. Морохина, М. П. Шустова. «Особо следует подчеркнуть, что рассматриваемая вторая книга свода проникнута непреходящим духовным смыслом пушкинского наследия. Все участники, внесшие свою лепту в составление сборника, так или иначе, испытали на себе благотворное воздействие пушкинских сказок, навеянное не в последнюю очередь его записям произведений местного фольклора» [3, с. 133]

Второй сборник сказок начинается с народной русской сказки «Марко Богатый и Василий Бессчастный» записанной знаменитым историком литературы, теоретиком фольклора Александром Николаевичем Афанасьевым. Основная часть сказок, издаваемых Александром Николаевичем, предоставлялась корреспондентами, в числе которых был В. И. Даль. Одиннадцать лет прослуживши в Нижнем Новгороде управляющим удельной конторой, Владимир Иванович собрал огромный фольклорный материал. Многие сказки, записанные Далем, скорее всего, зафиксированы в Нижегородской губернии, но из-за отсутствия указателя места записи сказок, в данный сборник вошла только одна, взятая Афанасьевым из архива Русского географического общества.

Сказку Афанасьева продолжают великорусские сказки в записях этнографа и фольклориста И. А. Худя-

кова. Представленные в книге одиннадцать сказочных сюжетов («Снегурушка», Деревянный орёл», «Луна и звезда», «Синий розан», «Царевна — странница», «Ванюша», «Иван Премудрый», «Два брата», «Двенадцать Микит», «Иван Косырев», «Волшебница») были найдены Худяковым в селе Котовка Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Как отмечено во втором сборнике «Сказок»: эти сказки Худяков называл «пушкинские», признаваясь тем самым, что искал в записанных сюжетах аналогии сказкам А.С. Пушкина. Зафиксированные И.А. Худяковым сказки действительно уникальны, ведь некоторые сюжеты больше нигде не были зафиксированы. («Синий розан» (№ 5), «Царевна — странница» (№ 6))

Не обошлась публикация данного сборника без записей сказок знаменитого исследователя творчества Пушкина В.И. Чернышева. Во втором сборнике опубликовано семнадцать сказок, записанных в Болдинском районе под заглавием «Сказки и легенды пушкинских мест...» «Записи Чернышева ценны в первую очередь тем, что при публикации текстов исследователь сохранил все особенности местного колорита, а в комментариях привел подробные сведения об исполнителях сказок. <...> Мотивы ряда народных сказок, записанных Чернышевым, можно обнаружить и в Пушкинских сказках. Например, в комментариях к сказке «Иван царевич и три девицы» исследователь указывает следующее «Сюжет царя Салтана, осложненный особыми мотивам: приобретение чудесного кремня, женитьба на волшебнице и др». [2, с. 4]

В сборнике представлены более тридцати сказок, собранных в пределах Арзамасского края Н.Д. Комовской. Данные сказки зафиксированы знатоком нижегородского фольклора в первой половине XX века. «В подробных комментариях Комовская передает атмосферу и ту бытовую обстановку 1930-х годов, в которой бытовали сказки» [2, с. 4]

Большую главу в сборнике «Народная поэзия Нижегородской области» открывает восемь сказок, собранные Виктором Михайловичем Потявиным, который в 1955—1961 годах возглавлял активную собирательскую и исследовательскую работу в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

Литература:

1. Сказки: В двух книгах. Книга первая/ Народная поэзия Арзамасского края / Сост. Ю.А. Курдин. — Арзамас: АГПИ, 2002. — 503 с.
2. Сказки: В двух книгах. Книга вторая/ Народная поэзия Арзамасского края/ Сост. Ю.А. Курдин. — Арзамас: АГПИ, 2003. — 701 с.
3. Ахметшин, Б.Г. «Рецензия на: Народная поэзия Арзамасского края. Сказки: В 2 кн. / Сост. и авт. проекта Ю.А. Курдин. — Кн. 1. — Арзамас: АГПИ, 2002. — 503 с.; Кн. 2. — Арзамас: АГПИ, 2003. — 703 с». // Традиционная культура 4 (24) / 2006. — с. 131—135.
4. Курдин, Ю.А. «Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11—1 (41). — с. 125—128.
5. Курдин, Ю.А. «Подвижники народоведения» // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7—1. с. 90—93.
6. Морохин, Н.В. «Арзамасские летописцы» // «Гудок», № 188, 7.10.2004.

Продолжает главу фундаментальный труд руководителя фольклорных экспедиций профессора В.Н. Морохина. Он обобщил «результаты многолетней собирательской работы в Большеболдинском и смежных с ним районах студентов Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского». [2, с. 4] А именно: 26 сказок Сергачского района, 15 сказок Большеболдинского района, 5 — Первомайского района, 3 — Перевозского, по 2 сказки из Краснооктябрьского и Лукояновского районов и 1 — Починковского района. Кроме того сказки делятся по разделам: «Сказки родного края», «Песни и сказки пушкинских мест», «Жили — были сказочники», «В некотором царстве». Радует то, что дана информация и о повествователях сказок. Их в этом разделе более двадцати.

«Под руководством В.Н. Морохина сделали первые исследовательские шаги составители сборников нижегородских сказок Н.В. Морохин и М.П. Шустов». [2, с. 4] 28 Нижегородских сказок представлено составителем, профессором Нижегородского университета Николаем Владимировичем Морохиним и 12 не менее ценных сказок — составителем, доцентом кафедры всемирной литературы Нижегородского педагогического университета Михаилом Парфеновичем Шустовым. «Включение в сборник сказок Арзамасского края многочисленных текстов, записанных В.Н. Морохиним и его учениками, — дань памяти выдающемуся исследователю и собирателю нижегородского фольклора». [2, с. 4]

Выход в свет двухтомника сказок Арзамасского края стал знаменательным явлением в современной фольклористике. Соб. корр. «Гудка» профессор Николай Морохин, сравнивая сборник «Сказок» с лаврентьевской летописью, отмечает: «Эту знаменитую летопись вернул нам Арзамасский педагогический институт. <...> Книги — лучшее, ценнейшее, что может дать институт жителям округа, которую здесь принято называть арзамасской стороной» [6]

В настоящее время готовятся к изданию третий том сказок региона, в котором будет представлен указатель сюжетов сказок Арзамасского края. Полное собрание сказок региона иллюстрирует богатую фольклорную традицию Нижегородчины.

Предания Арзамасского края: традиции и современное состояние

Кудряшова Дарья Борисовна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Любовь к Родине — это, прежде всего, любовь к родному краю. Как писал Д.С. Лихачев: «От малого к большому», от почитания своих корней и истоков — к патриотизму и уважению к Отечеству. Но можно ли почитать свои корни, если не знать их? Соответственно, важно ли сохранять памятники и тайники народной культуры?

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского уже 60 лет занимается не только сбором и исследованием, но и изданием и выпуском наиболее ярких и богатых примеров устной поэзии Арзамасского края. На нашей земле такая работа была начата П.И. Мельниковым-Печерским, А.В. Карповым, В.Н. Морохиным, М.П. Шустовым и другими [1, с. 29]. Но замысел Юрия Александровича Курдина, декана историко-филологического факультета, настолько обширный, что включает в себя проект издания 24-томного свода «Народная поэзия Арзамасского края». Нужно отметить, что шаги к достижению этого замысла уже были сделаны: два солидных тома народных сказок вышли в 2002 и 2003 годах, еще два тома из этой же серии появились в 2005 и 2006 годах, затем в 2010 году свет увидела книга «Песни Арзамасского уезда», а в 2014 — «Были и байки» [3].

Сборник «Предания» состоит из 2-х книг, подготовленных Юрием Александровичем и Людмилой Алексеевной Климовой, профессором кафедры русского языка и литературы. Первая книга — «Предания земли Арзамасской», вторая — «У народной памяти много слов». Все это — результаты работы фольклорных и диалектологических экспедиций и практик студентов, проводимых под чутким руководством составителей сборника. Материал, вошедший в сборник и объединенный в тематические циклы, расположен в хронологическом порядке и ярко отражает прошлое нашего родного края.

«Предания земли Арзамасской» содержат 222 предания, некоторые из которых представлены не в одном варианте, и разделены на несколько разделов.

В первом разделе представлены «легендарные предания», в которых, кроме достоверных фактов, содержится яркое повествовательное начало, присущее легендам и былинам [2]. Такие предания восходят еще к временам татаро-монгольского нашествия и основываются на языческом мировоззрении первых мордовских поселенцев. Так, например, предание «Почему в нашей местности много птичьих названий» ярко иллюстрирует легендарное повествовательное начало и мировосприятие древней мордвы. Предания о лебедушке Настеньке рассказывает нам о девушке-воине, потерявшей свою красоту в боях за родину, но сумевшей ее вернуть, испукавшись в озере Светлояре. Однако за чудесное превращение пришла расплата, и девушка превратилась в бе-

лого лебедя (№ 4). Сказочные мотивы присутствуют и в преданиях о невинно пострадавших Марии и Кате (№ 5,8). «Марьяна роща» (№ 6) повествует о семнадцатилетней девушке, которая, подвергшись домогательству от сына барыни, покончила с собой и возродилась кукушкой. Здесь тоже прослеживается мотив превращения девушки в птицу. А вот в предании «Катина яма» главная героиня от несчастной любви своей утонула в реке, и с тех самых пор на том месте стали тонуть молодые люди. Старики говорили, что «жениха своего ищет ... когда дождется, они и перестанут топиться». Так и произошло, а омут тот стали звать Катинной ямой. (№ 8).

Следующий раздел содержит собственно исторические предания, где превалируют фактологическая и информационная составляющая текстов [4]. Данный раздел в свою очередь делится на циклы или группы по историческим лицам или явлениям. Следует отметить, что социальная тематика является основной в данных преданиях. Начинается раздел с цикла о казанском походе Ивана Грозного, что связано с историей возникновения Арзамаса и района в целом. Отметим, что Иван Грозный является героем большинства фольклорных произведений XVI века. В мордовском фольклоре также широко представлены предания о казанском походе. Говоря об этом походе, стоит упомянуть о неприродных, а созданных людьми, курганах. Ведь курганы Ивана Грозного — это холмы и бугры, созданные на пути следования войска в Казань и обратно. В преданиях говорится о разных их ролях, но не каждая из этих версий может быть достоверной. Скорее всего, такие насыпи служили опорными пунктами наблюдения и ориентировали на местности. (№ 13а) Также они служили указателем места, помогали найти обратную дорогу. Возможно, курганы демонстрировали своеобразную мощь войска, и тем самым устрашая противников своими размерами. По народным представлениям основной функцией кургана считается наглядная демонстрация потерь от казанского похода, сравниваются огромные насыпи до похода с мелкими буграми, созданными остатками войска на обратном пути. (№ 13)

Вызывают интерес предания, отражающие противоречивое отношение мордвы к правящему царю и его приближенным. С одной стороны, мордва, уставшая от татаро-монгольского ига, встречает русское войско как освободителей. Но с другой стороны, когда русское войско начинает диктовать свои условия существования, они высказываются против. Предание «Как мордву крестили» как раз является ярким примером недовольства поселенцев. Но отметим, что это, пожалуй, единственное предание

о походе Ивана Грозного, где ярко выражена негативная оценка действий русского царя. В большинстве же своем, предания иллюстрируют примеры освобождения мордвы, где Иван Грозный изображен как заступник. «Беркин городок» повествует нам о защите русским царем мордовских поселений от разбойников (№ 18). Вся мордва встречала Ивана IV с почестями и добровольно пополняла ряды его войска. Однако в одной деревне образовался заговор, чтобы убить царя. Но одна из девушек решила предупредить Ивана Грозного, поплатившись за это жизнью. Царь приказал похоронить ее со всеми почестями, насыпав курган, который оказался таким большим, что стал называться Девичьими горами (№ 20). А девушка Меланья напоила царя водой, с тех пор колодец носит ее имя (№ 19).

Очень популярны предания о проводниках Ивана Грозного по топким болотам, непроходимым лесам, темным делям. Это три брата из деревни Балахна (№ 13), бортники Кужедей и Ерзя (№ 15), братья Арзай и Масай, в честь которых назван наш город (№ 17). Большую помощь оказали местные охотники, особенно из рода Холодай племени Голодай, который будучи «начальником царских охотников», обеспечивал пропитанием все войско. В честь этого события, был устроен пир под Нижним Новгородом, где царь провозгласил, что быть городу «под гербом оленя» (№ 16).

Следующие циклы посвящены «народным заступникам» — Степану Разину, Емельяну Пугачеву и Кузьме Рощину, ведь эти громкие имена так или иначе связаны с Арзамасом. Хотя сам Степан Разин и не побывал в наших краях, все же многие арзамасцы ему симпатизировали и были активными участниками его движений. Но не только мужчины, даже женщины-повстанцы присоединялись к его рядам. И предание «Монахиня-атаманша» (№ 28) повествует нам об этом. Алена Ивановна из Выездной слободы бежала из монастыря и вступила в один из отрядов Разина. Ее отряд появлялся неожиданно, наносил удары по царским войскам, не щадя никого, и ускользал из виду. Поэтому было приказано изловить атаманшу и «придать казни». Но царские воеводы взяли в кольцо отряд атаманши, а саму ее — в плен. Алена Ивановна была сожжена на костре, но в народной памяти осталась героиней, вступившей за народ.

Емельяну Пугачеву пришлось побывать у нас проездом, в связи с чем и появилось известное предание «Пугач и Салтычиха» (№ 35), повествующее о встрече народного предводителя с богатой тиранкой-крепостницей. Такой встречи, конечно же, не было, так как владелица имений Салтыкова отбывала тюремное заключение за жестокие казни своих крестьян. Но по народному

преданию, именно Пугачев наказал помещицу и, испугавшись его взгляда, Салтычиха умирает в мучениях.

Кузьма Рощин по преданиям больше похож на Стеньку Разина, эдакий «благородный» разбойник, что еще больше подчеркивает симпатию народа к заступнику. По преданиям Кузьма был «редким мастером» (№ 72), одним из кузнецов купца Баташова. Существует мнение, что Рощин — это выдуманная фамилия, так как разбойник после бегства скрывался в лесных рощах (№ 55). Согласно большинству преданий, Баташов был жестоким купцом, который морил голодом простых рабочих, не выпускал их даже на улицу, чеканил фальшивые монеты, по праздникам палил из пушек, рискуя жизнью людей. Но самая главная причина разбойничества Рощина — кровная месть купцу. Согласно преданию «О Васье Рощине — разбойнике» (№ 72), приглянулась Василию Ивановичу одна девушка, так ее из под венца Баташов увел. Тогда разозлился Рощин и ушел в леса богатых грабить. «Мстить им решил с лютой злостью». Но как-то на дороге Василию попался сам Баташов, тут последний пал на колени и стал слезно просить о пощаде. Рощин смилостивился, лишь «отобрал казну, да и отпорол Баташова как следует».

Третий раздел книги — географические или, конкретнее, топонимические предания. Их функция состоит в толковании происхождения названий объектов местности, но и сами названия могут происходить от каких-либо исторических событий. В таких случаях топонимические и исторические предания перекликаются так тесно, что пропадает возможность их четкой классификации. Например, предания об именовании населенных пунктов, где следовало войско Ивана Грозного, можно относить и к топонимическим, и к историческим преданиям. Топонимические тексты приводятся в неотредактированном изложении самих сельских жителей, со всеми диалектологическими особенностями местного говора, что передает нам местный колорит.

Особый интерес представляют гидротопонимы, то есть предания, объясняющие происхождение названий местных рек и озер. Чаще всего реки и озера представлялись людям в виде живых существ, что доказывают нам такие предания, как «Реки Пьяна и Вад» (№ 91), «Как речка в гости ходила» (№ 93), «Река Нукс» (№ 94), «Река Сережа» (№ 96б) и другие.

Собранные на наших землях материалы народной прозы представляют неоспоримый интерес для всех любящих Арзамасский край и тех, кто понимает всю важность сохранения духовных истоков для будущих поколений. Ведь недаром существует в народе пословица: «Без корня и трава не растет».

Литература:

1. Ахмедшин, Б. Г. Жанры преданий и легенд в трудах арзамасских фольклористов и диалектологов // Карповские чтения: сборник статей. — № 3. — АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2010. — с. 29–43.
2. Курдин, Ю. А. Мифологические рассказы арзамасского края // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46–47). с. 383–391.

3. Курдин, Ю. А., Пряников А. В. Рассказы — воспоминания в устной эпической традиции Арзамасского края // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 10 (14). с. 51.
4. Курдин, Ю. А. Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (41). с. 125–128.
5. Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В двух книгах: / Сост. авторы вступительных статей и комментариев: Л. А. Климкова, Ю. А. Курдин // АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2005. — 373 с.: ил. Номера преданий указаны по данному изданию.

«Вспыхнувший яркой звездой» (Размышления над поэтической строкой В. Васильева)

Маслобойникова Наталья Андреевна, студент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Вячеслав Лукьянович Васильев родился 23 ноября 1937 года. Молодой поэт работал рабочим-строителем, а все свободное время уделял поэзии. В. Васильев издал в областном издательстве два сборника: «Обращение к земле» и «Родник под березами». Также была и лирическая проза по названию «Детства солнечная сторона».

Одной из тем, проходящими красной нитью через творчество В. Васильева, была война. Детство арзамасского поэта пришлось на ту страшную пору, когда солдаты уходили на фронт. Уходили все и старики, и молодежь. Женщинам и детям приходилось работать на заводах. Трудное было время: голод, холод и полная разруха. Именно поэтому через стихи В. Васильева мы можем прочувствовать то, что он испытал.

Наиболее ярким воспоминанием в жизни маленького мальчика было прощание с отцом, который так и не вернулся с фронта домой. Этому событию посвящено стихотворение «Проводы», которое было опубликовано в 1966 году:

*Они на фронт уехали под утро.
И слезы мам на крохотный перрон
Упали так непрошено и крупно.
Отцы в боях сражались хорошо
И добыли победу в сорок пятом.
Но кто-то к сыну с фронта не пришел
И стал навечно бронзовым солдатом [1, с. 66–67].*

В стихотворении «Две очереди», опубликованном в 1963 году, поэт говорит о голоде, о хлебе которого не хватало:

*Наш городок не тронула война.
Она рычала на другой дороге...
Две очереди мне вспомнить довелось.
Одна — за хлебом:
Хлеба не хватало.
Другая за газетами в киоск...
Пять лет н свете.
Был я не герой.*

*Хотелось есть.
Хотя бы хлеба дали.
Но говорила ты, что хлеба нет...
— не надо хлеба,
Корочку хоть дай мне [1, с. 21–22].*

Еще одно стихотворение, посвященное хлебу, было опубликовано в 1966 году. В нем тоже есть отсылка к страшному, голодному времени:

*Когда в достатке хлеб ржаной,
Он не приметен в городе,
Хлеб поясняется нуждой,
А познается в городе...
Военный год.
Готовая отчаяться,
Она к прилавочку идет,
Идет и не кончается.
А там на чашечки весов
Поставлены сурово
Жизнь человека
И кусок*

Обычного, ржаного [1, с. 81–82].

Вячеслав Васильев рисовал красивейшие пейзажи словом.

В качестве примера возьмем стихотворение «Река», опубликованное в «Арзамасской правде» 11 декабря 1966 года и в дальнеконстантиновской районной газете «Советская деревня» 7 января 1967 года:

*Неудержима и светла,
От родникового начала
Она, как на свиданье, шла
И ожерелье звезд качала.
Мороз звенящей ночи ждал...
Она волной к нему прильнула.
Всего-то раз поцеловал...
Смутилась, стихла и уснула [1, с. 97].*

Стихотворение «Мороз», опубликованное в перевозской районной газете «Новый путь» 21 февраля 1976 года:

*Завил окно цветами тонкими.
На речке прорубь льдом задвинул.
В лесу поколдовал над елками —
Из каждой елки душу вынул.
Шоферы, садоводы слесари
Гадали, как бы с ним ужиться...
И лишь мальчишки были веселы,
Узнав, что завтра — не учиться [1, с. 252].*

В некоторых стихотворениях В. Васильева находила отражение и педагогическая мысль. Одним из таких стихотворений, является стихотворение «Конфеты», опубликованного в «Арзамасской правде» 20 февраля 1966 года и в дальнеконстантиновской районной газете «Советская деревня» 21 мая 1966 года. Это стихотворение очень показательно для взрослых. Перед нами образы мальчика и девочки, пред которыми стоит выбор: брать конфеты у «нового папы» или нет. Дети очень хотят съесть хотя бы одну конфетку:

*... Рука тянулась поминутно
К очарованию конфет,
И удержаться было трудно —
Дразнил их аромат и цвет [1, с. 50].*

Но души мальчика и девочки не могут предать родного и любимого отца. Ребятам до слез стыдно за поступки взрослых:

*... У стола, где были дети,
Не нарушалась тишина.
Девчонка — та была сурова.
Мальчишка был темней земли.
И предавать отца родного
Их души просто не могли.
И было им за взрослых стыдно,
И так мучительно сейчас,
Что слезы, жгуче и обидно,
Плеснулись возле синих глаз [1, с. 50–51].*

Но главная мысль этого стихотворения состоит в том, что детей нужно оберегать и любить чистой любовью, без подкупов и лживых фраз, потому что дети всегда чувствуют вранье взрослых. К этой мысли нас подводит девушка ребяткишек:

*Дверь в это время отворилась,
И дед, в снегу, шагнул в тепло.
Он сразу понял, что случилось.
Он понял, что произошло.
И, снег стряхнув с ушанки серой,
Проговорил угрюмый дед:
— К сердцам дорогу ищут сердцем, а не при помощи конфет [1, с. 51].*

Обычно о В. Васильеве говорят как о поэте. Но он также был и мастером прозы. Но, к сожалению, его проза

почти не публиковалась. Только недавно «Арзамасская сторона» напечатала его очерки «Детства солнечная сторона», которые хранят в душе тепло детских воспоминаний:

«По утрам первой просыпалась бабушка. По деревенской привычке вставать еще затемно, она подходила к окну, крестилась на крест Воскресенского собора, еле проступающего из мглы. Потом будила мою мать. Провожала ее на работу. А сама начинала убираться. И под руками у нее, бывало, и ложка не звякнет, ни веник не шаркнет. Это — чтобы меня не разбудить.

Кончив уборку, она шла занимать очередь за хлебом. Мрачная тишина еще лежала в заснеженном городе. Темные подворотни и зашторенные окна домов недобро глядели на бабушку, но она уже отвыкла от страхов, и, мимо проходя, не обращала на них внимания. Зато зорко смотрела, не стоит ли у столба колхозная лошадь, не жует ли душистое сенцо. Если стоит, надо потом подобрать сенные объедки — пригодятся козе. Щепка ей по дороге попадалась или чурка какая — она их брала с собой. Это — в печь пойдет [1, с. 381].

... Бог мирит ее с тяготами нашей жизни. На праздники, или, когда ей особенно тяжело, она идет к нему в церковь, в блеск ее свечей и икон...

Поздно вечером приходит с работы усталая мать. Мать с одного взгляда угадывает, как проходил наш день. Кто из нас сегодня сыт, а кто голоден. Она глядит на меня укоризненно, на бабушку сердито. Но бабушку мою не так-то просто взять гольми руками. Бабушка спокойно выдерживает материн взгляд, а затем убежденно заявляет:

— Ты что? Аль забыла? Ведь Рождество завтра. А ныне — до первой звезды говеть надо.

Когда где-нибудь на стройке я вижу, как трава выбивается из-под завалов камней, как жизнь толкает ее к солнцу, а камни давят и жмут к земле — я вспоминаю свое детство.

Вот таким же и оно было. И так же, как эта трава, развивалось слабосильно, искривленно и уродливо. И взрослые, как ни ухитрялись, ничего тут поправить не могли» [1, с. 382–383].

Если учесть, что этот рассказ — воспоминание 5–7 летнего мальчика о событиях войны, то это произведение нам дороже любого учебного пособия, потому что война перед нами предстает глазами маленького мальчика.

Выход в свет собрания сочинений арзамасского поэта Вячеслава Лукьяновича Васильева стало значительным событием в культурной жизни нашего региона.

Литература:

1. Васильев, В.Л. Свидание с юностью: собрание сочинений / Сост., предисл., комментарий. А.А. Исаков, Ю.А. Курдин; науч. ред. А.В. Пряников; Арзамасский филиал ННГУ, Арз. отд. СП России. — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015—513 с. — 13 с. илл. — (Питомцы музыки арзамасской).

2. Курдин, Ю. А. Арзамас военной поры в произведениях В. Васильева / Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов XIII Региональной научно — практической конференции (3 декабря 2015 года). Выпуск XII / под общ. ред. В. И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНУ, г. Арзамас. — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. — 282 с. +30 с. ил., с. 200–203.

Личность и творчество П. И. Мельникова-Печерского в оценке И. В. Кудряшова и Ю. А. Курдина

Охлопкова Екатерина Андреевна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Личность и творчество П. И. Мельникова-Печерского — выдающегося писателя-реалиста второй половины 19 века — и сегодня привлекают к себе внимание читателей, прежде всего, точным знанием системы ценностей народа, отражённой в быте и фольклоре, горячей любовью ко всему исконно русскому. Действительно, писатель воплотил в своих литературных трудах общественно-исторические события поистине тяжелого времени, а также, описав духовные традиции и обычаи народа, сумел раскрыть истоки национальной аксиологии [3, с. 69–74].

П. И. Мельников-Печерский был высоко оценен современниками: Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым др. В советское время о нем не раз говорили, как об одном из крупнейших знатоков русского языка и обычаев старины, однако полностью отрицая мысль о собирательской деятельности и личных фольклорных записях писателя [10, с. 213–217]. Все были убеждены, что в результате книжного фольклоризма был создан превосходный роман-диалогия «В лесах» и «На горах».

В современном литературоведении вокруг художественного наследия писателя не утихают споры, среди которых вопросы об особенностях жанра, композиции, стиля диалогии «В лесах» и «На горах», мастерстве использования художественных средств [9, с. 411–415]. Решение этих ключевых проблем в контексте фольклоризма П. И. Мельникова вне сомнений поможет уяснить современному читателю формирование основ художественного сознания писателя и по достоинству оценить вклад Мельникова в историю русской литературы и фольклористики.

Для освещения значимых и спорных вопросов личности и творческого наследия П. И. Мельникова-Печерского преподавателями Арзамасского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского Кудряшовым И. В. (кандидат филологических наук, доцент) и Курдиным Ю. А. (кандидат филологических наук, доцент) была издана монография «Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского».

В монографии рассматриваются значимые вопросы личности и творчества П. И. Мельникова-Печерского

как раннего, так и позднего периода. Особое внимание в книге уделено становлению П. И. Мельникова как писателя-реалиста и видного фольклориста второй половины 19 века [1, с. 5–10]. Обращение к поэтике диалогии «В лесах» и «На горах» — вершине творчества писателя-позволяет проследить эволюцию художественного мастерства Мельникова и открыть читателю новые грани таланта писателя.

Научный труд Кудряшова И. В. и Курдина Ю. А. «Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского» состоит из 5 глав, содержит приложение — две автобиографии П. И. Мельникова, а также библиографический список основной литературы по творчеству писателя, который дает возможность читателю глубже окунуться в актуальные проблемы современного мельникововедения.

В первой главе «Художественное наследие П. И. Мельникова» авторами была тщательно изучена критика различных литературоведов относительно трудов П. И. Мельникова. Были проанализированы статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Пыпина, С. Венгера, А. И. Богдановича, Н. А. Янчука, А. А. Измайлова, А. В. Маркова и др., отражающие их отношение к творческому наследию Мельникова. Все это помогло авторам монографии прийти к выводам о том, что проблема литературно-фольклорных связей в творчестве писателя, прежде всего в диалогии «В лесах» и «На горах», изучена недостаточно глубоко и полно, но имеет принципиальное значение для оценки Мельникова в контексте истории русской литературы второй половины 19 века. В исследованиях, посвященных творчеству Мельникова-Печерского, по мнению Курдина Ю. С. и Кудряшова И. В., мало внимания уделено идейно-эстетическим функциям фольклорных элементов [8, с. 125–128].

Авторы монографии говорят о том, что русские фольклорные прецедентные тексты, широко используемые в диалогии П. И. Мельникова-Печерского, непосредственно формируют представление о двоеверии, то есть совмещении в мировосприятии языческих и христианских представлений. Русские духовные стихи, занимающие основное место во 2-й части диалогии, выполняют разноо-

бразные художественные функции: характеризуют образы, подчеркивают душевное состояние героев, а также выражают авторское художественное сознание [4, с. 122–124].

Во второй главе «От «Красильниковых» к дилогии «В лесах» и «На горах» авторы описывают периоды творчества П. И. Мельникова и дают оценку основным его произведениям. Также представлена подробная характеристика героев литературных трудов Мельникова, приведены цитаты, отражающие основные идеи произведений. Не остаются без внимания и изобразительно-выразительные средства и приемы, используемые П. И. Мельниковым, анализируются их функции и свойства.

«Если в начале 40-х годов, — рассуждает Ю. А. Курдин, — начинающий литератор вводил народно-поэтические элементы в словесную ткань беллетристических произведений внешне механически, упрощенно, то в произведениях 50-х годов, а затем в дилогии, народная поэзия оказывается органически сплавленной с содержанием и стилем произведений, становясь полноправным компонентом поэтики» [2, с. 138–139].

«Писатель обогатил сказ, создал целую систему неповторимых эпитетов и метафор, выявил эстетическую ценность русского фольклора, описывая народным языком обрядовую поэзию, установил точность исторических языковых описаний в портретах персонажей, дал великолепные образцы устной народной речи», — пишут Ю. А. Курдин и И. В. Кудряшов в созданной монографии [6, с. 132].

Анализ показал, что портрет, являясь неотъемлемой частью единой художественной системы произведения и одним из средств характеристики литературного персонажа, активно участвует в создании целостных образов на страницах дилогии П. И. Мельникова-Печерского.

Составители монографии выявили то, что в создании целостного образа героя романистом используются разные типы портретных описаний, образующих собственную систему, все части которой находятся в определенных отношениях между собой [5, с. 118–120]. Характер связей элементов этой системы носит самый разнообразный характер: взаимодополнения и взаимоисключения, соответствия и контраст и т. д.

В третьей главе «Ученый и художник» автор приходит к выводам о том, что процесс формирования эстетических взглядов Мельникова неотделим от общественного движения и литературно-художественной практики его времени, поэтому и предпосылки становления фольклоризма писателя нужно усматривать, прежде всего, в идейных исканиях 30–40-х годов 19 века.

Также Ю. А. Курдин и И. В. Кудряшов считают, что «избрав основным местом действия дилогии Нижегородский край, в силу исторически сложившихся причин ставший к середине 19 века крупнейшим культурным и торгово-промышленным центром, Мельников стремился отразить в произведении судьбу всей страны в сложный, переломный этап ее развития» [11, с. 110–112]. Именно с этой целью, по мнению Ю. А. Курдина, автор «вплывает» повествование о быте нижегородцев в рамки общерусской жизни, используя фольклорно-этнографический материал, почерпнутый из уст народа, сборников и трудов современных ему фольклористов и этнографов. Авторы монографии уверены, что столкновение двух миров в переломные для русского общества 50-е годы определило организацию композиции дилогии на философском уровне: национальная жизнь в прошлом — «В лесах» и национальная жизнь в настоящем и в будущем — «На горах», — и предопределило судьбы героев произведения.

В четвертой («Вершина мастерства») и пятой (Народнопоэтическая основа «В лесах» и «На горах») главах говорится о том, что обильный фольклорно-этнографический и лексический материал, находясь в полном соответствии с многообразием выражений народной жизни, показанной в произведении, не носит иллюстративный характер, как в обычном «этнографическом» сочинении. Фольклор является, с одной стороны, нераздельной частью того жизненного материала, который составляет основу книги, а с другой — важным художественным средством [7, с. 250–252].

Ю. А. Курдин утверждает, что именно проблематика народной жизни, многостороннее исследование корней основ русской действительности помогли писателю обрести свой путь в литературе и выйти из мировоззренческого тупика начала 60-х годов и затем, от псевдонаучной книжки «О русской правде и польской кривде», шагнуть к большому реалистическому полотну, отразившему российскую действительность.

Исследование дилогии «В лесах» и «На горах» в контексте творчества писателя позволило авторам монографии вскрыть не только особенности мастерства П. И. Мельникова-Печерского, но и проследить сложный процесс становления его художественного сознания.

Таким образом составители монографии совершили колоссальную работу, исследовав с разных сторон жизнь и художественное наследие П. И. Мельникова-Печерского. Их труд вне сомнений поможет уяснить современному читателю формирование основ художественного сознания писателя и по достоинству оценить вклад Мельникова в историю русской литературы и фольклористики.

Литература:

1. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Дилогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского: Монография. — Арзамас: АГПИ, 2002. — 302 с.
2. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Проблемы изучения творческого наследия П. И. Мельникова-Печерского // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы Всероссийской научно-практической конфе-

- рениции «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. К 100-летию со дня рождения писателя» г. Арзамас, 21–23 октября 2004 г. — Арзамас: АГПИ, 2004. — с. 138–154.
3. Кудряшов, И. В. К вопросу о философской проблематике романа-дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов. // Православие и русская литература: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Православие и русская литература. Вузовский и школьный аспект изучения» г. Арзамас, 22–24 мая 2003 г. — Арзамас: АГПИ, 2004. — с. 69–74.
  4. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Старообрядческое Заволжье в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». // Старообрядчество: история, культура, современность: тезисы научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» г. Москва, 24–25 апреля 1996 г. Вып. 6. — М., 1996. — с. 122–126.
  5. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Путь от гордыни к смирению (философия и поэтика образов дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах») // Художественный мир русского романа. Новые аспекты изучения в вузе и школе. Вып. 1: сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ, 1997. — с. 118–128.
  6. Кудряшов, И. В., Курдин Ю. А. Эстетика и поэтика народной поэзии в портретных описаниях персонажей дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сб. науч. тр. — Арзамас: АГПИ, 2001. — с. 130–140.
  7. Кудряшов, И. В. Гармония «ума» и «сердца» в философии дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / И. В. Кудряшов. // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: материалы Международной научной конференции г. Волгоград, 21–24 октября 2003 г.: В 2 ч. — Часть I. — Волгоград: Перемена, 2004. — с. 250–254.
  8. Курдин, Ю. А. Традиционная культура Арзамасского края в её историческом становлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (41). — с. 125–128.
  9. Курдин, Ю. А. Фольклорная сокровищница России // Личность. Культура. Общество. 2007 № 2. — с. 411–415.
  10. Курдин, Ю. А. Подвижники народоведения // Мир науки, культуры, образования. № 7–1 / 2009, с. 213–217.
  11. Курдин, Ю. А., Пряников А. В., А. С. Гациский и П. И. Мельников о проблемах демографии Нижегородской губернии в 60-е годы XIX века. Сборник статей по материалам V Международной научной конференции, 2015, с. 110–115.

«Очерки народного самоуправления» А. В. Карпова в народнической литературе 1870-х гг.

Сидорова Ольга Борисовна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В рамках отечественного литературоведения принято понимать народничество традиционно понимается как особое художественное явление. Это понятие в период 1870–1880 гг. характеризовало не только общественно-политическое движение, но и кардинально новое направление литературной мысли, которая стала творческим отражением русской пореформенной действительности. Согласно мнению академика А. Н. Пыпина, народническая литература ярко иллюстрирует исторический этап в истории России, «когда народная жизнь потеряла устойчивость и менялась на глазах наблюдателя как перед тем не менялась целую сотню лет» [8].

Специфичной чертой литературы этого периода стала актуальная проблематика, которая базировалась на двух основных вопросах: какова судьба народа и каким представляется дальнейший путь развития страны? Многие писатели-народники (в частности, Г. И. Успен-

ский, П. В. Засодимский, Н. Н. Златовратский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, С. М. Степняк-Кравчинский и др.) дают читателю возможность в своих публицистических произведениях найти верный ответ. Именно литературные деятели той эпохи сумели на базе предшествующей традиции развить поистине народнический характер русской литературы.

Одним из таких фундаментальных авторов народнической мысли справедливо считается А. В. Карпов, творчество которого поражает тем, что оно гармонично совмещает в себе художественные картины и страстную публицистику, исследовательский аспект в изучении деревенского уклада и глубоко философскую проблему русской действительности, которая актуальна и в XXI веке.

Особое внимание в этом контексте следует уделить «Очеркам народного самоуправления» А. В. Карпова, которые опубликованы в книге «Кустарные промыслы Ни-

жегородской губернии». Данная статья повествует о не легкой жизни крестьян, знаменуя тем самым «новый этап его литературной деятельности». По мнению Ю. А. Курдина, очерки стоят «несколько особняком в его творчестве... От статистического обзора местностей и промыслов он перешёл к художественному осмыслению действительности» [3].

Впервые статья была издана в «Нижегородских губернских ведомостях» в 1886 году. Согласно утверждению А. С. Гациского, главная заслуга А. В. Карпова заключалась в том, что он смотрел на крестьянский мир без доли превосходства, не изображал глупость мужицкого общества, не смеялся над русскими пороками, в то же время не стремился идеализировать деревенскую действительность, а «смотрел... научно» на сельский уклад жизни. Заметим, что именно стремление правдиво нарисовать провинциальное бытие заставило писателя выбрать в качестве формы повествования жанр очерк.

Как известно, под очерком, с литературоведческой точки зрения, понимается такое произведение, основное содержание которого заключается не в развитии и результате конфликта, а в описании объекта наблюдения (социального явления, общественной среды). Характерным признаком этого жанра является создание «портрета» с натуры [4]. Следовательно, особое внимание к современным той эпохе социальным процессам легло в основу разработки очерка, представляющего собой злободневную картину действительности села Кирилловки. Сочетание художественных картин и публицистики в рамках произведения говорит о том, что перед нами именно народнический очерк.

Если рассуждать более детально, то в этой статье представлены типичные образы деревенских жителей, которые принадлежат к разным сословным классам, а именно бедные крестьяне и зажиточные люди. В свою очередь сама композиционная структура очерков представлена в виде трех глав: «Сельский мир», «Типы общественных деятелей», «Должностные лица», что также отражает социальную и управленческую иерархии [5].

Первая глава «Сельский «мир» повествует о жизни сельчан, об их традициях, нравах. Кроме того, особое внимание уделяется описанию географии села, своеобразной карте местности: «Например, Кирилловка, одно из подгородных селений Арзамасского уезда, состоит из двух улиц, разделённых речкою; одна, меньшая, улица называется Околицей, другая, собственно Кирилловка, Селом; посредине её находится церковь. Последняя улица разделяется на три части: Конец, Серёдка и другой конец, называемый Скучихой». Следует заметить, что оним Скучиха (судя по всему, производное от «скука»), исходя из контекста, имеет весьма неожиданную семантику, основанную на оксюмороне: «в Скучихе народ отличается весёлостью; скучишные мужики... весёлые шутники, пьяницы и песенники» [2]. Таким образом, наблюдается парадоксальность при сопоставлении внутренней семантики слова и значения наименования части села, традици-

онно сложившегося в народном понимании. Это говорит о том, что противоречивость, характерная для русского менталитета, проявляется и на языковом, ономастическом уровне.

Как уже было подчеркнуто ранее, для А. В. Карпова было крайне важно правдиво изобразить жизнь арзамасской провинции. Писатель пытается отойти от выражения субъективной оценки, стараясь придать излагаемому не просто документальный, достоверный, а естественный, повседневный характер. Именно поэтому А. В. Карпов в рамки детального описания схода (куда включалась информация не только о количестве присутствующих, их социальном положении, общей процедуре принятия коллективного решения, но и об объеме выпитого) помещал диалоги между старостой и жителями села:

« — Вот, старики, прежде я держал у себя расправу, теперь больше держать не хочу, — говорит староста в то время, когда шум потихоньку утихает.

— Что же? Воля твоя: любо — держи, не любо — как хочешь, — отвечает Иван К., речистый и бойкий мужик.

— Знамо дело так... — замечают несколько голосов из среды сидящих на лавках» [2].

Цель использования приема диалога в очерке заключается в том, что А. В. Карпов, будучи непосредственным участником описываемых событий, иллюстрирует устройство народной системы самоуправления посредством репрезентации живых ситуаций, живых судеб, живой речи. Особенности наречия жителей Кирилловки отражены в самом тексте:

« — А что, сваты, давайте купаться? — вскричал подгулявший Никифор.

— Что ты, сват? В такой-то холод...

— А что тут за холод! По-нашему вот как!» [2].

Как известно, «слово, в частности диалектное, отражает различные стороны человеческой жизни и деятельности, становится универсальной единицей народной памяти, содержит в себе знания об отношениях людей, разнообразных видах их взаимодействия, о том, чем наполнена жизнь как отдельного индивида, так и нации в целом» [6]. Из этого следует, что не только данные архивных документов, но и слово очевидца помогает создать условия для объективного восприятия информации читателем.

Кроме того, автору «Очерков народного самоуправления» удалось передать не только слово своего современника, но и его отношение к жизни, его миропонимание, его систему ценностей. Особенно показателен в этом отношении образ Иван Кар-ва, брата старосты Никифора, а конкретно его монолог при встрече с автором: «Вот, Андрияха, иду я, пьяный, дорогой; иду, да и думаю: что наша жизнь? Что хорошего-то в ней? Плевка не стоит... Целый век живёшь, работаешь, работаешь, а всё-таки будто не работал, всё нет ничего, только чуть-чуть с голоду-то не помрешь... Был я, братец, на стороне: видал разные города и сёла — ведь есть же, братец ты мой, жизнь лучше нашей... А в нашей проклятой Кирилловке... глаза бы на

неё не глядели, бежал бы из неё куда-нибудь в преисподнюю!.. Чай, и там житьё-то лучше нашего» [2]. Можно заключить, что в этих строках заложена житейская суть русского мужика: тяжелый каждодневный труд, вечный поиск лучшей жизни «на стороне». В качестве жизненного девиза для него может выступать русская пословица «Там хорошо, где нас нет». Однако никогда не променяет Иван родную Кирилловку на чужие просторы. Здесь источник его веры — «белая колокольня с золотым крестом, который огненным блеском отливала на солнце». Это не только показатель религиозности и патриархальности русского менталитета, это своего рода ориентир в жизни человека тех лет. «Вот она, наша матушка, какой красавицей стоит!.. Белая, высокая; а крест так и светит, так и светит — глядел бы на неё...» [2]. Следует отметить, что внимание героя дважды акцентируется именно на кресте: сначала в рамках описания церкви, потом непосредственно в прямой речи. Возможно, это связано с тем, что крест рассматривается не только как 'предмет христианского культа', но и реализует своё переносное лексическое значение 'тяжёлая доля, судьба, испытания, стра-

дания'. Иван подсознательно понимает, что все трудности жителей села — это единый крест, который они должны нести ради общего блага. Согласно данным словаря символов, в христианском миропонимании крест означает также 'спасение через жертву Христа, страдание, веру, искупление' [7]. В связи с этим, можно предположить, что крест как реальность действительности, как значимая деталь художественного текста символизирует надежду на спасение всего русского народа от тяжких горестей и жизненной неопределенности на примере жителей одного, казалось бы, неприметного села Кирилловка.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что «Очерки народного самоуправления» А. В. Карпова являются уникальным памятником литературы 70-х гг. XIX века. Следует подчеркнуть, что особая форма изложения документального содержания (с включением в контекст приема диалогизации, с сохранением речевых особенностей говорящих) позволяет сделать язык и сюжет очерков в высшей мере естественными, придать художественному произведению «портретное сходство» с реальной жизнью людей того периода времени.

Литература:

1. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. — М.: Дрофа, Русский язык, 2000. — 1233 с.
2. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии / ред. — сост. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; научн. ред. Е. П. Титков; АГПИ. Арзамас: АГПИ, 2012. 379 с.
3. Курдин, Ю. А. Подвижники народоведения / Ю. А. Курдин // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 7—1. — с. 90—93.
4. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3536/D0%9E%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA (дата обращения: 11.04.16).
5. Маринин, А. В., А. В. Карпов: страницы жизни и творчества / А. В. Маринин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7 (25), ч. 1. — с. 127—129.
6. Никифорова, О. В. Языковая коммуникация: между традицией и современностью (на примере исследования диалектной лексики нижегородских обрядов) / О. В. Никифорова // Мир коммуникаций (сборник научных трудов). — 2015. — с. 14—18.
7. Словарь символов [Электронный ресурс] URL: <http://enc-dic.com/symbol/Krest-382/> (дата обращения: 11.04.16).
8. Чеботарёва, Е. Г. Народническая литература как художественное явление [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philologia/8_86704.doc.htm (дата обращения: 11.04.16).

Христианские легенды и народное православие южных районов Нижегородской области

Суздальцев Иван Андреевич, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В последнее время с восстановлением православных традиций в России возрос интерес фольклористов и к народному православию, которое находит свое отражение в христианских легендах, активно бытующих на территории Нижегородской области.

Сам термин «народное православие» ввел А. А. Панченко, который в своей книге «Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России» предложил использовать именно данную терминологию [4]. Критикуя термин «двоеверие»,

А. А. Панченко отмечал, что его использование оправдано лишь тогда, когда речь идет об ортодоксально-догматическом взгляде на проблему народной религии. Он считал, что нельзя переводить христианское представление о народной религии в научную дисциплину.

Примером подлинного народного православия могут считаться народные предания, приведенные в исследовании Курдина Ю. А. «Природные святыни в народном православии Арзамасского края» [1]. Известный фольклорист подробно анализирует в своей работе культы вводных святынь и культы особо почитаемых камней, упоминая также и несколько легенд, которые могут служить примером культа земли и культа деревьев. В этих записанных исследователем историях мы видим, что, например, источник становится святым для жителей села не сам по себе, не потому что он часть природы, которая является чем-то сакральным, а потому что с ним связано чудо появления иконы Ильи Пророка. Также и камни, и деревья, которым поклоняются местные жители, в других записанных преданиях, чтутся не сами по себе, а потому что связаны с явлением Богородицы или житием, предсказанием того или иного святого.

Многие легенды Арзамасского края, пересказанные Ю. А. Курдиным в работе «Местные святыни в устной народной традиции» [2], связывают происхождение святых ключей и родников с культом преподобного Серафима Саровского: например, легенды о вадских ключах. Но если эти сюжеты о явлениях батюшки Серафима распространены в Арзамасском крае, то сколько их должно быть в южных районах Нижегородской области, а именно на земле, непосредственно прилегающей к Дивеево и Сарову.

Почти каждый посещаемый родник ближайшей округи Сарова (например, на Хитром, у Кременок или на месте Курихинского монастыря) так или иначе связывается с именем Серафима Саровского. Например, более поздняя легенда о связи происхождения названия родника Явленный в селе Кременки с восстанием Степана Разина и явлением в незамутненной воде родника лика Божьей Матери вытесняется современным и более популярным преданием о явлении Серафима Саровского жителям села Кременки.

Однако есть только один единственный родник на Ближней пустынке в Сарове, который действительно исторически связан с преподобным старцем.

«Изначально источником преподобного Серафима считался только родничок на Ближней пустынке (где ныне построена церковь Сошествия Духа возле). Когда-то, ещё в XIX веке, здесь явилась батюшке Серафиму Сама Богородица. Открылась старцу целебность того родника, издавна называемого Богословским (во имя Иоанна Богослова). К концу жизни старец Серафим стал приходить сюда в разрешённое дневное время. Преподобный стал принимать людей, беседовал с ними и исцелял их той родниковой водой. Со временем стали именовать источник Серафимовским. После закрытия монастыря

с тем источником долго боролись комиссары и богосборцы. Рассказывали, что хотели засыпать этот источник, чтоб люди не ходили сюда толпами. Подогнали трактор, но тот заглох. Поехали за деталью к мотору, а трактористу явился старичок и попросил: «Василий, не засыпай мой источник». И уж потом никто не смог Васю уломать засыпать родник. Да и начальнику, что приказывал Васе, не фартило больше в жизни. Однако всё же с годами понижение общего уровня воды привело к исчезновению родника» (по рассказам Мавлихановой Елены Алексеевны, сотрудника научно-духовного центра Свято-Успенского мужского монастыря «Саровская пустынь»)[3].

И вот тут важно отметить принципиальное различие между двумя видами произведений: христианскими легендами и рассказами в духе народного православия. Первые имеют под собой реальные исторические события из церковной жизни, которые нашли свой отпечаток в памяти народа и дошли через устные рассказы, а источником вторых является не историческое событие, а именно живое православное сознание народа и повествуют эти сюжеты больше о природных явлениях и культах стихий. В работах Ю. А. Курдина приведено несколько преданий, связанных с одним из святых мест юга Нижегородской области — Царским скитом, расположенным на окраине посёлка Лесозавод (ныне Прибрежный) на юге Первомайского района, примерно в 30 км от Дивеева, на границе с Мордовским заповедником. Эти произведения говорят о чудесах, связанных с этим местом: о чудесном голубом сете, не обжигающем руки, о слышимом паломниками колокольном звоне и пении ангелов, о явлении во время молебнов лесных птиц и зверей и т.д. Несомненно, эти рассказы — проявления именно народного православия.

Но сама история Царского скита — одна из главных христианских легенд нижегородского края последнего времени. Она берёт начало в 19 веке и напрямую связана с возникновением, развитием Серафимо-Понетаевского женского монастыря при селе Понетаевка Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Архивные документы, мемуарные источники доносят до нас скупые сведения, проливающие свет на события той давней поры, которые дают представление о зарождении скита и появлении «царского следа» в его названии. Но нигде, сразу отметим, не упоминается, нет даже косвенных подтверждений, что кто-либо из императорских особ когда-либо посещал в XIX—XX веках это место в глубинке Самодержавной России, именуемый Царским скитом, или Царской дачей. Хотя есть ряд сайтов, на которых как исторический факт утверждается, что царь и императорский двор не только покровительствовали монастырю и скиту, но и приезжали на отдых, молились, ходили на ближние и дальние камни Серафима Саровского. Скит посещали Александр II, царь Александр III, царь Николай II и царица Александра, цесаревич Алексей, цесаревны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия и др. Первый, кто посетил эти места еще до образования Царского скита, при жизни преп. Серафима, был царь Александр I.

Местные жители это отрицают, соглашаясь лишь с утверждением, что монашествовавшие Царского скита были из дворянского рода, царского, а также царские дворовые, няньки и бедные девицы.

Достоверно известно, что Государь Александр II, после официального утверждения в 1864 году Серафимо-Понетаевской Скорбященской женской обители, пожаловал в обитель землю полевую, луговую и лесную, мерою 597 десятин (650,7 гектара). Государыня Императрица изволила пожертвовать в пользу общины 1500 рублей. На земле, пожалованной Александром II, в густом лесу, в 12 верстах (12,8 км) от Сарова стал обустраиваться женский скит Серафимо-Понетаевского монастыря на хуторе, получившем название Царская дача. Возле скита был вырыт колодец, который местные старожилы именуют тоже Царским, поскольку, по преданиям он был вырыт по прямому указанию Александра II.

По некоторым сведениям, царь Николай II, продолжая родовую традицию, так же, как и его предки, по наследству проявлял заботу о содержании и благоустройстве Царского скита. По-своему знаменательно, что Священное Коронование Николая II состоялось 14 (27) мая 1896 года в день празднования Серафимо — Понетаевской иконы Божьей Матери «Знамение». Специально по заказу для этого торжества монахини живописцы Серафимо — Понетаевского монастыря написали иконы Небесных Покровителей Августейшей Четы — Николая Чудотворца и Царицы Александры, которыми их благословили на Царский Престол. Долгожители окрестных селений до сего дня из поколения в поколение передают предание о том, что сёстры Введенского скита на Царской даче поставляли для Императорского Двора отборные и чистые в здешних краях ягоды, грибы и прочие продукты сельскохозяйственной деятельности.

В 1891 году на монастырском хуторе Царская дача епископ Нижегородский Владимир совершил закладку каменной церкви, на углах которой были заложены кирпичи с дальней пустыньки преподобного Серафима Саровского. Храм был освящён в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Таким образом стал обустраиваться Введенский скит Понетаевской обители, где сёстры занимались в основном сельским хозяйством. Со временем из-за «царской родословной» скит стали называть по преимуществу Царским.

В мае 1885 года в Серафимо-Понетаевском женском монастыре совершилось необыкновенное явление, преобразившее чудесным образом всю духовную жизнь обители и её скитов. Великим чудом стало обретение чудотворной иконы «Знамение» в Серафимо-Понетаевской обители. О многочисленных исцелениях, происходивших от святого образа «Знамение», доносила игуменья монастыря Евпраксия преосвященному Модесту, епископу Нижегородскому и Арзамасскому. Так, 22 мая девочка из села Панова Анисья Лаврова получила исцеление от болезни глаз. Крестьянский сын Василий За-ренков, 15 лет от роду, села Мамлёва Лукояновского

уезда, получил прозрение в левом глазу. Мужчина из села Панова, расслабленный, получил исцеление, и ещё многие другие удостоились великой милости от Богоматери. Чудотворение от иконы «Знамение» под присягой были подтверждены как исцелёнными, так и очевидцами исцелений. Среди свидетелей были сын историка, автора «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина — Александр Николаевич Карамзин с женой Натальей Васильевной, а также исцелённый от болезни почек академик живописи П. С. Сорокин, который руководил иконописными мастерскими Понетаевской общины. Святейший Синод указом 27 сентября 1885 года признал чудотворность святой иконы, и она со славою была возвращена в обитель и поставлена в храме Живоносного Источника.

После революции Царский скит, как и многие другие церкви и монастыри, стали разорять большевики. Послушницы и монахини вынуждены были бежать и скрываться. Многие из них нашли временное убежище в Кошелихе. Михеева Татьяна Григорьевна, жительница села, рассказывает, что беженки принесли со скита много старинных икон, жили они в домишках по 2—3 человека, молились, помогали жителям по хозяйству, крестили новорождённых, отпевали усопших, этим и зарабатывали на хлеб.

В 1918 году в Кошелихе разгромили церковь местные Советы — так называемая власть — председатель Сельсовета Екатерина с двумя мужчинами влезла на крышу церкви и скинула с купола крест. Впоследствии все они расплатились своим здоровьем и жизнью. По словам Михеевой Т. Г., одного мужчину вскоре сбил насмерть грузовик, а второй упал в колхозе в чан с горячей бардой и от сильных ожогов почти сразу умер, сама же Екатерина, именуемая в народе Катей Пестрой, проткнула чем-то нечаянно глаз и окривела.

Из полуразрушенной церкви верующие жители поставались украдкой вынести и спрятать, сколько возможно было икон. Оставшиеся иконы и церковная утварь были сожжены разбушевавшимися советами. Среди укрытых ценностей была огромная деревянная икона Николая Чудотворца. Её сохранили две монахини, бежавшие с Царского скита. По рассказам очевидцев однажды в келью к женщинам зашла толпа ребятишек (они часто посещали монахинь, так как те славились своей добротой и гостеприимством и угощали детей пареной в печке калиной с топлёным козьим молоком). Одна приезжая девочка, внимательно разглядывая икону Николая Чудотворца, вдруг узнала в нём дедушку, который однажды успокаивал её плачущую от обид мачехи на улице. Дедушка с огромной деревянной иконы и сейчас смотрел на детей своими ясными голубыми глазами и как будто хотел им сказать — «Всё будет хорошо, я с вами». Когда женщины — монахини умерли, икона эта внезапно исчезла, многие полагают, что её похитили.

В 20-е годы начались гонения и репрессии на всех верующих и близких Церкви людей. Были арестованы и от-

правлены в лагеря большинство монахинь с Царского скита. Был замучен и убит бывший кошелихинский батюшка — поп Виктор Золотницкий. Советская власть обвинила его в принадлежности к партии левых эсеров и объявила главарём банды, убийцей и поджигателем.

Но время лечит раны. В Кошелихе уже давно открыта новая церковь — «Новомучеников и Исповедников Рус-

ской Церкви», в память о всех погибших и незаслуженно забытых представителей русского духовенства и интеллигенции.

И сегодня история о царском ските обрастает все большими деталями, появляются новые варианты легенды о святых камушках. И это уже настоящее народное православие.

Литература:

1. Курдин, Ю. А. Природные святыни в народном православии Арзамасского края // Приволжский научный вестник № 8 (24), том 2—2013 — Ижевск, 2013 — с. 89—94.
2. Курдин, Ю. А. Местные святыни в устной народной традиции // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. — Арзамас, АГПИ, 2009 — с. 70—77.
3. Мавлиханова, Е. А. Родники наши серебряные // Христианская газета Севера России «Вера» — «Эском» июль 13, 2-й вып. № 688 / — г. Сыктывкар, 2013.
4. Панченко, А. А. Исследования в области народного православия. Святыни Северо-Запада России. — СПб.: Алетейя, 1998. — 320 с.

3. ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Мотив сна в поэзии Ю. А. Курдина

Бутанина Екатерина Сергеевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Сон — важная часть жизни человека, период его продуктивной деятельности». Именно поэтому мотив сна имеет весомую актуальность в литературных произведениях. Реализация его в соответствии с определенной эпохой осуществляется различными путями. Эпоха барокко со свойственным ей стремлением к совмещению реальности и иллюзии закрепляла за понятием сна сакральный смысл. Известные писатели этого времени (П. Кальдерон, Дж. Мильтон) воспринимали жизнь как иллюзию, зачастую включая в свои произведения мотив сна: сон пастуха в «Потерянном рае» Дж. Мильтона, «сон» Сехизмундо в произведении П. Кальдерона. Примечательно, что Кальдерон де Барка не просто использует мотив сна на уровне содержания и композиции, но и выносит саму эту лексему в название произведения.

В эпоху романтизма мотив сна приобретает не менее значительную роль в творчестве писателей, тяготеющих ко всему ирреальному, ибо он идеально вписывается в романтическую концепцию двоемирия. В этом ключе мы упоминаем Новалиса и Гофмана: у Новалиса мы помним сон о голубом цветке в романе «Генрих фон Офтердинген» [11], у Гофмана — описание феномена сна в «Эликсирах сатаны» [2].

Сон для романтиков — это возможность творить, это ничем не ограниченное воображение, которое позволяет писателю вознестись над реальностью или выйти за её пределы.

Несмотря на исследование сна как физиологического процесса, его механизмы и подлинная природа так и остаются непознанными, что, в свою очередь, порождает множество определений. Одно из таких закреплено за психологом-аналитиком К. Г. Юнгом. «Сон есть специфическое выражение бессознательного» [16; С.32], — утверждает Юнг в одной из своих работ. Продолжая тему бессознательного, отметим определение Л. Н. Толстого: «Сон есть такое положение человека, в котором он совершенно теряет сознание» [13, с. 358].

Мотив сна укладывался в рамки творчества не только зарубежных, но и русских писателей. Ранее упомянутый Л. Н. Толстой использует его в «Анне Карениной» [15] и «Войне и мире» [14]. Но, пожалуй, наиболее существенную роль снам отводит Ф. М. Достоевский, который нередко выносит слово «сон» в название произведений: «Как опасно предаваться честолюбивым снам» [4], «Дядюшкин сон» [3], «Петербургские сновидения в стихах и прозе» [5]. Огромную смысловую нагрузку несут на себе сны Родиона Раскольникова в романе «Преступление и наказание» [6].

Лирика нашего современника Ю. А. Курдина легко интерпретируется в парадигме сна. Юрий Курдин родился в 1956 г. в деревне Сальниково Арзамасского района. Юрий Александрович является автором сборника стихов «Лирические отступления» [9], книги «Под стягом Всемиловейшего спаса» [7], а также сценариев к не-

скольким видеофильмам. Член Союза писателей России, лауреат премии Союза писателей России и журнала «Новая книга России» им. Б. Шергина [1; С, 183].

В ходе анализа поэтических произведений Ю. А. Курдина, мы выявили семь основных путей реализации мотива сна, каждый из которых нуждается в особом пояснении. Во-первых, мотив «*растревоженного сна*» наблюдаем в стихотворении «Весёлый смех подруг звенит среди стволов...» [9, с. 5]. Стихотворение пронизано любовным пафосом. Настроение лирического героя омрачает некая печаль, связанная с невозможностью воссоединения с любимой. Приближение весны — это пробуждение природы, пробуждение чувств, однако героем владеет тревога из-за несказанных слов в адрес возлюбленной. Тревожный сон здесь приписывается образу берёз, и, можно сказать, что «растревоженный весёлым смехом» сон берёз соотносится с «растревоженным сердцем» лирического героя.

Во-вторых, мотив «*волшебного сна*» в стихотворении «Первый снег» [9, с. 19]. И снова сознанием поэта овладела тоска о весне. Любуясь одетым в «мягкое зимнее покрывало» лесом, герой вспоминает о времени пробуждения природы — времени, когда зацветает черемуха и виден «первый полёт бабочек». Сон здесь овладевает природой в целом, но сон этот — волшебный, поскольку «задумчивый, молчаливый лес» так же заставляет сердце героя «биться быстрее», как и цвет черёмухи весной.

В-третьих, мотив *ожидания сна* в стихотворении «Ветер низкие тучи сгонял в полукруг...» [9, с. 24]. В отличие от описания зимнего леса в предыдущем стихотворении, здесь герой находится лишь в ожидании этого времени года, он представляет, как зима «заметёт все дороги и тропки», как лес «совсем умолкнет и надолго уснёт». Так, мотив ожидания сна реализуется через ожидание героем зимнего времени года.

В-четвертых, *жизнь как сон* (очевидна аналогия с Кальдероном) в стихотворении «Не надо лишних утешений...» [9, С.17]. В данном стихотворении мы видим иную трактовку мотива сна. Поэт называет жизнь «тяжёлым сном», указывая на то, что судьба человека — бесконечно заблуждаться в собственном предназначении. Невозможность самоопределения привносит в жизнь че-

ловека отчаяние, огонь которого возможно лишь «залить вином из гастронома».

В-пятых, *смерть как сон* в стихотворении «Лебёдушка» [12, с. 286]. Новая ступень в реализации мотива сна, поскольку здесь он трактуется через образ смерти. Определение смерти как глубокого сна обусловлено звучащим в стихотворении мотивом прерванного полёта. Румынский философ Мирча Элиаде воспринимает «полёт» как символ освобождения от ограничений. Он пишет: «Полёт отражает способность некоторых произвольно покидать в пространственном отношении своё тело и путешествовать в форме духа по трём космическим сферам» [10, с. 458]. Таким образом, мотив полёта как освобождения от бремени телесного также соотносится с мотивом сна в стихотворении.

В-шестых, *сон — это пустота* в стихотворении «Песня» [1, с. 185]. Стихотворение относится к любовной лирике поэта. Оно пронизано чувством одиночества лирического героя. «Без тебя всё не радостно мне», — говорит он, обращаясь к возлюбленной. Вместе с героем «грустит» и его одинокий дом, комнаты которого заполонил серый полумрак. Отчаяние, овладевшее душой героя, пустота, царящая в его сердце, напоминает безрадостный сон, которым наполнена теперь его жизнь.

В-седьмых, мотив *пробуждения ото сна* в стихотворении «Храм» [12, С.286] связан с возрождением храма как культурно-исторической ценности. Поэт призывает «православный люд» пробудиться на благое дело, чтобы возродить святую обитель — бесценный дар предков. «Пробуждение» здесь напрямую связано с осознанием ценности культурно-исторического наследия.

Итак, рассмотренная нами система реализации мотива сна в поэзии Ю. А. Курдина позволяет сказать, что поэт, выступая несомненным гением мысли и слова, подвергает известный мотив трансформации. Причем, сон в каждом из стихотворений содержит в себе метафорический смысл. Это и «сон» объектов природы (зимний лес), и заблуждение в жизненном предназначении, и, наконец, смерть как глубокий сон, уход от телесности.

Мотив сна неоднократно звучит в произведениях Ю. А. Курдина, что свидетельствует о преемственности художественных образов и мотивов в литературе.

Литература:

1. Арзамасское братство. Антология литературных произведений выпускников, преподавателей, сотрудников, студентов АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2004. 449 с.
2. Гофман, Э. Т. А. Эликсиры сатаны / пер. с нем. Н. Славятинского. М.: Республика, 1992. 528 с.
3. Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон. — Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1988. — Т. 2. с. 357–391
4. Достоевский, Ф. М. Как опасно предаваться честолюбивым снам. — Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1988. — Т. 1. с. 407–421
5. Достоевский, Ф. М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. — Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1988. — Т. 3. с. 482–503
6. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. — Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1989. — Т. 5. 574 с.
7. Курдин, Ю. А. Под стягом Всемиловитейшего Спаса: (К 450-летию Казан.похода Ивана Грозного): Лит. — краевед. исслед. / Ю. А. Курдин; Арзамас.гос.пед. ин-т им. А. П. Гайдара. — 2-е изд., перераб. и доп. — Арзамас: АГПИ, 2003. 211 с.

8. Курдин, Ю. А. Мифологические рассказы Арзамасского края // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI № 1 (46–47). с. 89–94.
9. Курдин, Ю. А., Пяткин С. Н. Лирические отступления. Стихи разных лет. — Арзамас: АГПИ, 2001. 78 с.
10. Морозов И., В. Основы культурологии. Архетипы культуры / Минск: ТетраСистемс, 2001. 607 с.
11. Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир: Наука, 2003. 288 с.
12. Рамзай-10: Литературное приложение к альманаху «Арзамасская сторона» / АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2011. 446 с.
13. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. 410 с.
14. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1979–1981. Т. 4–7..
15. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1981–1982. Т. 8–9.
16. Юнг, К. Г. Архетип и символ. М., 1991. 304 с.
17. Fando, R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643–646.

Тема начала и конца в поэзии Юрия Александровича Курдина

Волкова Анжелика Александровна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

У каждого начала есть конец, а конец всегда возвещает новое начало: жизнь рождается из смерти. В природе всё происходит циклически. Каждый день кончается закатом, а затем снова приходит рассвет. Времена года сменяют друг друга: кончается зима, наступает весна. Подобно временам года меняются и периоды жизни человека: у каждого возраста человека есть свое начало и свой конец, который ведет к новому началу. Каждый человек переживает бесконечный поток начал и финалов: зарождение жизни, рождение, детство, отрочество, молодость, зрелость, старость.

Юрий Александрович Курдин — поэт Арзамасского края. В его произведениях отражается истинный патриотизм, безграничная любовь к природе, единство человека и природы. А если с головой окунуться в его творчество, то можно отметить еще одну тему, которая связывает все творчество воедино — это тема конца, конца как начала чего-то нового, еще неизведанного, манящего. Творчество Юрия Александровича многогранно, как и сама жизнь.

В сборнике философских стихотворений «Лирические отступления» собраны произведения двух авторов, одним из которых является Юрий Александрович. Первая часть сборника-собрание стихотворений «Маяки судьбы», которое представляет творчество Курдина [2, с. 52]. Само название «Маяки судьбы» уже несёт определенный смысл. У каждого человека своя судьба, которая имеет начало и конец. Так называемые «маяки» в судьбе человека — это своеобразные «станции жизни», её этапы: детство, отрочество, молодость, зрелость, старость. Доходя до конца одной «станции», человек приходит к началу другой, и так до «конечной». «Маяки судьбы» разделены на три части, каждая из которых имеет своё название:

1. «Где ты домик мой заветный»;

2. Календарь жизни;

3. «Сердцебиение встречи случайной».

Мы коснемся первой и последней части. Однако надо сказать, что вторая часть собрания стихотворений «Календарь жизни» начинается со стихотворения «Прощание»:

*О, слёзы матери моей
И долгий взгляд усталых глаз,
В чужом краю за много дней
Они вспомнятся не раз [1, с. 13].*

Стихотворение называется «Прощание», то есть последнее свидание перед разлукой. В произведении два прощания: во-первых, это прощание с матерью. Мать, которая всегда была рядом с сыном, оберегала его, заботилась о нем, не хочет отпускать сына, который покидает родной дом, но понимает, что это неизбежно: сын вырос:

*Куда, надежда ты моя,
Так рано крылья распустил,
Ведь даже ворон в те края
Еще костей не заносил.
Растила, думала, ждала,
Что не останусь я одна,
А только старость подошла-
И никому я не нужна... [1, с. 13].*

Во-вторых, это прощание с детством и юностью, проведенными в родных стенах отчего дома. Пришёл конец юности. Сделав шаг вперёд, покинув родимый дом, лирический герой оказался у самого начала собственной зрелости.

Где кончается юность — там начинается зрелость. В молодости приходит конец юношеским мечтам и грёзам, здесь лежит начало суровой реальности жизни. Происходит переосмысление жизненных ценностей, меняются взгляды на жизнь:

*Не надо лишних утешений,
Что мир велик и долог век,
Не только для больших свершений
На свет рождается человек [1, с. 17].*

Зрелость является началом взрослой жизни. Сталкиваясь с первыми трудностями и неудачами, лирический герой испытывает новые, незнакомые чувства: разочарование, обиду, острое чувство несправедливости, страх. Со всем этим он сталкивается впервые, и не знает, как с ними справиться, и жизнь кажется ему «тяжелым сном»:

*Потом за множеством смешного
Увидит в горечи судьбы,
Что в суете житья земного
И не рабы мы и рабы.
Но, не найдя пути в иному
И жизнь назвав тяжелым сном,
Пойдёт тихонько к гастроному
Огонь души залить вином [1, с. 17].*

Но зрелость полна не только трудностей, но и любви, переполняющей сердце:

*Весной и я как будто вновь расцвёл,
Наполнившись весельем и мечтою.
И звонкий май любовь с собой привёл,
И тает грусть за синей теплотою... [1, с. 29]*

Так заведено, что у всякой любви есть конец. И осознавать это всегда очень тяжело, ведь молодое сердце пылает огнём любви, хочет любить. Но несчастная любовь — это опыт, пусть и горький:

*Вспомнится не раз крыльцо высокое
И печаль от горьких слов твоих...
Не бывает счастье одинокое,
А бывает счастье для двоих.
Не сложилась жизнь — так уж не сложится,
Зря друг друга незачем винить.
Ссорами обида только множится,
Ссорами любовь не заменить... [1, с. 32]*

Со временем в жизнь приходит новая любовь, а с ней — новые ощущения, новые чувства. Возникает осознание того, что конец той несчастной любви является началом новой, настоящей, крепкой, истинной любви, которая выжила под всеми ударами судьбы:

*Улыбались цветы в апреле,
Так доверчиво вслед кивали,
Но повеяли вдруг метели —
Голубые цветы увяли.
Лишь одна пламенеет роза,*

Литература:

1. Кондаков, С., Арзамасская сторона. Арзамас: АГПИ, 2001. 82 с.
2. Курдин, Ю., Пяткин С. Лирические отступления: Арзамас: АГПИ, 2001. 76с.
3. Музрукова, Е. Б., Фандо Р. А. Редукционизм и холизм в познании живого: методологический диалог // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XXXIX. № 1. с. 172–184
4. Ожегов, С. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, Мир и образование 2016. 1376с.
5. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Иномирность и иномерность как метафоры социального и культурного развития современника // Обсерватория культуры. 2015. № 6. с. 74–80

*Распускаясь пышной и краше...
Не боится она мороза,
И цветок этот — чувство наше! [1, с. 35]*

Приходит конец зрелости, и наступает период мудрости. Человек меняется, в этот период происходит его наивысшее духовное и интеллектуальное развитие. Начало этого этапа отражено в стихотворении «Календарь»:

*Жизни моей календарь
Августом зрелымозначен...
Юности пыл не растрочен,
Но не спешу я, как встарь,
В августе мыслишь иначе... [1, с. 18]*

Происходит новое переосмысление жизненных ценностей, жизненного пути. Оглядываясь назад на все пройденные «станции жизни», автор задаётся вопросом: правильный ли путь он выбрал? Оказавшись на середине жизненного пути, автор как бы подводит итог:

*В сердце отпел соловей...
На половине дороги
Встали судьбы моей дроги.
Жизни прошедшей моей
Август подводит итоги... [1, с. 18]*

Потом придет старость, но ее время еще не пришло, ведь Ю. А. Курдин продолжает развиваться, двигаться вперед, мечтать: его этап мудрости еще не достиг своего конца. Важно то, что избранный аспект прочтения лирики Ю. А. Курдина способствует развитию такого качества человека как «интуиция, которая предстает во множестве проявлений: чувстве такта, сопереживания, угадывания, предупредительности и др». [5, с. 79)] На этой основе возникает необходимость культурного разума, позволяющего рассматривать образы начала и конца как события и факты окружающего мира в их взаимосвязи и взаимобусловленности, вырабатывающего способность к созданию и прочтению культурного контекста отдельных элементов бытия [5, с. 79)]

Конец — это тот предел, последняя грань чего-либо в пространстве или во времени, а также примыкающая к этому пределу часть, кусок [3, с. 84]. Конец — это не всегда точка, темнота, но чаще это переход в иное качество. Вся жизнь человека — это череда концов и начал. Даже смерть — это еще не финал жизни. Можно в последующих работах рассмотреть феномен смерти с холистических позиций, привлекая к решению поставленных задач данные физиологии, медицины, социологии и философии [3, с. 172–184].

6. Fando, R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643—646.

Образ дома и малой родины в поэтическом творчестве Ю. Курдина

Гузнова Елена Александровна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Нет на земле места милее, чем родной дом. Каждый из нас согласится с этими словами. И непременно в тот же момент в сердце встрепенутся самые теплые и светлые чувства, оно наполнится воспоминаниями о теплых уютных вечерах, о матери и вот уже ощущается пьянящий воздух родного края...

В стихах русских поэтов образ дома является одним из ключевых образов и, несомненно, ассоциируется с Родиной, родной землей. Множество стихов о доме и о родной земле есть и у С. Есенина, и у А. Ахматовой, и у других знаменитых на весь мир русских поэтов.

Но сегодня хотелось бы поговорить о стихах другого поэта, близких и знакомого нам лично, который живет рядом, дышит тем же воздухом и делится своим опытом и впечатлениями, создавая стихи...

Я говорю о стихах Юрия Александровича Курдина, этого поистине талантливого и душевного человека, несомненно, можно считать человеком своего края.

В моих руках сборник «Лирически отступления». Она проста и незатейлива, обложка яркая, оранжевая, даже «солнечная». Но привлекает внимание другое — церковь, изображенная на обложке книги, как символ единения с христианской традицией и родной землей. Сборник вообрал в себя стихотворения поэта, разнообразные по тематике и содержанию, все они, безусловно, интересны, самобытны и заслуживают внимания читателей. Его слог отличается простой и ясной силой, кажется, что стихи отзываются в душе звуками музыки: слышится шум ручья, шелест березовых листьев, пение птиц... И хочется пройти по тропинкам своего детства, вспомнить те дни, когда реки казались глубже, горы казались выше, и так светло и радостно становится на душе, хочется открыть сердце этому прекрасному миру и благодарить Бога, за этот прекрасный мир и подаренную жизнь!

Много стихов у Ю. Курдина о родном доме и родной земле. Все они пропитаны чувством глубокой привязанности к родному краю и бесконечной любви и преданности. Вся жизнь Ю. Курдина связана с провинциальным городком Арзамасом, с его тихими улочками, куполами церквей, смотрящими в синее ясное небо. Своему родному городу автор посвящает следующие строки:

*На российской есть земле города и веси,
О великой славе их к нам доходят вести.
Только в сердце у меня места нет иному —*

Оно отдано давно городу родному.

Белый храм на горе, купола по сини,

Арзамас — городок, уголок России...

Здесь примечательны такие слова: «Только в сердце у меня места нет иному — оно отдано давно городу родному». [5, с. 28]. Автор полон бесконечной любви к родному городу, подчеркивает прямую его связь со своим сердцем, а, значит, с судьбой. В строчке «*купола по сини*» он сумел отразить основное богатство, сущность своего города, ведь недаром, Арзамас называют «городом церквей» за обилие монастырей и храмов. Таким образом, автор подчеркивает особенную связь родных мест с Богом, с христианской традицией и между строк этого стихотворения слышна молитва автора за благодать родного края [5, с. 28].

В стихотворении раскрывается весь жизненный путь Ю. Курдина и еще раз особо подчеркивается духовная связь с городом:

Я в соборе был крещен бабушкой когда-то

И сюда вернулся в срок молодым солдатом.

Со студенческой скамьи с ним я побратался,

Здесь сдружился, полюбил и навек остался [5, с. 28]

В этих строчках автор говорит о некоторых ключевых моментах своей жизни — крещение, служба в армии, студенческие годы — все это неразрывно связано с близким сердцу городом, предназначенным ему судьбой [5, с. 28]. Удивительно, как в одном стихотворении автор сумел изложить свою биографию, рассказ о родном городе и молитву за благополучие родного края. Духовная близость с городом своей жизни, достигается с помощью простых и ясных слов: «*сдружился*», «*полюбил*», «*побратался*».

Образ родного дома тоже можно нередко встретить в стихах Ю. Курдина:

Где ты, домик мой заветный —

Три оконца налицо.

Там березка в час рассветный

Наклонилась над крыльцом [2, с. 4]

В воображении читателя сразу возникает деревянный уютный дом, один из тех домов, где живет русская простота, где ежедневный труд и быт — не убивают в человеке силы, а наоборот делают его хранителем традиций русской деревни, и человеку есть за что с благодарностью встречать каждый новый день.

Спозаранку поднимаясь, мать хлопочет у печи.

И, в окошке отражаясь лижет пламя кирпичи.

Образ матери неразрывно связан с образом родного дома. [2, с. 13]. Мать неизменно становится хранительницей дома, домашнего очага, воплощает в себе любовь.

*О, слезы матери моей
И долгий взгляд усталых глаз,
В чужом краю за много дней
Они вспомнятся не раз.
Не надо, мама, грустных слов
Ты как маяк в моей судьбе
Здесь нелегко и край суров,
Но не забыл я о тебе*

Стихи Юрия Курдина вобрала в себя всю бесконечную любовь к родному краю, мудрость прожитых лет, переплетающаяся с любовью к родной земле, матери помогает нам понять цель человеческой жизни:

*Не надо лишних утешений,
Что мир велик и долог век,*

Литература:

1. Ганичев, В. Н. Православный дорожник. — М., Воениздат, 2003. 560С.
2. Курдин Ю, Пяткин С. Лирические — Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара НАО «Арзамасская сторона» 2001 г. 76 С.
3. Просветительский журнал Арзамасская сторона — Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара 2001. 81 С.
4. Просветительский журнал Арзамасская сторона № 6 — Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара 2006. 88 С.
5. Просветительский журнал Арзамасская сторона № 7 — Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара 2006. 96 С.

Храм в пространстве лирики Ю. А. Курдина

Иванова Татьяна Николаевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Дом является одним из основополагающих архетипов человеческой культуры. Жилище, изначально призванное защищать человека от природных стихий, постепенно приобретает новые функции, рассматривается в контексте обширного круга понятий: «кров», «семья», «народ», «страна», «нравственность», «память», «вера» и др. Благодаря дополнительной семантической нагрузке, дом становится уменьшенной моделью мироздания и бытия человека и в полной мере выражает особенности менталитета того или иного народа. Мироздание в миниатюре представляет собой также архитектурное пространство храма. Не случайно слова «храм» — «жилище Бога» и «хоромы» — «жилище человека» семантически сближенные.

Первыми приспособленными под укрытие от природных сил пространствами были палеолитические пещеры, предназначенные как для жилья, так и для поклонения духам или душам животных, убитых на охоте, обрядов инициации и других древних ритуалов. Жилая и культовая архитектура

*Не только для больших свершений
На свет родился человек [2, с. 17]*

Ведь человеку не очень много нужно для счастья:
*Хлебу уродиться — мне собрать скорее
Будет жизнь прекрасна, а судьба добрее [2, с. 16]*

Творчество нашего декана, Юрия Александровича Курдина, вдохновляет, заставляет по — новому взглянуть на окружающий мир и замечать красоту во всем — даже в самых простых вещах. На примере его жизненного опыта мы, молодое поколение, учимся уважительному отношению к традициям, любви к родному краю, учимся беречь, хранить в своей сердце память о малой родине и родном доме. Не случайно, В. Н. Ганичев, председатель Союза писателя России, отметил, что стихи Ю. Курдина — «Поэтический взгляд на мир человека, владеющего словом, знающего жизнь и любящего ее. Он тонко ощущает природу, координаты времени...» [1, С.546]

долгое время сосуществовали как два равнозначных функциональных типа. Античные дворцы сохраняли в себе изначальную суть архитектуры и в то же время некую двойственность — функционирование сакрального и бытового (повседневного). Царский дворец в древние времена представлял собой особое, священное пространство. Можно предположить, что всякое жилище воплощало в себе модель космоса хотя бы на элементарном уровне: вход (граница между внутренним и внешним миром, «чужим» и «своим» пространством), очаг (ось, центр мира), ложе, спальня (институализация брачного пространства), кладовая (плодородие, символ природных сил).

Всякий храм зиждется на идее соборности, единства, совместности людей. Само слово церковь (греч. «эклесия») изначально обозначало не только здание для религиозных обрядов, но и собрание верующих. Иудейская синагога (греч. «собрание») традиционно являлась домом для молитвы, местом сбора единомышленников. Гегель

писал: «Наличие в храме общины является необходимым его признаком» [5, С.185].

В дальнейшем, храмовым значением стали наделяться и другие места собраний людей по какому-либо необычному поводу. Так появились «храмы искусств», храмы науки». Музей, к примеру, буквально переводится с греческого как «дом (храм) муз», где собраны произведения искусства. Храмами часто именуются театры, звонки которых сродни звону колокола знаменуют погружение в нечто особое, «потустороннее», «не от мира сего».

«Подобно культовому сооружению, театр является местом подлинного творения, — местом, где из нас делают и предъявляют нам в виде образа нечто такое, в чём мы ощущаем и узнаём реальность, превосходящую реальность нашего «Я» [2, с. 158].

Невзирая на глубину космогонических смыслов, заключенных в рукотворных сооружениях, самым величественным, сакральным и непостижимым для человеческого существа Храмом остается природа. Она является истинным храмом Человечества, целостным и гармоничным, не нуждающимся ни в каких дополнительных служителях и атрибутах. «Дух этого храма есть всеусущий верховный жрец, единобожий посредник, находящийся один в непосредственном отношении к божеству» [10, с. 51]. Природное естество находится в непрерывном становлении и развитии, в вечном стремлении к диффузии с высшим естеством человека, к диалогу с его душой. Наиболее полное слияние с духом природы, вследствие богатства внутреннего мира и тонкой восприимчивости к законам мироздания свойственно людям искусства и в частности — поэтам. Они способны достичь, посредством своего творчества, взаимопонимания с природной сущностью, возвращая в стихах человеку и природе их изначальную симбиотическую форму сосуществования. Один из певцов русской природы, Ф.И. Тютчев выразил данную идею слияния следующими строками в стихотворении «Весна» (1838): «Игра и жертва жизни частной! Приди ж, отвергни чувств обман И ринься, бодрый, самовластный, В сей животворный океан! Приди, струей его эфирной Омой страдальческую грудь — И жизни божеско-всемирной Хотя на миг причастен будь!» [12, С.315].

Тяга человека к божественному, сакральному, стремление пройти собственный духовный путь и обрести свой внутренний Храм свойственна ему с начала времен и не будет утрачена за все время его осознанного существования на земле. Поэты во всем мире освещали в своем творчестве эту вечную литературную тему.

На рубеже минувшего и нового столетий, в 2001 году, в городе Арзамасе увидел свет сборник стихотворений со скромным названием «Лирические отступления». В сборник вошли произведения разных лет. Стихотворения сборника лишены словесной изощренности и своей трогательной простотой и естественностью способны затронуть души читателей и бережно коснуться тайн мироздания.

Книга состоит из двух частей. Часть первая представлена творчеством Ю.А. Курдина. «Маяки судьбы моей»,

«Календарь жизни» — таковы названия разделов сборника, свидетельствующие о философичности и «глубине» входящих в них стихотворений. Мудрость лет, прожитых старшим поколением, переплетается в них с любовью к родному краю, матери, природе.

Необходимо отметить в данных стихотворениях частое обращение автора к концептуально важному понятию «дома» как одного из основополагающих образов в русской литературе. «Где ты, домик мой заветный...» — такой строчкой открывается сборник, с первой страницы ориентируя читателя на общечеловеческие, «вечные» ценности. Образы «тихого дома», «отчего крова», «родимого порога» являются главной составной частью создаваемого автором образа Родины [7].

Необходимой составляющей проявления концепта «дома» в стихотворениях сборника является религиозный аспект.

Образ храма в стихотворениях Ю.А. Курдина символизирует православную Русь с её многовековой культурой и обширной исторической памятью, вбирающей в себя прошлое и настоящее России: «... И решается сельский житель Возродить святую обитель — Наших предков бесценный дар» [7, с. 22]. Образ храма также используется автором как символ объединения России: «Не скупись, православный люд, пробудись на благое дело — Слишком долго Россия терпела Вакханалии разных иуд» [7, С.22]. Храм олицетворяет собой богатство души народа, тот «спасательный круг», без которого в современную прагматичную эпоху человеку грозит нравственная гибель. Он внушает людям чувство покоя, покаяния, ощущение духовного просветления: «Встанет крест над селом моим — Явит в душах людских просветлень» [7, С.22].

Удалось автору в своих произведениях найти и точные, музыкальные метафоры для воспевания первоосновного — природного Храма. Природа — всеохватывающая святая стихия. Поэты обращаются к природе в момент высказывания самых сокровенных мыслей и чувств. Как писал А. Афанасьев: «Древний человек почти не знал неодушевлённых предметов, всюду находил он разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались... загадочные разговоры» [1, с. 34].

Мир природы в стихах Ю.А. Курдина гармоничен и мудр, а потому благосклонно откликается на душевные порывы своей мятущейся несовершенной части — человека, делясь с ним внутренней силой: «Весной и я как будто вновь расцвел, наполнившись весельем и мечтой. И звонкий май любовь с собой привел, И тает грусть за синей теплотою» [7, с. 29]. Природа для автора имеет такое же сакральное значение, как и храм рукотворный, как и отчий дом. Не случайно в описаниях всех трех понятий используются эпитеты «тихий», «белый», «светлый», символизирующие чистоту, радость, надежду, умиротворение.

Идейный динамизм концепта «храм» в сборнике заключается в его многозначности и сложности. Он выражает функцию христианской жертвенности, выступает

символом строительства Руси, России и одновременно выполняет космогоническую функцию.

Третий раздел сборника — «Сердцебиение встречи случайной» — представляет читателю стихотворения о любви. Тема любви всегда связана у поэтов с личными переживаниями, оттого у каждого она звучит и выражается по-разному. Любовь по Ю.А. Курдину — это пышная, пламенеющая роза, расцветающая вопреки любым холодам, это светлые мгновения сближения, соединения душ. Мотивы несчастливой любви и расставания окрашены в спокойные тона светлой грусти, когда чувства живы лишь в воспоминаниях: «Пусть они напомнят мне в печали, словно бы пожатием руки, Как в полях друг друга мы встречали, И нам ночи были коротки» [7, С.26].

Несколько иная тональность присуща второй части сборника «Лирические отступления», автором которой является Сергей Николаевич Пяткин. Здесь тема любви развернута во всем мелодическом многообразии этого священного чувства. Лейтмотивом стихотворений является расставание как итог «недолгого романа» [7, С.39]. Лирический герой С.Н. Пяткина видит в любви средство для оживления, обновления, спасения души: «И бьется сердце оживлённой кровью, Спасённый мир предстал глазам моим» [7, с. 63]. Однако чувство это возвышенное, хрупкое, подверженное разрушительному воз-

действию «быта, проверяющего любовь», «злой земной привычки» [7, с. 39, с. 57]. Не выдержавшее проверки, чувство исчезает, оставшись лишь в воспоминаниях. Удел героя — вереница скитаний в поисках единственной настоящей любви, «крест одиночества... на годы», чувство «горькой вины», греховности, и как следствие, покаяния: «Снилось мне, что никто не обманут, И Господь нам грехи отпустил» [7, с. 41]. Любовь для него — чувство высшего порядка, «святое таинство души» [7, с. 47].

Таким образом, на страницах сборника «Лирические отступления» нашел яркое отражение концепт «храм» в многообразии значений и символических «вечных» смыслов, обладающий неизменно позитивной аксиологической направленностью. В данных поэтических текстах храм объединяет в себе идеи космизма, веры, национального единения, гармоничного сосуществования мира человека и мира природы. Сакральное начало, присущее стихотворениям сборника и русской литературе в целом, помогает читателям в обретении внутреннего духовного стержня, необходимого современному обществу, охваченному чувством гуманитарной тревоги. «Суть гуманитарной тревоги сегодня в том, что молодые современники отказались от духовного труда, который выводит людей из тупиковых ситуаций, помогает преодолеть кризис, учит бескорыстной любви к ближнему» [14, с. 101].

Литература:

1. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995. — 576 с.
2. Гадамер, Г. — Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.155–165.
3. Галиев, С.С. Образ храма в русской литературе рубежа XX–XXI столетий / Андреевские Чтения. Литература XX века: итоги и перспективы изучения, М.: Экон, 2010. — 399 с.
4. Ганичев, В.Н. Православный дорожник. — М.: Воениздат, 2003, — 560 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике. // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М.: Наука, 1959, с. 173–201
6. Завьялова, Т. Опыт рецензии. «Мы просто обязаны любить жизнь...» // Просветительский журнал «Арзамасская сторона» № 1–2, 2001, с. 49–53.
7. Курдин, Ю.А., Пяткин С.Н. Лирические отступления. Стихи разных лет. — Арзамас: АГПИ, 2001. 78 с.
8. Курдин, Ю.А., Природные святыни в народном православии Арзамасского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–2 (24). с. 89–94.
9. Мухин, А.С. Архитектура и архетип. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 308 с.
10. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты; Ученики в Саисе. СПб.: Изд-во Евразия, 1995. 131 с.
11. Софронова, Л.А. Молитва, икона, храм в русской поэзии // Культурология. № 3 (42), 2007. с. 56–68.
12. Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 1. / Сост. В.Н. Касаткина. — М.: Издательский Центр «Классика», 2002. 528 с.
13. Шуклин, А. Образ дома в русской классике: проблема научного подхода // Молодой человек в системе современного образования: Тюмень: «Печатник», 2011. с. 221–227.
14. Фортунатова, В.А., Валеева Е.В. Гуманитарная синергетика в системе образовательных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. Ч. 5. № 7 (14). 2013. с. 100–102
15. Fando, R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Scienceand Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643–646.

«Акши светлая струя...» (символический образ русской реки в поэтическом дискурсе)

Лобова Ольга Леонидовна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

*Степные, пологие, глянцево-черноземные берега,
буквально вровень с поверхностью воды,
крепко сдерживали ее потоки. А она несла
свои воды чинно и горделиво. Акша...*

С. В. Перевезенцев

В Нижегородской области через Дивеевский и Арзамасский районы протекает река с былинно-звучным названием Акша. На ее берегах двадцатидвухлетний Иван Грозный, молодой и запальчивый царь, стоял пятым станом во времена похода на Казань. «Акша поила своей водой его ратников, его коней, наполняя силой и правдой» [2, С.112]. Река протяженностью в 28 км стала для нижегородских поэтов своего рода мифо-образом, который берет начало от мифологемы реки, например, античных Стикса, Леты и Ахерона или славянской Смородины.

Вода занимает особое место в сознании человека, так как является одной из фундаментальных стихий мироздания наряду с огнем, воздухом и землей, а потому так много вопросов, касающихся постижения ее природы и поиска себя, возникает в человеческом сознании. В мифологиях многих народов, где Река понимается как космическая или мировая, мифологема реки мыслится как стержень Вселенной, который пронизывает все ее миры: верхний, средний, нижний. Отсюда появляется символика ритуалов, связанных с водой: к примеру, ритуал омовения как второго рождения, клятвы на воде, переправа через реку как символ завершения важного дела и приобретения новых качеств.

«Все знают, что вода — это источник жизни. Но русская река — это еще и источник духа, столь же значимый как земля, солнце, небо...», — таким смыслом наполняет образ реки русский историк и философ, писатель С. В. Перевезенцев [8, с. 101].

В стихотворениях нижегородских поэтов Ю. В. Назарова и Ю. А. Курдина художественное пространство и время, которые обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют композицию произведения [1, с. 52], объединены и выражены в хронотопе «река Акша». Выбор времени и места не случаен, потому что Акша для обоих поэтов является малой родиной, кровную связь с которой «как-то чувствуешь по-особому» [6, с. 6]. Мифологема реки важна для наиболее глубокого понимания стихотворений: Акша избрана не только географическим стержнем, но и мифопоэтическим, а также нравственным центром художественного мира как у Назарова, так и у Курдина.

В стихотворениях Юрия Александровича Курдина река Акша выступает в качестве старого доброго друга — свидетеля всех радостей и печалей, которые только может встретить человек на своем жизненном пути. Рассмотрим два противоположных по настроению образа Акши. В стихотворении «Зыбкий мостик под ногами» автор рисует встречу двух дополняющих друг друга людей, что подтверждается строкой «мы едины» [5, С.143]. Пейзажная зарисовка дает понять, насколько хрупки человеческие отношения. Курдин подчеркивает это, изображая место действия с помощью имен прилагательных, обозначающих непрочность, неустойчивость:

Зыбкий мостик под ногами,

Тонкой ивы силуэт...

Над речными берегами

Звезд вечерних робкий свет [5, с. 143].

Стихотворение пронизано нотами гармонии и понимания. Близость лирических героев («на дощечке нам не тесно» [4, С.143]) и их радость от осознания этого разделяет и сама река:

На дощечке нам не тесно —

Мы едины — ты и я!

И поет о счастье песню

Акши светлая струя [5, С.143].

Светлые воды реки говорят о том, что Акша — источник хорошего и доброго, и герои испытывают доверие к этому месту.

В стихотворении «Песня» Юрий Александрович рисует совсем другую картину. От единения лирических героев не осталось и следа, а каждая строфа передает основное настроение стихотворение с помощью слов лексико-семантического поля «покинутость»: одиноко, пусто, позабытый, грустит, стонет.

Позабытый мостик окован льдом,

Вьюга кружит, кусты теребя,

На пригорке грустит одинокий дом,

Пусто в доме том без тебя [4, С.39].

То равновесие, царящее в предыдущем стихотворении, нарушается, и вот уже «зыбкий мостик» превращается в «позабытый мостик», то есть в место, куда давно не приходит лирический герой. Из последующих строк становится ясно, но опустело не только место прошлых встреч,

но и дом, бывший когда-то пристанищем. Чувства лирического героя выражаются только однажды, во втором четверостишии:

*В стылых комнатах серый царит полумрак,
Не играет солнце в окне...
Без тебя все не то, без тебя все не так,
Без тебя все не радостно мне [5, С.145].*

Функцию выражения внутреннего состояния героя берет на себя пейзаж. Центральным образом является дом, и все в нем ассоциируется с полным одиночеством героя и его душевным запустением: «на пригорке грустит одиноко дом», «в стылых комнатах серый царит полумрак», «не играет солнце в окне», «о тебе тоскует наш тихий дом» [4, С.145]. Но дом не единственное родное и понимающее героя место. Река Акша, как добрый товарищ, сочувствует лирическому «Я» автора: она «пригорюнилась», замедлила бег своих вод. Река выступает в качестве символа перемен, которые произойдут, но не скоро: время в стихотворении обозначено четко — это зима, период душевного угасания, тоски, разобщенности с собой и с миром.

*Пригорюнилась Акша под толстым льдом,
Ветер стонет, поземкой клубя,
О тебе вздыхает наш тихий дом,
Пусто в доме том без тебя [5, С.145]!*

В своих водах Акша унесет печали, но пока она, как воплощение мудрых сил природы, приостановила свое течение «под толстым льдом», чтобы дать герою возможность самостоятельно пережить это состояние и переродиться весной для новой жизни.

В своих стихах Юрий Назаров поддерживает видение Ю. А. Курдина реки Акши как душевно родственного живого существа. Так, например, в стихотворении «В омут с головой» поэт рассказывает наивно-простодушную историю любви лирических героев, парня и девчонки, разворачивающуюся на берегах вольной реки. Когда девчонке наскучило «в любовь играть» [7, С.32], парень отправился переживать свою боль не в компанию веселых друзей, а на лихом соседском коне к водам Акши:

*По лугам бесстрашно мчался.
Воздух бил в лицо тугой.
Я отчаянно бросался
С ходу в омут с головой... [7, С.32]*

В безысходном порыве герой ищет спокойствия у реки, и можно не сомневаться, что ее воды унесут горести влюбленного паренька.

В стихотворениях-воспоминаниях «Пошли над Акшею туманы» и «Речка Акша» разные хронологические рамки — осень и лето, но топос остается неизменным. Показывая читателю знакомые с детства русские пейзажи с туманными лугами, «прохладой от реки» [6, с. 9], «солнечную речку в камышовых берегах», «машет ива кроной стройною, густой» [6, с.11], поэт возрождает в своей памяти те чувства, которые он переживал каждый раз, покидая свою малую родину.

*Как будто ты теряешь друга,
Иль растаешь с ним на срок [7, с. 11].*

Эти строки снова и снова заостряют внимание на дружеских отношениях лирического героя и реки. Он чувствует потребность отдать дань уважения и выразить свою благодарность Акше за подаренное время уединения и общения с собой и природой:

*И песню Акше, что не спета,
Давно так хочется сложить [7, с. 11]*

Необходимость уезжать в большой мир вслед за заботами и проблемами суетной жизни рождает во внутреннем мире героя ностальгические нотки по всему, что связывает его с домом, отчего прощание с родными местами всегда затягивается:

*Уезжая,
С речкой Акшей
Распрощаться
Не могу! [7, С.11].*

Интересно, что в стихотворении «Речка Акша» река сравнивается со смущенной девчонкой.

Тема дружбы продолжается в стихотворении «Знакомый мостик...». В нем Акша рассматривается как знаковое, символическое место встречи разбросанных судьбой по свету друзей.

*И хорошо здесь
В день погожий
С друзьями рядом помолчать.
Подумать вместе о насущном [7, С.13].*

Наряду с образом реки важное место в стихотворении занимает образ пути, воплощенный в тропинке, «вдаль бегущей, где луг цветами запестрел». Река — это точка отсчета начала возникшей дружбы, совместных приключений, благодаря которым появляются бесчисленные исхоженные вместе пути-дороги, в свою очередь доказывающие, что дружеские связи истинны и проверены временем. Цикличность этих встреч, происходящих несмотря на жизненные трудности, Назаров заключает в последней строфе:

*И через год
Тропинка будет
В поход далекий
Снова звать [7, С.13].*

Совсем иной предстает Акша в стихотворении «Путь к святыням». Это уже не просто знакомая с детства речка, это, по мысли С. В. Перевезенцева, «исток земного русского спасения, а, может, и главная русская река, главное море, главный океан России. ... Акша — она везде, она вселенская по своей сути» [9, С.102]. Назаров показывает, насколько всеобъемлющей может быть река из глубинки, разлитая «по просторам отеческим» [6, С.10]. Эта древняя земля многое повидала на своем веку и хранит отпечаток истории. Действительно, наши предки стояли на смерть против басурман и за Волгу, и за Снежедь, и за Тешу с Акшей. Автор простирает свой взгляд еще дальше:

*Здесь глубинная Русь,
Здесь преданья свежей [7, С.10].*

Перед Юрием Владимировичем не стоит проблема выбора ответа на вопрос, что такое природа — храм или

мастерская. Уже в первой строфе проводятся параллели между водами Акши и живительной святой водой, дающей силы усталым путникам, а запахи мяты и меда слышны во всех церквях на Медовый Спас. Можно ли представить исторический путь России, если не прибегать к понятию «Святая Русь», ведь именно в нем сосредоточены все смысловые и целевые установки существования нашей страны? Пока по русской земле текут такие реки, как Акша, пока есть люди, умеющие слышать голос древних вод, понятие «Святая Русь» не будет забыто. Единение народа через способность чтить свои традиции и хранить красоту окружающей священной природы ощущается сквозь поколения, и поэт уверен, что «до далеких святынь» дойдет не одно поколение.

Новая грань изображения России раскрывается в стихотворении «Снега оседают, долины влажнеют», где Юрий Назаров в качестве центрального образа выбирает «соседку» Акши — реку Пьяну. Интересна композиция данного стихотворения: она кольцевая, так как хронологические рамки укладываются в календарный год и захватывают смену всех времен года. Ключевым понятием «Снегов» является концепт «бесконечность», что прослеживается и в циклическом течении времени, и в необъятных просторах России, и в звучащей рефреном строке «А Пьяна тихонько течет стороной» [7, С.22]. Что бы ни происходило в мире людей, мир природы всегда незыблем и философски мудр, потому что ничто не может поколебать его спокойствия и порядка.

В стихотворении «Доверие» Юрий Назаров подвел итоговую черту сборника «На Акше, солнечной реке». Здесь лирический герой представлен взрослым, серьезным, опытным человеком, который повидал за свою жизнь многое и теперь смотрит на бытие с точки зрения вечности. Он, как и раньше, замечает красоту окружающего мира, но теперь не просто восторгается ею, а спокойно и вдумчиво созерцает ее. «Мир лесной природы» распахнут навстречу чистому сердцу героя, отвечая той же приветливостью:

Здесь все

По-дружески открыто,

Зеленый куст

Привет вам шлет [7, с. 49].

Лирический герой получил и воспринял главный урок жизни — нужно ко всему относиться с доверием («Сюда с собой, // Как праздник мая, // Свое доверие несусь» [6, с. 49]). Что помогает герою стихотворения прийти к этому важному пониманию? Каждый из предшествующих стихов

сборника отвечает на этот вопрос. Красота родимого края, берега родной реки, простор русской земли — все это сопровождает героя на протяжении его взросления и становления как личности, а значит, оставляет отпечаток на его душе. Конечно, мир людей гораздо сложнее во взаимоотношениях, чем мир природы («Здесь мир // Доверия живет» [6, с. 49]), но этому и нужно учиться человеку: верить себе, верить красоте, верить другим.

При такой масштабности изображения и широком спектре образов река Акша, небольшая по своим географическим размерам, и в стихотворениях показана миниатюрной:

Акша — тихая речонка:

Вся поместится в руках [6, С.73].

Загребу рукой —

Вот и вся речка [10].

На первый взгляд, упоминания о незначительном размере реки должно заставить читателя сомневаться в том, было ли правильным решением поэта уделять образу Акши столько внимания. Поэт реагирует на мысль читателя, развеивая его сомнения новой строфой, начинающейся с антитезы:

Божий дар

Самой природы,

Божий дар

Округи всей [6, с. 73].

Юрий Назаров подчеркивает факт, что в природе нет ничего малого, незначительного, делая образ реки Акши одним из ключевых в своем творчестве. Акша, наряду с многочисленными маленькими речками России, не обозначенными на карте, но символизирующими родную землю для жителей их берегов, — это воплощение Родины, отражающееся порой в самых малых, но дорогих сердцу деталях.

В творчестве нижегородских поэтов образ реки Акши приобретает мифологическое наполнение. «Спокойная, гордая, зубастая Акша и самом деле может размыть любого врага, как акшинская щука не пожалеет даже своего, если он покушается на речную полноту бытия» [8, С.102]. В этом образе сосредоточены разные ипостаси Акши — это и древние воды, и оплот культуры Святой Руси, и родные просторы России, и «малая родина». Действительно, Акша есть, по словам Перевезенцева, «великая русская тайна», «потаенная река России», в водах которой скрыты какие-то истинно русскиеклады, доступные отнюдь не каждому [9, с. 102].

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман. — СПб: Азбука, 2000. — 304 с.
2. Ганичева, М. В. В Дивеево, на реках Теше и Акше. / Журнал «Роман-журнал XXI век» № 10 (46). — М.: РИД «Роман-газета XXI век», 2002. — 112 с.
3. Курдин, Ю. А. С малой родиной кровная связь. / Назаров Ю. В. На Акше, солнечной реке: Стихи. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2005. — с. 50–52.
4. Курдин, Ю. А. Стихи. / Просветительский журнал «Арзамасская сторона» № 1–2. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2001. — С.39.

5. Курдин, Ю. А. Стихотворения. / Сборник стихотворений «Голос музы Арзамасской». — Арзамас: ЗАО «Арзамаскомплектавтоматика», 2000. — 265 с.
6. Назаров, Ю. В. В родной стороне: Стихотворения. — Нижний Новгород: ННГУ, 1997. — 87 с.
7. Назаров, Ю. В. На Акше, солнечной реке: Стихи. — Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2005. — 53 с.
8. Перевезенцев, С. В. Добрые дела и люди Арзамаса. / Журнал «Роман-журнал XXI век» № 10 (58). — М.: РИД «Роман-газета XXI век», 2003. — 112 с.
9. Перевезенцев, С. В. Потаенный океан России. / Журнал «Роман-журнал XXI век» № 5–6 (53–54). — М.: РИД «Роман-газета XXI век», 2003. — 112 с.
10. Перевезенцев, С. В., Силантьев Р. А. Что же мы такое — «русский человек»? [Электронный ресурс] / Радио «Радонеж» — 2014 — URL: <http://radonezh.ru/analytics/chto-zhe-my-takoe-russky-chelovek-russky-narod-kak-eto-sformuliroval-russky-narodny-sobor-119541.html> (дата обращения: 07.04.2016).

Образ дороги в лирике Ю. А. Курдина

Пантурова Екатерина Владиславовна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

В литературе существует круг тем, который традиционно для всех народов, именно к их числу относится тема дороги. Дорога — древнейший образ-символ, поэтому встречается и в фольклоре, и в творчестве классиков, и в произведениях современных поэтов [4, с. 413]. Не удивительно, что наш поэт-земляк Ю. А. Курдин в своих стихотворениях также обращается к этому образу. «В образной энергии концентрируется сгусток человеческого переживания, облагороженный художественным видением происходящего. В образной энергии усиливаются сознательные и бессознательные процессы, производя человечность как результативный продукт этой деятельности» [6, с. 17]. Дорога в поэзии Ю. А. Курдина — образ, несущий изобразительную, коммуникативную, информационную и нравственную энергию.

Дорогу как элемент пейзажа мы довольно часто встречаем в лирике Ю. А. Курдина:

1) стихотворение «Осень»:

*Я прихожу сюда, как в тихий храм,
Унять печаль, согнать с души тревогу,
И красный лист падет к моим ногам,
Сухим ковром устелет мне дорогу* [3, с. 7];

2) стихотворение «Таежная романтика»:

*Загрущу — опять уединюсь
И пойду тайгою по пороше* [3, с. 10];

3) стихотворение «Где ты, домик мой заветный...»:

*Вот тропинка-паутинка
До колодца пролегла* [3, с. 4].

Уходя от житейской суеты, лирический герой стремится к нетронутой человеком природе, поэтому данный символ в стихах Ю. А. Курдина обычно связан с уединением, размышлением и созерцанием.

Символика «дороги» не ограничивается только объектом материального мира: вся наша жизнь есть путь от рождения до смерти, состоящий из множества тропинок, дорожек, путей.

Уже древние люди осознавали, какое огромное значение в их жизни играет дорога — расстояние до цели. В процессе эволюции человек понял, что если запомнить это расстояние, то можно вернуться назад, подробнее обследовать свой путь в следующий раз, передать знания о нем другим. Способность запоминать дорогу, а в дальнейшем и оставлять отметки на ней, резко противопоставила человека остальным животным. Метить маршрут и безошибочно находить дорогу назад способны и муравьи, однако осознать и выразить ее, вспомнить о ней, находясь вдалеке, они не в силах. Жизненный путь человека, то есть дорога, — это архетип, выражающий не только физическое, но и духовное движение.

В стихотворениях «Уводит дальняя дорога...» [3, с. 12] и «Прощание» [3; с. 13] судьба направляет героя прочь от родного дома, но чем дальше он от него, тем сильнее связь с милым краем («Уводит дальняя дорога — И ближе сердцу отчий кров» [3; с. 12]). Эта связь является тонкой тропинкой из воспоминаний, ведущей назад к Родине («В чужом краю за много дней Они вспомнятся не раз» [3, с. 13]). Она позволяет человеку, словно по своим следам, вернуться домой, даже когда в реальности он не может это сделать. Эта способность мысленно выкладывать свой путь из образов, сохранившихся в памяти, находится в двух местах одновременно (в одном — телом, в другом — душой) является прерогативой только человека.

Жизнь людей невозможна без движения, именно оно явилось одной из главных причин прямохождения, а следовательно, и эволюции. Человеку нужно было передвигаться все быстрее, чтобы выжить, нужно было видеть дальше и освободить пару конечностей для прокладки маршрута и защиты себя в нем, ведь путь подразумевает столкновение с самыми разными обстоятельствами и проблемами. Корни самого слова «путь» следует искать в и. — е. *pōnt, что означает «преодоление», «до-

рога, избыливающая неожиданностями, опасностями» [1, с. 343]. Путь — метафора глубоко содержания.

У многих народов существуют два символа, противопоставленные друг другу — прямой путь и петляющий путь. Прямой всегда ассоциируется с верным решением, с честностью, с благородством и правдой. Круглый же путь — дорога лукавства, слабости и глупости. Былинные богатыри всегда предпочитали «прямоезжую» тропу. В народе закрепились убеждения: «Дело право — гляди прямо» [2, с. 105]; «За прямым путем — правда» [2, с. 110]. В стихотворении «Дума хлебороба» [3, с. 16] Ю. А. Курдин пишет: «Васильки синеют — светят вдоль дороги» — интересная картина, похожая на указатели для самолета на взлетно-посадочной полосе, т.е. для героя они показывают верный путь, правильное направление. Не случайно далее следуют строки: «Ты развеи мне, ветер, на душе тревоги, Чтоб простое сердце в радости забилось, А плохое в жизни быстро позабылось» [3, с. 16]. Автор хочет избавиться от негативных чувств, эмоций, не брать их с собой в путь, чтобы не оступиться из-за них, не сойти с прямой дороги.

В следующем стихотворении «Не надо лишних утешений...» [3, с. 17] появляется такая мысль: верный путь — путь, которым ведет человека жизнь. Автор призывает людей быть довольными дорогой, которая им предназначена, принять ее:

*Не только для больших свершений
На свет родился человек;
А кто-то на простом заводе
Откроет в жизни свой закон;
А долг его — трудиться честно
И обрабатывать других* [3, с. 17].

Печальную участь людей, пытающихся искать другую дорогу, не предназначенную им судьбой, он описывает в последнем четверостишии:

*Но, не найдя пути к иному
И жизнь назвав тяжелым сном,
Пойдет тихонько к гастроному
Огонь души залить вином* [3, с. 17].

Литература:

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М.: Прогресс, 1995. — 456 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. — 616 с.
3. Курдин, Ю., Пяткин С. Лирические отступления. Стихи разных лет. — Арзамас: АГПИ, 2001. — 76 с.
4. Курдин, Ю. А. «Фольклорная сокровищница России» // Личность. Культура. Общество. 2007, № 2. — С. 411–415.
5. Курдин, Ю. А. Мифологические рассказы Арзамасского края // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI № 1 (46–47). с. 89–94.
6. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Гуманитарная энергия современного образовательного процесса // Вопросы культурологии. 2013. № 11. с. 15–19.
7. Fando, R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643–646.

В стихотворении «Календарь» Юрий Александрович сравнивает дорогу жизни со сменой времен года: «Жизни моей календарь Августом зрелым означен» [3, с. 18]. Прошли года молодости, осталось позади бурное цветенье лет, и на его пути появляется новый поворот — наступает осень. Осень, как новый период бытия, означает, что наступила зрелость, а легкомыслие и бесплодные мечтания остались в юности. Осень подталкивает к размышлению, рассуждению о прожитых годах, их оценке:

*Жизни прошедшей моей
Август подводит итоги* [3, с. 18].

Символично, что август — конец лета, начало осени; август — это и время рождения Ю. А. Курдина. Так, герой ступает на новую тропу с запасом опыта, с покорностью.

Идея неизбежности, принятия своей судьбы встречается также в стихотворениях «Вспомнится не раз крыльцо высокое...» [3, с. 32] и «В плену сомнений и тревог...» [3, с. 33]. Фатальность здесь звучит особенно остро из-за любовной темы, подчеркивается одновекторность земного пути, невозможность что-то поменять, изменить направление дороги в прошлом («Не сложилась жизнь — так и не сложится» [3, с. 32]; «Что не задалось, то не уладится» [3, с. 32]; «Не суждено — так не случится» [3; 33]). Однако герой все же возвращается, как отмечено ранее, с помощью тропинки из воспоминаний:

*Вспомнится не раз крыльцо высокое
И печаль от горьких слов твоих* [3, с. 32].

Повторное прохождение той же части пути без возможности что-то изменить, может только навевать грусть. Однако оба стихотворения завершаются примирением с судьбой («Годы беспокойные прошли» [3, с. 32]; «Я на Судьбу не уповаю» [3, с. 33]).

Подводя итог, можно сказать, что образ дороги в поэтическом творчестве Ю. А. Курдина не ограничен бытовым явлением, а, наоборот, чаще используется в сакральном смысле, является связующим прошлого, настоящего и будущего. Судьба ведет человека, а он следует за ней по предназначенному ему пути.

Образ простора в творчестве Юрия Александровича Курдина

Сергеев Вячеслав Александрович, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Что такое простор? Этот образ многократно упоминается в разных областях нашей жизни: математике, физике, религии. А что такое простор в языке литературы и, в частности, поэзии? Если внимательно прислушаться к поэтическому языку, то можно узнать, в чем его художественно-семантические свойства. В первую очередь, простор — нечто бесконечное, уходящее вдаль и не имеющее преград. Простор подразумевает под собой полную свободу для человека, безграничность его возможностей. Человек на просторе чувствует себя особенным, например, в отличие от заточения среди стен, где он ощущает себя ущемленно и подавленно. На природе он сливается с ней воедино: единство человека и природы не разграничивается. С одной стороны, эта бескрайняя даль и ширь может пугать, но, с другой, — может привлекать, благодаря полному соединению индивида и бесконечности простора. Благодаря подобному единству, характеру природы, она может оставить свой след в характере, мировосприятии человека, отношении к своему собственному народу, нации, воспитании патриотичности [3]. Образ простора — образ, наполненный гуманитарной энергией. Энергия — всегда мысль, этой действие. «В образной энергии концентрируется сгусток человеческого переживания, облагороженный художественным видением происходящего. В образной энергии усиливаются сознательные и бессознательные процессы, производя человечность как результирующий продукт этой деятельности» [6, с. 170].

В своем труде «Судьба России» Н. Бердяев написал, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработает ее... Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть...» [1]. Несмотря на свое единство с русским простором, человек полностью от него зависит и находится под его же властью. И зачастую он беспомощен в его организации, чувствуя даже беспомощность. В отличие от европейского населения, в русском человеке отсутствует так называемая узость, сосредотачивающая в себе энергию, полученную за счет небольшого пространства души. Русский человек широк, как и земля, на которой он обитает, поэтому в нем бушует славянский хаос, не поддающийся управлению. Находясь под властью простора, человек не поддается дисциплине, а также ее обучению — он тонет в нем. В этом и заключается судьба русского народа [1].

Простор можно рассматривать как внутреннюю, так и внешнюю судьбу человека. На первый взгляд, простор представляется лишь как географический фактор. Но с другой, более глубокой и философской точки зрения, — это внутренний и духовный фактор души русского чело-

века. Это особая «география русской души», которая способствовала поклонению простору. В поэзии часто можно увидеть эпитеты, при помощи которых постоянно сравнивают душу русского человека, с чем-то великим, необъятным, широким.

Тема простора многократно прослеживается в творчестве современного поэта Ю. А. Курдина, переключаясь с фрагментами грусти, пути, патриотизма, любви.

Любовь к родной стране, патриотизм — одна из ярких черт его поэзии. Любовь к нескончаемому родному краю, бескрайнему простору в строчках заставляет проникнуться ими:

*Уводит дальняя дорога —
И ближе сердцу отчий кров.
Где у родимого порога
Березка в шелесте ветров* [5, с. 12].

Одновременно, эти бескрайние дороги ведут к родному дому и куда-то в бесконечность, за горизонт — навстречу к неизвестному. Само проникновение в эти просторы делает человека добрым, гостеприимным, доброжелательным. Укрепление этих качеств зависит от характера странствия: чем опаснее путь, тем лучше и крепче становятся эти качества. Это отличительная черта славянского народа.

Простор не только порождает вышеперечисленные, положительные качества, но и порождает грусть, печаль, тоску и другие человеческие эмоции. В лирике Ю. А. Курдина особо не выделяется ни одна из этих эмоций, а скорее, представлен их сложный синтез, причем непостоянный, а меняющий свою степень эмоциональности, в зависимости от ситуации. Это есть — «творение» простора.

*Во все концы уходят вдаль
Поля, деревни, огороды...
Не умалить твою печаль
Край увядающей природы...
И только боль да плач души в
В твоих истерзанных просторах,
В твоей немеющей тиши
И в редких птичьих разговорах* [5, с. 15].

Очень заметна взаимосвязь самого автора с его родным краем. Он чувствует его боль, сочувствует ему, разговаривает с ним. Размышления автора наталкивают мысли об утрате ценности родного края для людей: люди не берегут его, а разрушают посредством физического воздействия. Это может закончиться плачевно для всего славянского народа, ведь необъятный русский простор, бок о бок с которым он живет, способствует воспитанию терпимости, неприхотливости — так же черты национального характера. Об этом свидетельствуют даже древние

памятники: например, Святослав спал на земле во время похода, не имея шатра. Такими же качествами было наделено и его войско. Так и воспитывалась с древних времен выносливость народа.

Неоглядная российская ширь зачастую пугает европейцев. Ведь они не могут похвастаться такими большими просторами.

*За яровыми в чистом поле
Церквушка белая видна...
И бьется сердце поневоле —
Как хороша моя страна* [5, с. 12].

Если жителей Европы пугают неоглядные дали, то русского человека они гипнотизируют, вводят в транс. Мировосприятие европейца ограничено пространством, т.е. дальше определенных пределов оно выйти не может, у русского же мировосприятие ничем не ограничивается, не имеет рамок — он видит этот мир иначе. Душа Европы представляется по-разному: она ограничена и ее душа слишком прозрачна, но в то же время души русского и европейского людей похожи [3]. Кругозор русской мысли должен быть достаточно широким и в то же время далеким от других. Отсюда, возможно, и идет внезапное и сильное неприятие русским посягательства на его свободу, простор самореализации идей и возможностей. Логично, что иное мировоззрение не могло родиться под воздействием непостижимой силы простора [1].

Русская душа требует странствий, анархии. Лирический герой в некоторых стихотворениях Ю. А. Курдина представляется странником — самым свободным и, наоборот, счастливым человеком на земле:

*Потом за множеством смешного
Увидит в горечи судьбы,
Что в суете житья земного
И не рабы мы и рабы.
Но, не найдя пути к иному
И жизнь назвав тяжелым сном,
Пойдет тихонько к гастроному
Огонь души залить вином* [5, с. 17].

Образ странника является не только личным, но собирательным — в нем сосредоточено величие и целеустремленность русского народа. Ходя от места к месту, странник мог стать отшельником, жить в полной отдаленности от мирской суеты, созерцая пустоту, а также употреблять вино, используя его как антидепрессант. Открытое пространство, простор, неоглядная ширь — обязательное условие для рефлексии и самопознания. Феномен простора предполагает не статичность, а полную свободу движения, выбора жизненного пути, осознание того, что человек-странник. Что может быть самым страшным испытанием при взаимодействии с простором? Это статичность и неподвижность. Она лишает всего, чем должен обладать русский человек.

Влияние простора сказывается не только на качествах человека, его воспитании, восприятии и мировоззрении, но и на взаимоотношении с другими людьми. Простор — неотъемлемая часть любви [4].

*Зыбкий мостик под ногами,
Тонкой ивы силуэт...
Над речными берегами
Звезд вечерних робкий свет.
На дощечке нам не тесно —
Мы едины — ты и я!
И поет о счастье песню
Акши светлая струя* [5, с. 31].

Если рассмотреть эти строки, то можно сделать вывод, что роль простора играет здесь определенную, и, весьма важную роль. Посредством простора дается общая картина, и нам становится понятно, что лирического героя с героиней связывают любовные чувства [2]. Образ реки, данный автором, символизирует счастье и наивысшую точку радости обоих.

Юрию Александровичу свойственно чувство слитности с природой, ее антропоморфизация. Его описания всегда конкретны и детализированы. Каждая единица живой природы показана как что-то единственное и неповторимое («Тонкой ивы силуэт», «Улыбались цветы в апреле», «Лишь одна пламенеет роза», «Пленяет роща праздничным нарядом») [5]. Так же зачастую образы живой природы олицетворены и сравниваются с живым человеком. Автор с особым чувством раскрывает душу природы, простора, его окружающего. Он не перестает удивляться красоте мира, его многообразию. Лирический герой Юрия Александровича всегда внимателен и чуток к природе. Странник, или же влюбленный юноша не является пассивным наблюдателем, а творцом своей жизни, открывающим для себя прекрасное в природе [7].

Творчество Юрия Александровича Курдина очень многообразно, многогранно, обширно. Множество тем фигурирует в его творчестве: патриотизм, любовь и др. Но одной из главных тем является тема простора, включающая в себя любовь к родной земле, к окружающей природе, неохватному миру [8]. В стихотворениях много картин простора, даже в стихотворении, не имеющего отношения к природе, простор играет главную роль. В каком-то смысле, Юрий Александрович — художник. Он знает жизнь природы (простора), ее характерные особенности, понимает ее противоречия. При анализе стихотворений можно убедиться, что ничто иное, как жизненный опыт и наблюдение послужили источниками вдохновения. Прослеживаются тенденции к обращению к национальному характеру в стихотворениях. Юрий Александрович понимает национальные черты характера, колорит, а также интерпретирует философские корни фольклора [3]. Внимание к взаимоотношению между человеком и местом, где он живет приводит к более глубокому пониманию не только характера своей нации, но и характера других наций тоже. Произведения Юрия Александровича отражают взаимосвязь человека и природы, воспитывает любовь не только к ближнему, но и к родному краю. Стихотворения пропитаны патриотизмом, любовью и иногда грустью. Поэтическая позиция синтезирует и поэтическое дарование, и научные знания. Это дает нам увидеть природу в динамике,

в вечном борении/взаимодействии с человеком, а не статично, мертво [7]. Такой прием дает возможность более глубоко понять суть и величие простора, глубокую лю-

бовь поэта к родному краю. Любви Юрия Александровича к своему краю остается лишь завидовать. «И бьется сердце поневоле — как хороша моя страна!» [5].

Литература:

1. Бердяев Николай, Судьба России (сборник статей 1914–1917). Режим доступа: http://royallib.com/read/berdyayev_nikolay/sudba_rossii_sbormik_statey_1914___1917.html#0
2. Курдин, Ю. А. Природные святыни в народном православии Арзамасского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–2 (24). с. 89–94
3. Курдин, Ю. А. Фольклорная сокровищница России. Личность. Культура. Общество. 2007. № 2. С. 410.
4. Курдин, Ю. А. Традиционная культура Арзамасского края в ее историческом становлении. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (41). С 125–128.
5. Курдин, Ю. А., Пяткин С. Н. Лирические отступления. Стихи разных лет — Арзамас: АГПИ, 2001. — 78 с.
6. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Гуманитарная энергия современного образовательного процесса // Вопросы культурологии. 2013. № 11. с. 15–19.
7. Чанкаева Любовь Альбертовна, Концепция духовного взаимодействия природы и человека в прозе Алексея Малышева // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. фил. н., Майкоп, 2006. — 185 с.
8. Fando, R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Science and Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643–646.

Лестница духовного благоденствия в лирике Курдина Ю. А.

Шувалова Екатерина Сергеевна, студент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

Лестница — один из символических образов, закрепившихся в культуре с древнейших времён, благодаря которому происходит определение места человека в существующем мироздании, его положения между небесным и земным, духовным и материальным.

Лестница связывает различные миры, становясь путём восхождения или нисхождения от одного к другому. Она являет собой движение по вертикали, где подъём приобретает символическое значение преодоления земного притяжения и вместе с тем победы, превознесения духа над плотью и, следовательно, приобретения блага, а спуск приравнивается к несчастьям и грехопадению.

Известно, что в христианской теологии образ небесной лестницы используется для пояснения уровней духовного восхождения, каждый из которых очищает душу человека и приближает его к Богу. Китайская мифология предполагает, что человек должен преодолеть двадцать восемь небес-ступеней, чтобы вырваться из круговорота жизни и смерти и обрести вечность. В символическом сознании восхождение вверх связывается с желанием познания вершины, с высоты которой перед человеком открываются новые перспективы; ею объясняется стремление к идеалам и покорению ранее недостижимого. Образ лестницы связан с постоянным поиском самого себя, с открытием собственной иномерности. Человек- «иномер» живет по принципам диалектической

триады, которая также составляет и ядро православного догмата об Отце, Сыне и Духе. Во-первых, в этой триаде нет отрицания, а лишь повторение пройденного и единение с ним на новом уровне, во-вторых (и это главное). Здесь возникает третье состояние — Духа (святости, образования, времени и т. д.), берущего на себя не только открытие истины, но и тяжесть ответственности» [5, С. 77–80]. Образ лестницы становится в литературе интегрирующим образом, выявляющим пространство иномерности человека, то есть пространство его духовного богатства.

Лестница приобретают значения человеческих благ. Её вершина и движение вверх символизируется с добродетелью, духовным богатством, знанием, совершенством, стремлением, святостью, счастливой судьбой. Подножие и спуск представляется как деградация, болезнь, опасность, лишения и несчастья. Стремление к самосовершенствованию и восхождению вверх по лестнице нравственного и духовного развития заложено у некоторых людей с самого рождения [6, С. 23–26].

Ступени лестницы наполняются аллегорическим смыслом, олицетворяя человеческое сознание, преодолевающее путь бытия и оттого овладевающее прибавляющейся силой. Ступени приобретают смысл жизненных этапов, духовного подъёма, нравственных уровней, которые должен превозмочь человек.

Образ лестницы многозначен в истории культуры и литературы. В лирике Юрия Александровича Курдина он приобретает смысл пути к жизненному счастью и духовному богатству, душевному спокойствию и благоденствию. Наш поэт-земляк в своём творчестве, близком каждому, проникнутом любовью к родине, наполненном философскими размышлениями, поднимает темы, затрагивающие читателей своей искренностью и естественностью. В его стихотворениях ощущается знание жизни и знание того, из чего состоит его собственное человеческое счастье. Лирический герой в произведениях Курдина Ю. А. повествует о том, что его волнует и радует, что превозносит его на вершину символической лестницы. Её ступени — те составляющие, благодаря которым лирическим героем достигается душевное благополучие. Рассмотрим некоторые из них:

Ступень первая — дом.

В жизни каждого человека дом — это обитель, защищающая и хранящая. Это твердыня, дающая человеку безопасность и ощущение надёжности, уверенности. Это семейный очаг, символ уюта, света и тепла. Дом, центр упорядоченной и надёжной жизни, являет собой одну из главных составляющих человеческого благополучия.

Так считает и лирический герой Курдина Ю. А., ласково, любовно называя дом «домиком», наделяя его образ эпитетом «заветный», то есть особо ценный и дорогой сердцу, желанный и связанный с важными, нежными воспоминаниями. Герой обращается к дому, как к своему знакомому, своему старому другу, привлекая притяжательное местоимение «мой» и тем самым стирая нематериальную границу, облекая дом в значение «родной». Лирический герой обращён лицом к дому, как к свету, к теплу.

Где ты, домик мой заветный —

Три оконца налицо.

Там берёзка в час рассветный

Наклонилась над крыльцом [3, С. 4].

Вторая ступень — семья.

Семья — одна из самых важных ценностей в жизни человека. Это оплот любви, поддержки и надёжности в неспокойном и равнодушном мире. Семья вносит в мир человека душевное спокойствие, чувство целостности и единения с близкими людьми. Она — естественная и значимая часть этой жизни, дарующая тепло и уют, осознание собственной важности и ощущение крепкой опоры.

У лирического героя Курдина Ю. А. эта ступень определяется любовью к матери, которая является самым родным и близким человеком, создающим, рождающим семейный очаг и убагаживающим его от невзгод. Мать у поэта — маяк, её уроки, наставления, её любовь светят герою на всём жизненном пути, ведут его к благополучию и счастью:

Не надо, мама, грустных слов,

Ты как маяк в моей судьбе [3, С. 13].

Образ матери ограждает лирического героя от негативных эмоций, он является тем, к чему герой мысленно

обращается в трудные моменты и у которого ищет заботы, тёплых чувств и мудрого совета:

В минуту грусти и тоски

Припомнил я в который раз

Благословение руки

И нежный взгляд печальных глаз [3, С. 13].

Третья ступень — любовь.

Чувство любви — самое главное и самое сильное человеческое чувство. Любовь вдохновляет человека, ведёт его вверх по духовной лестнице. Сила любви заключается в её преображающем эффекте, способном вылечить душу, подтолкнуть её на великие подвиги, открыть для понимания красоты, добра, истины. Она является тем, без чего невозможно полное, цельное ощущение счастья.

Это подтверждает и Курдин Ю. А. в своих стихотворениях:

Не бывает счастье одинокое,

А бывает счастье для двоих [3, С. 32].

Для лирического героя любовь является путеводной звездой на трудном и тернистом пути жизни. Он обращается к высшим силам, прибегает к мольбе, то есть в стремлении к светлому чувству возвышается духовно:

Молю, чтобы вела по жизни нас

Любви взаимной светлая дорога [3, С. 37].

Четвёртая ступень — единение с Богом.

Для православного человека любовь к Богу и единение с ним является частью душевного спокойствия. Эта целостность уравнивает душу. Быть в единстве с Богом, значит быть в гармонии со своей жизнью, созерцать истину.

Курдин Ю. А., несомненно, православный человек. Влияние религии и её проникновение в сферы жизни поэта, а вместе с тем и в его внутренний мир, отражаются в его поэзии. Вера, живущая в людях, ведёт их к просветлению, обретению чистоты и к достижению вершин духовной лестницы:

Встанет крест над селом моим —

Явит в душах людских просветленье [3, С. 22].

Пятая ступень — единение с природой.

Творческие люди, в том числе прозаики и поэты, тонко чувствуют связь с природой. Она оказывает очищающее воздействие, дарит жизненные силы и вдохновляет на творческую деятельность. Находясь в гармонии с природой, человек находится в гармонии с самим собой, облагораживается его духовное начало. Русский человек как никто другой понимает и чувствует эту связь.

В стихотворениях Курдин Ю. А. подчёркивает эту зависимость. В его лирике в богатой гамме присутствуют элементы пейзажа, соотнесённые с внутренним состоянием лирического героя, для которого природа — это храм, место излечивающее душу и помогающее обрести благодать:

Я прихожу сюда, как в тихий храм,

Унять печаль, согнать с души тревогу [3, С. 7].

Шестая ступень — благополучие родины.

Курдин Ю. А. не единожды затрагивает в своих стихотворениях тему любви к родине. Как для русского человека ему небезразлична судьба России, взрастившей его как поэта и как личность, наградившей творческим вдохновением, рождённым в красоте и богатстве русской культуры и просторов. Поэт величественно называет родину «Матерь Святая Россия!» [3, С. 24]. Для него она является олицетворением материнской защиты и любви, праведности и незыблемости, а её процветание — составляющей его счастья.

И бьётся сердце поневоле —

Как хороша моя страна! [3, С. 12]

Седьмая ступень — поэтическое слово.

Поэзия для поэта — это его собственный мир идей, эмоций, протестов, а слово — орудие создания этого мира. Возможность выразить свои чувства и мысли, творчески воссоздать на бумаге внутренний мир и отразить на ней проблемы мира реальности для писателя является не только способом самовыражения, но и путём к его душевному благополучию.

В своих произведениях Курдин Ю. А. говорит о Слове, «тысячелетиями гранённом», и о его роли в его собственной жизни и в жизни каждого поэта:

Не зря его святые тайности,
Впадая в прелести и крайности
Постичь пытаются поэты! [3, С. 21]

И:

В плену сомнений и тревог
От тяжких дум изнемогаю,
Стихи печальные слагаю [3, С. 33].

Таким образом, в лирике Курдина Ю. А. образ лестницы выражается через те аллегорические ступени, подъём по которым приводит человека к духовной вершине, а, следовательно, и к душевному благоденствию. Семь ступеней: дом, семья, любовь, единение с природой, единение с богом, родина и поэтическое слово составляют внутреннюю целостность и благополучие лирического героя Курдина Ю. А. Человек может преодолеть путь вверх, обретая эти блага и, соответственно, вознестись к вершине, а может, потеряв или не овладев ими, совершить спуск и лишиться ощущения счастья. Юрий Александрович Курдин показал в своих стихотворениях оба направления движения по символической лестнице, доказывая этим, что именно из перечисленных выше благ-ступеней и создаётся душевное благополучие.

Литература:

1. Курдин Ю. А. Фольклорная сокровищница России. Личность. Культура. Общество. 2007. № 2. С.410.
2. Курдин Ю. А., Пяткин С. Н. Стихи разных лет. — Арзамас: АГПИ, 2001. — 78с.
3. Морозов И. В. Основы культурологии. Архетипы культуры /Минск: ТетраСистемс, 2001. — 607с.
4. Фандо Р. А. Биоэтика и евгеника: аксиологический диалог // Биоэтика. 2014. № 1. С. 23–26
5. Фортунатова В. А., Валеева Е. В. Иномирность и иномерность как метафоры социального и культурного развития современника// Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 74–80
6. Энциклопедия символики и геральдики.
7. URL: <http://www.symbolarium.ru>(Дата обращения: 01.04.2016)
8. Fando R. A., Valeeva E. V. Conflict harmonization between natural-science and art education // Scienceand Education: materials of the II international research and practice conference, Munich, December 18th — 19th, 2012. Munich: Vela-Verlag, 2012. Vol. II. P. 643–646.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 11.2 (115.2) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга О. А.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 27.06.2016. Тираж 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 60 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25